НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Варшавские тайны

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Варшавские тайны

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Николай Свечин

Варшавские тайны

Глава 1

Бежать из столицы!

Директор Департамента полиции Дурново вызвал к себе статского советника Цур-Гозена. Тот в очередной раз исполнял за Благово обязанности вице-директора. Павел Афанасьевич сильно сдал и по нескольку месяцев в году лечился на германских водах. Сейчас он опять сидел в Бад Вильдунгене и ожидался лишь к сентябрю. Оттуда, из Бад Вильдунгена, и пришла вдруг телеграмма.

— Вот, — Дурново протянул бланк Цур-Гозену. — Рачковский[1] извещает о происшествии. Черт! Этого только не хватало! Решили добить человека!

В телеграмме сообщалось о покушении на действительного статского советника Благово, находящегося на излечении в почечной санатории. Неизвестная молодая женщина дважды выстрелила в него из револьвера, когда тот пил в бювете воду. При этом террористка крикнула по-русски: «Смерть палачам-сатрапам!» Затем попыталась убежать, но была схвачена прислугой и теперь сидит в следственной тюрьме. Благово получил легкое ранение в предплечье и тяжелое — в левую сторону груди, возле сердца. Жизнь его в опасности. Доктора не дают гарантии и советуют готовиться к худшему.

— М-да… — сокрушенно вздохнул Цур-Гозен. — Нашли палача-сатрапа, идиоты…

— Для них кто в полиции служит — все сатрапы. Надо Павла Афанасьевича оттуда увозить. Сразу, как врачи разрешат.

— Боитесь, что попробуют повторить?

— Да. В Германии может случиться что угодно. А тут мы его защитим.

— Ну не понимаю я этого! — вскинулся статский советник. — Он же ведет только уголовные дела! И всегда сторонился политики…

— Я только что объяснил, — сухо ответил Дурново. — Скажите лучше, где Лыков.

— Он в Москве, дорасследует связи Шевырева.[2] Но там сейчас перерыв примерно на неделю, и Алексей просит разрешения вернуться.

— Пусть прямо из Москвы выезжает в Бад Вильдунген. Все изучит и телеграфирует мне шифром подробности. И личность террористки в деталях! Рачковскому поручите выставить возле палаты Павла Афанасьевича круглосуточную охрану. И подготовьте отношение к Гирсу за подписью его сиятельства:[3] пусть попросит содействия германской полиции.

— Слушаюсь!

Через сорок восемь часов Алексей вошел в палату к своему учителю. Тот лежал мертвенно-бледный, с усталыми скучными глазами. Увидев Лыкова, раненый оживился.

— Что так долго, бездельник?

— Ох ты! Если ругаетесь, значит, все не так плохо!

— Вчера пребывал в раздумьях, а нынче утром решил, что еще поживу, — сообщил вице-директор.

— И отлично! А я пока разберусь, кто это вас так.

— Рачковский без тебя уже разобрался. Он ушел отсюда только что. В меня стреляла некая девица Леонтьева, дочь генерал-лейтенанта.

— За что дочке генерала убивать действительного статского советника? Тут нужна разгадка!

— Да за то, что в Департаменте полиции служу, за что же еще?!

— Она идейная? Вроде бы такие давно перевелись.

— А Шевырев с Ульяновым? А поляки? Нет, новая волна пошла. Затишье кончилось. И я…

На этих словах Благово вдруг побледнел еще больше, закрыл глаза и пробормотал, отворачиваясь:

— Ты иди… иди…

Лыков на цыпочках вышел из палаты и первым делом наказал охраннику никуда с поста не отлучаться. Ни на минуту! Потом обратился к сиделке. Та оказалась пожилой немкой, прежде долго жившей в России. Коллежский асессор вручил ей большую жестянку с дорогим «кожаным» чаем.[4] Попросил заваривать его больному почаще и сопроводил просьбу золотой пятеркой. Сиделка понимала русский характер и обещала постараться.

Закончив дела в больнице, Лыков отправился искать Рачковского. Они не были знакомы, но Благово хвалил этого человека. В свое время тот проявил себя, помогая Павлу Афанасьевичу в щекотливом деле. Вдова покойного императора княгиня Юрьевская похитила и вывезла из страны секретный франко-русский протокол. Жадная и недалекая, она собиралась продать документ германцам. Доктор Любимов на правах альфонса вел от ее

лица переговоры с Бисмарком. Нынешний государь послал Благово отобрать бумагу у зарвавшейся дуры. Состоялось объяснение. В ходе него Павел Афанасьевич сильно поколотил Любимова, попытавшегося противиться воле государя. Рачковский тоже приложил руку к обузданию эскулапа. Причем в самом непосредственном смысле этого слова… В итоге по рекомендации Благово он был назначен на хлебное место начальника Заграничной агентуры Департамента полиции. Безотчетные секретные фонды Рачковский тратил с умом и обязанности исполнял хорошо. Петр Иванович всегда помнил, кому обязан своей должностью. Теперь он усиленно разыскивал террористов, поднявших руку на его покровителя. Сумасбродная барышня мало интересовала Рачковского — он хотел найти руководителей покушения.

Полицейские встретились уже под вечер в ресторации «Вильде». Тут Лыков узнал от коллеги удивительную новость: девица Леонтьева освобождена из-под стражи и убыла в неизвестном направлении!

— Как же так? Кто позволил ее отпустить?

— Я задал тот же вопрос начальнику полиции. Он ответил, что из Берлина приехал важный господин, советник германского МИДа барон Гольдштейн. И передал устное повеление Бисмарка отпустить русскую.

— Бисмарк заступился за Леонтьеву? — опешил Алексей. — В огороде бузина, а в Киеве дядька! Какая связь между личностью Павла Афанасьевича и высокой европейской политикой? Бисмарк мелочиться не станет. А наш любимый вице-директор, при всем к нему уважении, не та фигура для канцлера.

— Сам не пойму, — ответил Рачковский, отхлебывая темное пиво. — Надо рассказать это Благово. Поскорее. У него голова поболе моей…

— И моей тоже!

— …пусть она и думает. Есть еще странное обстоятельство. Вместе с бароном к начальнику полиции пришел еще один человек. Он не представлялся. Но именно этот господин без имени и увез Леонтьеву.

— Погодите-ка, Петр Иванович, — нахмурился Лыков, который никогда ничего не забывал. — Я слышал о бароне Гольдштейне два года назад. В нашей военной разведке, в германском отделении. Там его увязывали с неким субъектом, состоящим на русской службе. Незнакомец ваш как выглядел? Низенький, лысый, бритое лицо и очень высокомерный?

— Верно, Алексей Николаевич. А кто это?

Лыков сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Ример! Я должен был догадаться!

— Кто таков этот Ример? И зачем ему желать смерти Павла Афанасьевича?[5]

— Извините, Петр Иванович, но об этом человеке больше ни слова. Для вашей же пользы. И… я вам не называл такой фамилии. Никогда! Мы понимаем друг друга?

— Сейчас выясним. Вы этого так не оставите?

— Ни в коем случае.

— Тогда я хотел бы помочь вам в… ну, вы догадались. Я многим обязан Павлу Афанасьевичу. И тоже не склонен прощать подобного. Пожалуйста! Я умею хранить тайны. А здесь, за границей, вам могут понадобиться мои связи.

Лыков задумался. Спустя минуту он решился:

— Хорошо. Вы правы, помощь мне не помешает. Я хочу знать, куда уехал Ример. В

Париж? В Берлин? Или, может быть, в Петербург?

— Выясню. Полагаю, он уже в поезде. Зачем мозолить здесь глаза? Сделал дело, вытащил террористку — и бежать. Вы где остановились?

— На Брунненаллее, в гостинице «Фридрихштайн».

— Я приду к вам сегодня. Будьте в номере после восьми вечера.

Рачковский не обманул ожиданий Алексея. Он появился в половине девятого и спросил:

— Тайный советник Ример, член Совета министра внутренних дел — он?

— Он.

— Вот скотина! Из наших оказался! Ример отбыл сегодня днем через Берлин в Санкт-Петербург. Девица Леонтьева уехала в Париж двумя часами ранее.

— Спасибо, Петр Иванович. Я тоже качу в Питер. Срочно! Вы, пожалуйста, понаблюдайте тут за Павлом Афанасьевичем. А когда поправится немного, привезите к нам.

— Хорошо.

— И не сообщайте никому о Римере. Барона в депеше Дурново упомяните, а этого гуся не стоит.

— Так и сделаю, Алексей Николаевич. И… это… буду ждать новостей.

— Новости я вам обещаю.

Еще через сорок восемь часов коллежский асессор делал доклад начальству. По его рассказу выходило, что тут замешаны немцы. Барон фон Гольдштейн, ближайший советник Бисмарка, зачем-то вытащил русскую террористку из тюрьмы. Какая связь между этими людьми? Дочь русского генерала, канцлер Германии и вице-директор Департамента полиции… Дикий клубок! Дурново выслушал доклад Лыкова и недовольно насупился.

— Вот и Рачковский подтверждает. Один в один. Что же затеяли германцы? Зачем им сдался Павел Афанасьевич? Не пойму. Или его с кем-то спутали? А эта дура Леонтьева! Она, оказывается, морфинистка. Может, выпростала пузырек да и накинулась на первого встречного…

— Если даже и так, при чем тут посланник Бисмарка? — не согласился второй вице-директор, статский советник Семакин. — Концы не сходятся.

— А! — сердито отмахнулся Дурново. — Не станем дальше голову ломать. Павел Афанасьевич, слава Богу, жив. Террористка бежала и нам теперь недоступна. А до Бисмарка нашему геройскому департаменту вообще нет никакого дела. Я доложу Вячеславу Константиновичу,[6] и мы закроем вопрос. Расскажите лучше о том, что разыскали в Москве. Точно ли кислоту для бомбы прислали Ульянову поляки?

Недавняя попытка покушения на государя оставалась главным событием внутренней жизни империи. Метальщиков с бомбами схватили на Невском проспекте первого марта. Они знали, что в этот день Александр Александрович обязательно поедет на панихиду по своему отцу, убитому шесть лет назад. «Второе первое марта», как прозвали покушение в обществе, напомнило о гидре терроризма. Тихие годы оказались лишь передышкой. Следствие вскрыло страшные вещи: студенты из хороших семей (у Ульянова отец — статский генерал!) начинили пули в револьвере ядом и стрихнином — чтобы наверняка! Три разрывных снаряда могли разорвать в клочья случайных прохожих — на Невском всегда людно. След вел и к полякам, ненавидящим Россию.

Кроме того, открыло бомбистов столичное градоначальство, а Департамент полиции и Охранное отделение с Корпусом жандармов просмотрели. Наверху уже сделали выводы. Оржевского, товарища министра и командующего ОКЖ,[7] сняли с должности. Корпус как

следует встряхнули. Дурново нервничал и драл с подчиненных три шкуры. Лыкова забрали с уголовных дел и заставили искать сообщников террористов в Москве. С помощью друзей-старообрядцев он обнаружил там секретную лабораторию по изготовлению бомб. Это был большой успех, поднявший акции Департамента; государю уже доложили о нем. По всем этим причинам дело Шевырева-Ульянова занимало Дурново куда больше, чем странное покушение на его вице-директора.

К вечеру Алексей освободился, но домой не пошел. Середина мая — лучшее время в Петербурге! Уже тепло, и первые листья радуют глаз. Темнеет поздно, начались белые ночи. Дети ждут папашу, и Варенька соскучилась, но нельзя… Лыков явился на одну из секретных квартир Департамента, записанную за ним, и стал готовиться. Час назад он выяснил через адресный стол местожительство Римера. Для этого сыщику пришлось одеться курьером. Тайный советник проживал на Сергиевской улице, в роскошном доходном доме Бутурлиной, больше похожем на дворец. Вместе с Римером на площади были прописаны камердинер, лакей и кухонный мужик. Ни одной женщины! Ну, это даже лучше, учитывая планы коллежского асессора.

Тщательно приклеив бородавку и отладив кудрявый парик, Алексей вышел на улицу. В одиннадцать часов вечера он вошел в парадное. Сказал швейцару, что пакет для его превосходительства, срочно, лично в руки. Курьерская фуражка с кокардой сделала свое дело — толстый швейцар тут же пропустил его.

Дверь квартиры открыл плечистый дядя с нехорошим прищуром. Но сразу посторонился, завидев «черную шапку»,[8] — выходит, это здесь дело привычное. Пока все шло, как задумал сыщик.

— Где расписаться? — деловито спросил верзила.

— А вы изволите быть его превосходительство тайный совет ник Ример? — ядовито осведомился «курьер».

— Поумничай у меня! — огрызнулся дядя, судя по грязной жилетке — лакей. — Превосходительству я передам. Много тебе чести их беспокоить.

— Велено вручить лично в руки, — флегматично сообщил Лыков, глядя в потолок.

— Накось вот тебе двугривенный и вали отседова.

— Начальство сказало: об этот раз в руки. Из самого Берлину! Видать, что-то шибко важное.

Лакей несколько секунд размышлял, потом крикнул через плечо:

— Пахом!

Вышел второй детина, еще выше первого. Он был в ливрее и даже с цепочкой под ней. Ага, камердинер!

— Чево тебе?

— Покарауль этого, а я барина приведу. Вишь, не дает! Важное что-то…

Пахом вздохнул, словно ему поручили ворочать камни, и пристроился возле «курьера». Едва его товарищ скрылся в коридоре, Лыков сразу напал. Получив молниеносный удар в горло, богатырь захрипел и рухнул на колени. Над самым полом коллежский асессор подхватил его и аккуратно уложил вдоль стены. Нужно было срочно найти третьего. Камердинер с лакеем больше смахивали на телохранителей, нежели на прислугу. Лыков бесшумно проскользнул в кухню. Там спиной к нему сидел крепыш в кубовой рубахе (что ж они все здоровые такие!) и хлебал тюрю. Удар в висок! Парень слетел с табурета. На этот раз сыщик ловил не его, а мебель, и все опять обошлось без шума. Едва он успел вернуться в

шинельную, как в коридоре послышались шаги и голоса.

— …Упрямый такой, вашество! Двугривенный не взял! Веди, грит, барина, и точка.

— Ну и останется, дурак, без награды.

Лыков шагнул навстречу, схватил лакея снизу за бороду и шваркнул головой о стену. Тот и охнуть не успел… Взяв в охапку барина, сыщик выволок его под лампу и внимательно рассмотрел. Вот ты какой, загадочный кукольник! Ример действительно оказался щуплым старикашкой с обильной лысиной. Глаза у кукольника, правда, были не властно-высокомерные, а испуганные.

— Кто вы? Что это значит? — захрипел он в медвежьих объятиях сыщика.

— Я ведь тебя, скотина, предупреждал: если что случится с Павлом Афанасьевичем — убью! Было?

— А… вы… какое право…

— Я Лыков.

Ример сразу обмяк. Алексей взял его за бритый подбородок, задрал голову вверх. Он был в бешенстве. Ему хотелось удавить негодяя так, чтобы тот перед смертью подольше мучился. Ведь этот сморчок чуть не погубил Благово! Его, Лыкова, наставника и учителя, второго отца! Пальцы сами собой стали сжиматься на горле. Вдруг сзади послышалась возня. Не разжимая рук, сыщик оглянулся. Камердинер сидел на полу и хрипел, пытаясь подняться. Алексей не спеша подошел, волоча за собой пленника. Постоял, примерился и врезал ливрейному каблуком в переносицу. Тот повалился замертво.

— А скажи-ка мне, кто тебе помогал, — снова обратился Лыков к тайному советнику. Но их опять прервали: из кухни выполз парень в кубовой рубахе.

— Тьфу! И поговорить не дадут!

Сыщик оплеухой сбил Римера с ног и быстро разделался с его охранником. Добавил за компанию и лакею в коридоре, чтобы уж больше их не прерывали. Потом отволок пленника в кабинет.

— И про морфинистку не забудь, и про барона.

Ример глядел с ужасом и булькал горлом.

— Там… деньги, много денег… Вот, в столе и в шкатулке еще! Все забирайте и уходите… пощадите старика!

— Лучше покажи мне письма. Те, что ты получаешь из Берлина, из Лондона.

— Все покажу! Все!

— Начни, знаешь, с той бумаги, что я посылал тебе. Помнишь?

Письмо-угрозу нужно было забрать из квартиры в первую очередь.

— Да, сию секунду! Она здесь, в секретере… Вот, извольте! Берег, как чувствовал…

Лыков отпустил пленника и развернул четвертушку бумаги. Да, это его записка! Вдруг краем глаза сыщик уловил движение и едва успел отшатнуться. Вспышка выстрела ослепила его, пороховые газы обожгли щеку. Лыков наугад сунул кулак — и попал. Шмякнулось на пол тщедушное тело, с грохотом посыпался со стола письменный прибор. Алексей кое-как протер глаза. Ример лежал лицом вверх, а вокруг его головы быстро растекалась лужа черной крови. Тайный советник смотрел на Лыкова с ненавистью и что-то пытался сказать. Но вместо слов изо рта у него шла только кровавая пена…

В дверь квартиры позвонили, потом начали стучать. Нужно было срочно драпать. Алексей опустошил секретер, рассовал по карманам лежавшие в нем бумаги и рванул к черному ходу. Оказалось, что там его уже поджидали. Парень с дворницкой бляхой пытался

сгрести коллежского асессора в охапку. Тот увернулся, подножкой сбил противника с ног и выскочил во двор. Мимо дровяных сараев он пробрался к соседнему дому, напустил на себя беззаботный вид и спокойно вышел на Сергиевскую.

Через пять минут Алексей уже был дома, на Моховой. Варень ка выбежала ему навстречу.

— Как там Павел Афанасьевич? Я ждала, ждала…

Но всмотрелась в мужа и ахнула:

— Что у тебя с лицом? Словно утюг приложили!

— Павел Афанасьевич в сознании и скоро будет здесь.

— Но… твоя щека…

— Запомни, Варвара: весь сегодняшний вечер я провел дома с семьей. И прислугу научи. А сейчас тащи свои косметические средства, будем меня лечить.

— Алексей! Объясни, что случилось? Где ты был?

— …И никогда больше не задавай мне таких вопросов.

Варенька взглянула в глаза мужа — там, не потухая, горела яростная злость — и молча побежала за мазями.

В прошлом году в маленьком уездном городе Варнавине она впервые столкнулась с жутким миром убийц. И только тогда до конца поняла характер службы мужа. Страшная опасность угрожала семейству Лыковых: нелюди решили уничтожить их всех, включая даже маленьких детей…[9] Только Божий промысел в лице необыкновенного подростка спас семейство. Ужас тех минут запомнился Вареньке навсегда. Ее супруг, такой добрый и нежный дома, оказывается, мог быть и другим. Решительным и беспощадным. И только так он добивался победы. Зло по очереди выставляло Алексею в противники все новых и новых своих солдат. То в образе беглого каторжника, то в лице уездного исправника, то вдруг под видом провинциальной красавицы. Казалось, им нет счету, их воинство неодолимо. Но Лыков не опускал рук и не впадал в малодушие. Он методично и неутомимо вычищал пространство вокруг себя. В этом защищенном его храбростью пространстве жили нормальные люди. Часто они и не подозревали, как раньше Варенька, о существовании другого мира, насылавшего на них экспедиции. И пусть не догадываются! Алексей чувствовал себя молодым и сильным. Он занимался тем, к чему был предназначен. Коллежский асессор не питал иллюзий вроде «добро всегда побеждает». Но на своем участке границы между двумя мирами он противнику спуску не давал и его не пропускал. Варенька, поняв это единожды, сознательно поставила себе барьер: не спрашивая лишнего, просто любить. И стараться не бояться за мужа, как бы это ни было трудно…

Утром Лыков пришел на службу с подвязанной щекой. Вид у грозного сыщика получился жалкий. «Вяземский кадет», а не коллежский асессор с двумя шейными орденами… Цур-Гозен посмотрел на подчиненного да и отпустил бедолагу лечить больные зубы сразу до понедельника. Уходя, Алексей успел пробежать глазами сводку происшествий по столице. Там на первом месте стояло убийство в собственной квартире тайного советника Римера. Преступник скрылся, сильно помяв трех человек из прислуги.

К понедельнику зубы у Лыкова зажили, и он опять явился к Цур-Гозену.

— Ага! — обрадовался тот. — Очень кстати! Ты слышал про убийство члена Совета нашего министра?

— Читал в сводке, но без подробностей. Мы-то тут при чем?

— Сыскное управление градоначальства не справляется. Велено помочь Виноградову.

— Вот еще! — фыркнул Алексей. — Ему сунешь палец — он откусит всю руку. Вы же знаете Ивана Александровича. Как только мы начнем ему помогать, он тут же бросит розыск. А потом на нас все и свалит. Департаменту лучше вообще в это дело не соваться!

Цур-Гозен сник.

— Да, Виноградов любит на чужом горбу в рай ездить… Но как же быть? Директор велел помочь.

— Сошлитесь на занятость. Своих дел невпроворот, некогда чужими заниматься!

— Алексей Николаич, но ты же сейчас свободен! Бомбистов повесили, следствие закрыто. В Ялту в этом году тебе не в очередь.

— Значит, нужно срочно придумать мне занятие! Иначе мы с этим… как его?

— Римером.

— …Римером вляпаемся. Я петербургское сыскное хорошо знаю — всё повесят на нас!

— Погоди-ка, — повеселел исполняющий обязанности вице-директора. — Где оно у меня? Ага!

Он взял со стола отношение и пояснил:

— В Варшаве пристава убили. И еще полицейский офицер без вести пропал. В штат их сыскного отделения введена должность временного помощника начальника с целью усилить службу и разыскать убийц. Сами они не справились… Дурново велел послать кого-нибудь из третьего делопроизводства, на шесть месяцев. Не хочешь? Варшава — это же почти Европа!

Лыков задумался. Может, действительно лучше сбежать из столицы? Подальше от сыскарей Виноградова и поближе к Павлу Афанасьевичу…

— А что! Там много неприсутственных дней: к нашим православным праздникам добавляются еще и католические. Можно Благово навещать. Согласен!

Так Лыков угодил в Варшаву.

Глава 2

Знакомство

Алексей прежде уже бывал в столице Привислинского края, переименованного так из Царства Польского после восстания 1863 года. Раз проездом и раз прожил три дня в составе Летучего отряда Департамента (брали шайку мошенников). Города он за эти короткие визиты узнать не успел, но осталось впечатление чего-то парадного и вполне заграничного. Теперь коллежскому асессору предстояло прожить здесь полгода. Он решил первый месяц перекантоваться в одиночку, освоиться, приискать квартиру — и потом вызвать семейство. Варенька согласилась на это без раздумий.

Она затаила в себе новый страх с той ночи, когда муж пришел под утро с обожженной выстрелом щекой и сказал:

— Запомни: весь вечер я был дома.

— А если заставят присягать на Священном Писании?

— Жену против мужа не заставят, закон не дозволяет.

— Но…

— Где я был на самом деле?

— Да.

— У человека, который велел убить Павла Афанасьевича. Теперь забудь об этом!

Сборы заняли два дня. Все это время Лыков наблюдал, как ведется розыск по делу Римера. Высокий чин погибшего заставлял сыщиков стараться. Департамент обязали-таки помочь градоначальству, но Дурново зло подшутил: для этих целей он выделил надворного советника Скибу. Тот раньше служил с Виноградовым, но мздоимство последнего вынудило его уйти. Благово тогда взял Максима Вячеславовича к себе. Скиба помнил, кто помог ему в трудную минуту. И охотно отвечал на вопросы ученика своего покровителя, а взамен требовал хороших новостей из Бад Вильдунгена.

Из рассказов Скибы выходило, что сыщики зашли в тупик. Свидетели давали приблизительное описание внешности убийцы. Среднего роста, кудрявые черные волосы, усы мещанского типа. На лице — приметная бородавка. Очень быстрый, очень сильный… Под такие приметы не подходил никто из рецидивистов. По мнению надворного советника, бородавку преступник наклеил для отвода глаз. И волосы мог перекрасить. Из надежных примет оставались только рост и особая дерзость, с которой было совершено убийство.

Эта манера и стала путеводной нитью для следствия. Лишь два человека в столице способны на такое! Первый — это знаменитый Сашка-офицер, артист в своем роде. Второй — восходящая звезда столичного преступного мира Ваня-Учигай.[10] Родом из Бессарабии (оттуда и кличка), он составил в Кишиневе шайку громил и провел ряд налетов. Ограбления были поразительными по наглости — жертвой одного даже стал вице-губернатор! — и стоили много крови. Выданный сообщниками, главарь бежал из тюремного замка и объявился в Петербурге. Быстро вошел в круг влиятельных «иванов». Грабил с большим разбором и брал помногу. Действовал Учигай теперь всегда один и потому был неуловим. Барыги и наводчики боялись его как огня и отказывались давать показания. По данным

сыскной, бессарабец квартировал в Волчьей канаве на краю Горячего поля. Полиция в это страшное место соваться не решалась. Поэтому пока Учигаю все сходило с рук.

Скиба сообщил Алексею свои соображения и спросил его мнение.

— Это не Ваня! — уверенно ответил коллежский асессор.

— Значит, Сашка-офицер?

— Нет, и не он.

— Как так?

— А вы задумайтесь, Максим Вячеславович. Насколько я помню протокол осмотра, там сказано следующее. Жертва погибла, ударившись виском об угол камина. При падении. Так?

— Точно так. И что из этого?

— Думаю, случилось непредумышленное убийство. Будь там Учигай, он кончил бы всех, кто находился в квартире. А тут слуги помяты, но живы. Помер лишь старик, и то при неловком падении.

— Хм… Интересное соображение. То есть дерзость не Сашки и не Ваньки, а кого-то третьего? Тогда кто он и зачем пришел к покойному?

— Пришел понятно зачем — пограбить. И у него был наводчик.

— Наводчик? Все интереснее и интереснее!

— Рассудите сами. Тайный советник, чин третьего класса, кого попало к себе не впустит. Случайный налет исключен. Неизвестно число людей в квартире и насколько они решительны. А наш грабитель проник и был подготовлен. Кто-то загодя вооружил его сведениями.

— Так-так-так… Продолжайте, пожалуйста, Алексей Николаевич!

— Я исхожу из здравого смысла. Преступник шел на грабеж неимоверно дерзкий, но шел уверенно. Он разделался с прислугой по одному, поскольку знал порядки в квартире. Думаю, надо искать двух злоумышленников. Один из них был ранее связан с покойником. Например, бывший слуга, обиженный при расчете. Или кто-то близкий к нему. И собственно налетчик, возможно, новичок в уголовном мире. Заметьте: налетчик, но не убийца! Хозяина он завалил случайно, в ответ на выстрел последнего. Так что ищите не гайменника, а дергача![11]

— Вот сразу видать школу Павла Афанасьевича! — с чувством произнес Скиба, вскакивая с кресла. — Пойду вправлю мозги Виноградову!

Лыков уезжал в Варшаву довольный. Подброшенной им версии сыщикам хватит на месяц. За это время о Лыкове все забудут. А когда через полгода он вернется, розыск убийцы Римера уже закроют.

Прощание с семейством вышло невеселое. Все привыкли к его постоянным отъездам, но шесть месяцев — большой срок. Может, соединятся они вскоре в Варшаве, а может, это окажется неудобным. Мало ли для того причин? Варенька всплакнула. Сыновья отказались слезать с отцовской шеи, и пришлось отвлекать их мороженым. Когда они ринулись на зов няни, Лыков обнял жену, взял вещи и уехал на вокзал.

Поезд из Петербурга прибывал в Варшаву ровно в полдень. Задолго до этого Лыков понял, что он не в России. В империи, но не в России! С утра за окном тянулись ухоженные поля. В лесах не валялось ни одного бесхозного дерева. Кабаны и косули смело высовывались из кустов, разглядывая паровоз с вагонами. По шоссированной дороге в аккуратной бричке ехал прилично одетый крестьянин и курил трубку. Вдоль пути — ни

бумажки, ни соринки. И этих людей мы хотим подчинить своей воле, подумал Лыков. Впору учиться у них, а не пытаться диктовать.

Он не любил поляков — за раннюю смерть отца, за фанфаронство, за неприязнь ко всему русскому. Но ведь в культурном отношении польская нация стоит выше, и глупо это отрицать. И каково более развитому народу подчиняться менее образованному? Плюсом добавить тупую властность нашей бюрократии… А еще особенности русского характера делают гнет особенно унизительным. Алексей вспомнил рассказ агента Девяткина из нижегородского сыскного. Тот проходил воинскую службу в Царстве Польском. Когда их рота выдвигалась на маневры, привал часто устраивали возле фруктовых садов. Наши солдаты, побросав винтовки, тут же бежали набрать яблок или слив. Но они не рвали плоды, а ломали целиком лучшие ветки! Обдирали деревья так, что те потом долго болели или вообще погибали. Само воинство состояло преимущественно из крестьян, которые у себя дома сеяли, сажали и должны были, казалось, понимать цену рабочего пота. Как же так? Для чего этот вандализм? Из злого озорства, увы, часто присущего русскому человеку… Притом ротные командиры поддерживали безобразия, а вышестоящее начальство закрывало на них глаза. Девяткин, неглупый и богобоязненный человек, рассказывал о ломке деревьев с удовольствием. Пусть, мол, знают! Ишь, обустроились! Ну и как должен относиться к русским тот поляк, чей сад погубили?!

С невеселыми мыслями Лыков отвернулся от окна и стал присматриваться к попутчикам. Вагон был со спальными диванами, но без купе — все пассажиры на виду. Они четко делились на три категории. Больше всего ехало офицеров и чиновников. Эти направлялись к месту службы серьезные, важные, словно татары за ясаком. Военные — подтянутые и хмурые, а у статских в глазах напускное, неуверенное чувство превосходства. Будто они понимали свою несуразность и вынужденно маскировали ее апломбом…

Вторыми по численности были ополяченные евреи. Финан систы, коммивояжеры в добротных сюртуках и с дорогими булавками в галстуках. Несмотря на такую наружность, с русскими они держались подобострастно и охотно оказывали им мелкие услуги.

И наконец, третьим элементом были туристы, едущие в Европу. Для них остановка в Варшаве была лишь коротким эпизодом, закуской перед главным блюдом.

Собственно поляков во всем вагоне не оказалось ни одного!

Кондуктор прошел по вагону и объявил, что прибытие состоится через четверть часа. Пассажиры стали укладывать вещи. Вскоре поезд въехал в скучное правобережное

предместье Варшавы — Прагу. За окном мелькали закопченные кирпичные казармы и деревянные складские балаганы. Нако нец состав остановился. Лыков с саком и корзиной вышел на дебаркадер и сразу увидел встречающего. Среднего роста и возраста человек, в готовом костюме-тройке, с цепким взглядом, стоял в толпе. Он тут же подошел и чуть приподнял шляпу.

— Позвольте представиться: губернский секретарь Яроховский Франц Фомич, заведующий столом приключений.[12] Прибыл сопроводить вас до начальника отделения.

Яроховский говорил по-русски правильно, но с характерным польским произношением, когда ударение ставится на предпоследний слог.

Лыков передал вещи носильщику, они вышли на биржу и сели в заранее арендованного извозчика. Алексей обратил внимание на внешний вид пролетки. Очень чистая и аккуратная, на лежачих рессорах — таких не встретишь ни в Петербурге, ни тем более в Москве. Лошади тоже как с картинки, здоровые и ухоженные. Упряжь «краковская», рогатый хомут и чересседельник украшены посеребренными бляхами. Извозчик бритый, подтянутый и вежлив без заискивания. Чудеса! Биржа вообще поразила сыщика. Возницы разбирали пассажиров в порядке очереди, без ругани и состязаний. Седо ки тоже не пытались торговаться, а чинно рассаживались и мирно уезжали. Как это не похоже на Россию… Присмотревшись, Лыков обнаружил на стенке коляски небольшой листок с текстом на двух языках: «Один конец — 20 копеек».

— Франц Фомич, что это за «конец»? Сколько в нем верст?

— Конец — это одна поездка. Она может быть и двести саже ней, и десять верст. А цена одна — двугривенный.

— Но если я подряжу извозчика ехать на другой конец горо да? Со столь малой суммой он же окажется в невыгоде!

— Такие «концы» редки. Варшава не настолько велика. Обычно поездки короткие, и возница не остается внакладе.

— Удивительно! — только и сказал Лыков.

Между тем пролетка выехала на мост, и открылся вид на город. Он был очень красив. На левом, высоком берегу Вислы раскинулись живописные кварталы. Поражало обилие зелени — варшавяне любят прогулки на свежем воздухе. Среди густых крон тут и там возвышались бельведеры шляхетских дворцов и шпили костелов. Алексей залюбовался. Варшава смотрелась европейской столицей. Яроховский, заметив это, польщенно улыбнулся и стал объяснять:

— Справа от моста Королевский замок. Там, где столпились узкие дома, — Старо Място. Этот район действительно очень старый — некоторые жилища стоят с семнадцатого века. А шпиль, что виден позади, — это Свентоянский костел, главный в городе. Известен с 1250 года! Правда, он неоднократно подновлялся, последний раз всего полвека назад, и внешний вид искажен, но зато внутри все древнее! Не поленитесь и загляните туда. В костеле погребены последние мазовецкие короли Януш и Станислав. Очень красивые мраморные надгробия. У вас тогда… как это говорится? Сапогом суп ели, да? А у нас уже как в Европе было.

Алексея покоробил такой выпад, ничем не спровоцированный. Он хотел одернуть поляка, но передумал. На новом месте первое время надо больше слушать и меньше говорить…

Губернский секретарь между тем продолжал:

— От замка влево идет главная варшавская улица Краковское Предместье. То наши Елисейские Поля! Самые красивые дома и дворцы магнатов здесь или поблизости. Вам обязательно следует тут прогуляться!

— Да, я решил изучить ваш город как можно быстрее. Это и для службы полезно, и удовольствие…

— Если желаете, готов показать вам все интересное!

— Спасибо, Франц Фомич, но незнакомый город надо изучать одному, без провожатых. Пару раз заплутаешь, зато быстро освоишься! Вы мне лучше про криминальную обстановку в Варшаве расскажите.

На этих словах Яроховский сразу замкнулся.

— По этому вопросу вам следует адресоваться до господина начальника отделения.

— Хорошо, вернемся к городу. Ежели я, согласно вашего совета, пойду гулять по Краковскому Предместью, где окажусь потом?

— О, вы попадете в Новы Свят, еще один чудесный уголок! Там действительно все без древностей. Строения приятные и представляют собой образчики модных направлений архитектуры. Мы стараемся брать пример с Парижа и Вены. Не с Петербурга, нет.

Лыков развернулся к собеседнику и посмотрел на него в упор.

— Чем же вам так Петербург не угодил?

Яроховский отнюдь не стушевался и ответил с вызовом:

— А он не мне одному, он всем полякам не угодил. Прослужите тут хотя бы с месяц — и поймете чем.

Алексей попытался смягчить разговор:

— Я слышал, что для коренных жителей существуют затруднения в производстве. Вас что, обошли чином? От этого обида?

— Чином обошли, верно. Как всех других добрых католиков, не желающих менять веру на карьеру. Но бог с ним, с вашим чином! Хотя я служу честно, существую лишь жалованьем и здорового честолюбия не лишен. Не знаю, поймете ли вы нас… Да, русские везде обходят по службе потому лишь, что они русские. Таков негласный порядок. И это очень неприятно наблюдать. Я служу уже восьмой год и пребываю в двенадцатом классе. Со мной в гимназии учился некий Ташкин, лентяй и пустой человек. Но зато православный! И что вы думаете? Он уже надворный! Чем-то там руководит в магистрате, хотя по способностям ему лучше всего быть свинопасом. Лямку под ним тянут честные поляки, а чины идут Ташкину И еще тем, кто с гуттаперчевой спиной…

Яроховский вздохнул и отвернулся. Пролетка между тем проехала мост и стала взбираться по широкому подъему. К большому удивлению Лыкова, дорога оказалась из асфальта! В Петербурге этим дорогим и модным материалом отделали лишь несколько площадок перед театрами и великокняжескими дворцами. А здесь… Экипаж катил по гладкой и ровной мостовой бесшумно и споро, словно бы по стеклу. Очень быстро седоки очутились на Замковой площади.

— Скоро уже приедем, — со вздохом произнес Яроховский. — В довершение разговора скажу без экивоков. Обидно не то, что нас обходят по службе. Обидно, когда народ почти варварский повелевает народом более цивилизованным. Это несправедливо. И когда-нибудь плохо кончится для повелителей.

— По-вашему, русские почти что варвары? — опешил Лыков.

— Так считает каждый поляк, — отрезал заведующий столом приключений. — Не

каждый скажет вслух, как я, но думают так все.

— Может быть, вам оставить службу? При подобном образе мыслей…

— Это, милостивый государь, не вам решать. А без нас, кто честно служит, вы тут все равно не обойдетесь. Некомплект русских чиновников катастрофический. Не едут они сюда, как ни заманивай ускоренным чинопроизводством. Так что терпите!

— Хорошо, я потерплю пока, — согласился Лыков. — Совместная служба лучше всего покажет, на своем ли вы месте.

— И тогда что? — с вызовом спросил губернский секретарь.

— Если на своем — останетесь. Как бы ни противны были русскому курсу ваши взгляды. Кто-то должен служить. Если человек делает это честно и умело, его политическая оппозиция терпима. В разумных пределах, конечно.

— А если вы решите обратное?

— Тогда уйдете с коронной службы без прошения. Может быть, в те же свинопасы.

— Вы такая фигура? — фыркнул Яроховский. — Господин командированный в чине восьмого класса… Скромнее надо быть. О моем служебном будущем решать не вам, а варшавскому обер-полицмейстеру и начальнику сыскной полиции. А вы как приехали, так и уедете.

Пролетка уже давно стояла возле ратуши, но седоки продолжали серьезный разговор.

— Менее всего, господин Лыков, я намерен угождать вам. Служу — можете справиться у начальства — честно. Имею крест Святого Станислава от правительства и ранение от уголовных. А совесть, патриотизм — мое личное дело. Пугать меня не надо, я не из пугливых. Теперь идемте, нас ждут.

И Лыков молча сошел на землю. Хотя последнее слово осталось за поляком, его откровенность произвела на Алексея впечатление. Он решил не обострять отношений с первого дня, а о служебной пригодности Яроховского судить исходя из его деловых качеств. Кроме того, коллежский асессор уже догадался, что услышит подобное еще не раз…

Они вошли в ратушу. Городовой на входе, с двумя медалями и с простым русским лицом, вытянулся перед Яроховским. Тот небрежно кивнул и повел гостя на второй этаж. Толкнул дверь, обшитую дешевой клеенкой, и они очутились в большой комнате. Накурено, но для полицейского учреждения непривычно чисто. Несколько столов завалены бумагами, вместо иконы в углу — распятие на стене. Два десятка мужчин сидели за столами или сновали по помещению. Они были одеты необыкновенно щегольски для сыскных агентов. Добротные сюртуки и белые манишки, трости и котелки! А лица, лица! Холеные усы и бороды всех фасонов! В движениях людей сквозило общее для всех, едва уловимое фатовство. Запах дорогого табака довершал необычную для приезжего картину. Ай да Варшава!

— Здравствуйте, господа! — учтиво снял шляпу Лыков. Ему нестройно ответили, косились с любопытством, но Яроховский сразу повел гостя в кабинет начальника. Перед дверью остановился и обратился к Алексею.

— Ну, вы идите, вас ждут. А я свое дело сделал, доставил. Если чем обидел в разговоре — прошу извинить за тон. Но не за смысл. Считаю, чем честнее, тем лучше.

— В этом я с вами полностью согласен, — ответил коллежский асессор и протянул руку. Поляк молча пожал ее и ушел. А Лыков шагнул в кабинет.

Тот оказался большим, светлым и элегантно обставленным. Из-за письменного стола вышел человек высокого роста и атлетического сложения.

— Разрешите представиться. Чиновник особых поручений Департамента полиции,

коллежский асессор в звании камер-юнкера Алексей Николаевич Лыков. Командирован в ваше распоряжение на шесть месяцев для исправления должности временного помощника.

— Очень приятно. Надворный советник Эрнест Феликсович Гриневецкий, начальник варшавской сыскной полиции.

Весь плотный, крупный в кости, словно отлитый из чугуна, Гриневецкий был еще и красив. Черные вьющиеся волосы без седины, зеленые умные глаза, пушистые усы, волевой подбородок. Светский лев, а не сыщик… В свою очередь новый начальник столь же внимательно разглядывал своего подчиненного. И быстро сделал выводы.

— Я вижу, вы, Алексей Николаевич, как и я, дружите с гирями! Тоже силовой гимнастикой балуетесь? Шея-то вон прямо от ушей растет… необыкновенно мускулистая. Плечи, осанка… А что у вас с рукавами сюртука? Неужели расшивали?

— Поневоле пришлось, Эрнест Феликсович, — стал оправдываться Алексей. — Рвутся…

— Впервые такое вижу, хотя некоторые мои знакомые похвалялись. Мы, варшавяне, любим иногда приврать. В Соборном участке заведено Полицейское атлетическое общество, коего я состою президентом. Люблю, знаете ли, поиграться с железом…

— Очень даже заметно!

— Вы, кажется, привыкли скрывать свою силу. Неопытный человек может и обмануться, но не я… Пудов десять отрываете, так?

— Примерно угадали, — ответил Алексей, хотя «отрывал» намного больше.

— Вот-вот, меня не проведешь! Повадку сразу вижу! Сам же я силу не прячу. Скорее, по нашей польской привычке выпячиваю напоказ, хе-хе… Здесь это принято, освоитесь — поймете. Сразу приглашаю войти в наше общество. А то ведь руки начинают зудеть, ежели долго не касались тяжестей, так?

— Так, — улыбнулся Лыков. Начальник отделения положительно нравился ему: приятный, не сухарь и тоже атлет, товарищ по увлечению.

— Собираемся мы по субботам. Господин обер-полицмейстер поощряет, когда слуга правопорядка выказывает фигуру и стать. Теперь о вашем устройстве. Какие имеете пожелания?

— Познакомиться с кадром отделения, чем быстрее, тем лучше.

— Это лишь после начальства! В первую очередь представьтесь обер-полицмейстеру. Генерал-майор Толстой — человек военной субординации. Знакомство с вашим новым положением следует начинать с него. Потом еще два-три обязательных визита. Когда вернетесь, займемся кабинетом и жильем и лишь после этого — кадром. Под кабинет вам выделено отдельное помещение, оно прямо над нами. Вход с лестницы между вторым и третьим этажами. Ключи и обстановку получите у моего помощника титулярного советника Нарбутта. Кстати, присмотритесь к нему. Витольд Зенонович — очень опытный человек. Именно он раньше руководил сыскным отделением. Но в силу обстоятельств уступил эту должность мне… Однако вам пора идти к его превосходительству. Так?

— Да, конечно. Где я могу переодеться?

— Вон за той дверью, в туалетной комнате. Награды имеете?

— Есть немного.

— Наденьте все — генерал это любит. А я пока пошлю узнать, готов ли их превосходительство принять вас.

Лыков быстро переоделся в парадный мундир, прицепил шпагу и разгладил плюмаж на шляпе. Когда он вернулся в кабинет, Гриневецкий что-то быстро писал. Прервавшись,

надворный советник обернулся через плечо.

— Готовы? — И тут же вскочил, как на пружинах. — Вот это да!

Эрнест Феликсович подбежал к гостю и принялся разглядывать его так, словно только что увидел.

— Да вы… вы просто герой, Алексей Николаевич! «Есть немного»… Шутить изволите?! Это разве немного? Со счету сбиться можно. Шейные Анна и Станислав — и у коллежского асессора! Никогда такого не видел. Как это вышло? А мечи на Анне откуда?

— Это за секретную экспедицию в Дагестан, в позапрошлом году. В горах, по сути, идет война. Я был помощником начальника отряда, прикомандированным от МВД. Хлебнули мы изрядно — половина осталась лежать на ледниках… В виде совершенного исключения государь согласился с представлением военного министра.

— Понимаю. У меня старший брат служит в штабе Кавказской гренадерской дивизии. Пишет то же самое. Но идемте, вас ждут.

Сыщики пошли наверх, где помещались обер-полицмейстер и канцелярия. Перед дверью начальственного кабинета Гриневецкий еще раз глянул на лыковский иконостас и съязвил:

— Хорошо, у генерала своих две ленты, а то бы вам не поздоровилось… Жду по выходе у себя внизу. Ну, с аллахом!

Секретарь обер-полицмейстера, важный рыжеусый поляк, нехотя отворил перед Лыковым дверь так, что образовалась лишь узкая щель. Да еще процедил сквозь зубы:

— Постарайтесь быть кратким.

— А это как разговор пойдет, — пожал крутыми плечами коллежский асессор. — И дверь распахните как следует. Я не кошка, чтобы боком пролезать.

Пан и ухом не повел. Тогда Алексей оттер его плечом, толкнул дверь ногой и вошел к генералу.

Сергей Иванович Толстой оказался моложавым и сухощавым, с залысиной и короткой ухоженной бородой. На обыкновенном мундире было две звезды — Анны и Станислава — и шейный Владимир третьей степени. Обер-полицмейстер сначала слушал доклад сидя, но, когда разглядел ордена, поднялся.

— Георгий, полагаю, за турецкую войну?

— Да, ваше превосходительство.

— А мечи к Анне каким образом получили?

Лыков объяснил.

— Военное министерство отметило полицейского чиновника? Никогда о таком не слышал.

— В приказе было сказано: «В виде совершенного исключения из правил». Случай действительно редкий, соглашусь.

Сыщик держался вежливо, но с тем неброским чувством собственного достоинства, которое многие начальники на Руси не любят.

— Эти мне исключения! — раздраженно сказал генерал. — Все требуют себе невозможного и чтобы против правил!

— Я, ваше превосходительство, ничего себе не требовал, — твердо ответил Лыков. — А лишь исполнял свой долг.

На этих словах обер-полицмейстер сел, но подчиненному стула не предложил.

— Скажите, господин камер-юнкер, для чего вы приехали в Варшаву?

— Я полагал, ваше превосходительство, что министерство сообщило вам о цели моей

командировки.

— И все же, для чего?

— Хм… В Петербурге обеспокоены происшествиями с чинами полиции. С начала года убит пристав Емельянов, а подпоручик Яшин пропал без вести. Возможно, и он стал жертвой преступления. Но следствие зашло в тупик.

— Чепуха! Яшин сбежал, спасаясь от кредиторов. Нет трупа — нет и преступления. А следствие ведет следователь, значит, в тупик зашло министерство юстиции, а не мы.

— Да, но розыск в помощь следствию возложен на сыскную полицию. Видимо, к ней есть нарекания. Поэтому прислали сыщика.

— Что конкретно вам поручено?

— Исправлять должность временного помощника начальника сыскного отделения. Срок командировки — шесть месяцев. За это время я должен обнаружить убийцу пристава с передачей дела в суд. А также дать рекомендации по улучшению сыскной службы.

Толстой молча разглядывал Алексея и о чем-то сосредоточенно думал. О чем?

— Разрешите спросить, ваше превосходительство, что вам не нравится в моем поручении?

— Можете сесть.

— Благодарю.

— Мне не нравится, что у вас вся грудь в крестах. Мне в Варшаве нужны дипломаты, а не лихие рубаки! Наши отношения с поляками — тонкая материя. Стороны взаимно не терпят друг друга, подозревают, отказываются сотрудничать. История русского управления Польшей омрачена тремя кровавыми восстаниями и последовавшими за этим репрессиями. Я, как варшавский обер-полицмейстер, считаю своим долгом изменить нездоровую атмосферу взаимных претензий. И добиться сотрудничества с той частью общества, которая не приемлет радикализм. А этому есть противники с обеих сторон! И от них, и от наших, что упиваются прошлым…

Толстой говорил взволнованно и смотрел на Алексея с непонятной надеждой, словно хотел увидеть в нем союзника.

— Вот уже шесть лет, как я на должности, провожу свою политику и кое-чего ею добился. И не потерплю махания саблей ни от кого! Поймите, Лыков: хрупкую перемычку возникшего между мною и варшавянами доверия может разрушить любой резкий эпизод. Совершенный, например, приезжим ретивым сыщиком, не сообразившим местных обстоятельств.

— Я понял ваши опасения. Но хочу напомнить, что командирован сюда, чтобы найти убийц русского офицера. На деюсь, их-то вы не причисляете к здоровой части общества?

— Этих, конечно, нет.

— Вот убийцами я и стану заниматься. Не вторгаясь в прочие сферы сложных русско-польских отношений.

— Но обещайте мне помнить наш разговор и в процессе розыска… как бы это сказать?.. быть осторожным и ответственным.

— Обещаю, ваше превосходительство. Я ведь тоже не сторонник репрессий. Особенно в отношении насильно присоединенных народов. Уж если такое состоялось, нам следует не заставлять, а приучить поляков жить в сообществе с русскими. Чем-то для этой цели и поступившись.

— Вот! — Толстой чуть не вскочил со стула, но передумал. — Вот слова разумного

человека, а не политического головореза! Вы… э-э…

— Алексей Николаевич.

— Вы, Алексей Николаевич, приходите ко мне запросто, если возникнет сложная ситуация и потребуется совет опытного руководителя. Я велю сказать секретарю…

— Благодарю, ваше превосходительство.

— Дабы быть понятым до конца, сообщу свою точку зрения на польский вопрос. В сложившихся трудных отношениях виноваты обе стороны. Согласны?

— Согласен.

— Но какая больше?

— Не знаю, ваше превосходительство, — ошарашенно ответил Алексей. — Признаюсь, думал об этом. Еще признаюсь, что в польских стремлениях к свободе много по-человечески симпатичного. Мы, русские, попади на их место, точно так же боролись бы. И… честно говоря, в политике нашего правительства часто присутствует негибкость. Но польские зверства…

— Ни слова более, Алексей Николаевич! — На этот раз Толстой все-таки вскочил, но тут же сел снова. — Ни слова, иначе опять начнется бесконечное сведение счетов. Я, генерал-майор русской армии и варшавский обер-полицмейстер, тоже много думал над этим. И рассудил так: когда обе стороны виноваты, то больше вина того, кто сильнее.

Лыков осекся. Простая и лаконичная формулировка Толстого звучала убедительно. Да и с точки зрения христианской морали генерал прав! Но во-первых, это расходится с правительственным курсом. Находясь на коронной службе, Толстой не имел права изобретать собственную политику. А во-вторых, личный опыт общения с поляками был у Лыкова негативным. «Варшавские» славятся на всю империю мастерством взломов несгораемых шкапов. При аресте они отчаянно отстреливаются, не стесняясь жертвами. Замешаны поляки и в шпионаже — Алексей знал это от друга, барона Таубе. Кроме того, покойный отец много рассказывал о коварстве и жестокости панов во время восстания 1863 года. Как взвесить крайности?

Генерал наклонился вперед и сказал мягко:

— Конечно, не сразу. Это слишком непривычно русскому уху, что мы можем быть виноваты. Подумайте. Мне кажется, что вы человек порядочный. Поверьте мне: можно ладить с поляками и оставаться при этом патриотом!

И встал. Лыков тут же вскочил и вытянулся.

— Ступайте и помните наш разговор. Желаю успехов в службе.

— Благодарю, ваше превосходительство!

— Не забывайте: если появятся вопросы, сомнения — запрос то заходите ко мне.

Глава 3

Первые впечатления

Лыков вернулся к начальнику сыскной полиции под сильным впечатлением. Гриневецкий отложил бумаги.

— Как вам наш генерал?

— Он проповедует… самостоятельные идеи, скажем так. А это большая редкость среди русских администраторов. Особенно полицейских.

— Вы о польско-русских отношениях? Да, у Сергея Ивановича есть своя формула. Он долго шел к ней. В 1863 году прапорщиком Толстой принял участие в подавлении восстания. И стал свидетелем многих несправедливостей со стороны правительства. Уже тогда, видимо, у него появилось чувство личной вины перед поляками. Так? Я обратил внимание: Станислава четвертой степени, полученного за усмирение, генерал никогда не надевает. Став варшавским обер-полицмейстером, он решил что-то изменить. Пусть только на своем участке! Это было трудно, но искренность генерала была замечена польским обществом. Сейчас, могу это подтвердить, Толстой принят варшавянами и пользуется уважением. Не то чтобы там были объятия — поляки обижены и настороженны, — но хотя бы стал возможен диалог.

— Обиды… несправедливости правительства… С той поры прошло четверть века, а ясновельможные и по сей день упиваются обидою. Не пора ли уже делом заняться?

— Польское общество именно так и рассудило, — серьезно пояснил Гриневецкий. — От идеи национального восстания в ближайшее время решено отказаться.

— Вот как? В ближайшее время?

— Да. Сейчас международная обстановка такова, что восстание не получит зарубежной поддержки. Как это было, например, в шестьдесят третьем… Тогда эту поддержку оказывала главным образом Франция. Теперь, после германского унижения, она чрезвычайно заинтересована в союзе с Россией и не станет помогать полякам. Англия двулична и ненадежна. У Австрии с Германией у самих… как это?.. лицо заросло? Так?

— Рыло в пуху.

— Да. Поэтому сегодня о мятеже мечтает лишь горстка студентов, которым не хочется учиться. Серьезные люди все свои силы вкладывают в развитие страны.

— Российской империи?

— Зачем империи? — удивился Эрнест Феликсович. — Польши, конечно.

— Но ведь такого государства нет на карте!

— Сейчас нет. Но мы с вами еще доживем до его появления.

— Вы польский патриот?

— Не совсем польский, — дружелюбно рассмеялся надворный советник. — По национальности я жмуд, или, иначе, литовец. Но хочу коротать свою старость в независимой Польше.

— И вы так открыто это говорите?

— Чего же мне скрывать? Служу я честно, никакой «борьбой» не занимаюсь, в своем

деле специалист. Начальство отдает должное. Неужели вы думаете, что, если мое место займет русский патриот, он станет лучше ловить польских уголовных? Ха-ха! Тут надо знать язык, национальный характер, специфику варшавского и вообще польского преступного мира. Вы, например, сведущи в этом?

— Нет, разумеется.

— И какой-нибудь Иван Иванович Иванов, трижды русский и семь раз православный, — тоже нет. Он станет исправно ходить в ваш храм, пить водку и читать Каткова. И при этом плохо ловить воров и убийц. Вам что важнее?

— Я понял вас и соглашусь. Для меня важнее, как человек делает свое дело. Пусть мечтает о старости хоть на Таити, если справляется и не совершает ничего противозаконного.

— Так это про меня!

— Хорошо, мы объяснились. Продолжите, пожалуйста, свою мысль про серьезных людей.

— С удовольствием. Только давайте, Алексей Николаевич, уж без обиняков! Нам с вами вместе служить, пусть бы и только полгода. Вместе убийц искать и, возможно, на пули ходить. Честно очертим наши позиции. Я жмуд. Это немного хуже, чем поляк, но лучше, чем русский.

— Даже так? — вскинулся Лыков.

— Для меня однозначно так, а вы, конечно, вольны думать по-своему. Ведь что особенно раздражает поляков? То, что они подчинены силой? Но в Германии и Австрии то же самое. А ненавидят более всего именно вас, русских. Почему? Потому, что здесь поляки подчинены народу много менее культурному, чем они сами.

— Вы уверены в последнем?

— Увы, да. Понимаю, насколько вам неприятно это слышать. Но мы условились говорить честно. Наличие в русском народе значительного числа образованных и порядочных людей не меняет общей картины. Зайдите в дом к поляку и русскому. Зайдите в нашу кавярню[13] и в ваш кабак! Понаблюдайте, как вечером, даже в праздник, когда закрываются увеселительные заведения, поляки расходятся по домам. И среди них нет ни одного пьяного. Ни одного! Представляете? Никто не горланит дрянных песен, не справляет нужду на угол дома. А если иной и совершит подобное, знайте: это ваш, русский!

Лыков хотел что-то возразить, но вспомнил рассказы агента Девяткина. И промолчал. Вместо этого он сказал другое:

— И какой, по-вашему, выход?

— Да он всего один: разойтись. Так? Лучше, конечно, полюбовно, без крови. Ее и без того пролили достаточно… Повто рюсь: здоровая часть польского общества сейчас работает над развитием производительных сил будущей страны. И уже добилась замечательных успехов. Знаете, когда вся энергия народа направлена к одной цели, успехи обязательно придут! А что будет через двадцать лет? Силы, накопленные в обществе на созидание, уже ничем не заткнуть. Поверь те. Пока же мы требуем от правительства всего четыре вещи. Первое и самое главное — равенство польского языка с русским. Далее идут суд присяжных — его нет в Царстве Польском; земское самоуправление — оно также отсутствует; и, наконец, бесцензурная печать. Неужели это завышенные требования? Вам в Тамбовской губернии можно, а нам тут не полагается? Мы что, малограмотные буряты, чтобы нельзя было доверить земства или суд присяжных? Это же сознательное унижение! Поляки —

гордая и развитая нация, нас нельзя держать на положении бурят! Это плохо кончится, в том числе и для русских. Так?

— Хорошо, будем считать, что мы объяснились, — примирительно сказал Лыков. — У нас еще найдется время доспорить. А сейчас я хотел бы приступить уже к своим обязанностям. Кому необходимо представиться помимо обер-полицмейстера? Судебному следователю, который ведет дело об убийстве?

— Главная фигура — генерал Толстой. Его помощников, генерал-майора Поленова и подполковника Анзаурова, никогда не бывает на месте. Честно говоря, я не знаю, чем они занимаются. Из магистрата вам никто не понадобится, а вот в губернское правление следует наведаться. Там представьтесь двум людям: вице-губернатору Андрееву и советнику военно-

полицейского отделения канцелярии Петцу. Учтите, что сей господин для вас важнее прочего начальства! Полицейскими вопросами во всех этих многочисленных инстанциях занимается он один. Губернатор ему полностью доверяет. Константин Петрович — человек умный и опытный, но с большим самомнением. Вы уж, пожалуйста, с ним поаккуратнее, не обидьте чем-нибудь, иначе вам трудно будет служить.

— Учту.

— Ну, и следователь. Убийством пристава Емельянова занимается коллежский асессор Черенков. Он следователь по важнейшим делам Окружного суда и сидит в боковом крыле здания. Это там же на Медовой, где и губернатор. Тут рядом, можно обойтись без извозчика. Полагаю, сегодня вам следует лишь познакомиться с ним и условиться о встрече на завтра.

— Согласен.

— Ну, с Медовой возвращайтесь к нам, и мы решим вопрос с вашим устройством. Управление сняло для вас приличную квартиру на Гусьей улице. Съездим, заселитесь — и отдыхайте с дороги. Так?

— А знакомство с кадром отделения?

— Уже завтра, сегодня не успеете. В пять часов пополудни вся служба в Варшаве прекращается и начинается шпацер.

— Шпацер?

— Да. Прогулка, променад. Причем массовый! Город к этому очень располагает, сами вечером убедитесь. Кстати, за час до полуночи закрываются все увеселительные заведения. Никаких круглосуточных загородных ресторанов вроде петербургского «Красного кабачка» в Варшаве и окрестностях нет. Пьяные загулы до утра, с цыганами и битьем зеркал здесь невозможны. Это к слову о нашем споре… В одиннадцать часов вечера город с трехсоттысячным населением благополучно засыпает.

— И что, ночная жизнь отсутствует? — не поверил Лыков.

— Начисто.

— И публичные дома закрываются? Вот этого никак не может быть!

— Тоже запирают двери, будьте уверены. Кто бы им позволил?!

— Чудеса какие-то вы рассказываете… А громилы с налетчиками тоже баиньки ложатся?

— Куда? — не понял Эрнест Феликсович.

— Ну, спать.

— Взломы квартир или магазинов, конечно, случаются. А вот уличная преступность в это время отсутствует полностью. Некого грабить, все спят! Извозчики, кстати, тоже. Если пойдете сегодня на вечернюю прогулку, возвращайтесь на квартиру загодя. Не то придется пешком…

— Но в сыскном отделении остается же дежурная смена?

— Один человек. Происшествия случаются регулярно — город есть город. Два-три раза в неделю бывает что-то серьезное: ограбление, например. И очень редко — убийство. Тогда все на ногах, мирная жизнь кончается. Ну, вам это знакомо… Так что мне и пану Нарбутту спать в своей постели выпадает через раз. Да, еще по агенту дежурят по ночам на каждом из четырех вокзалов. Остальные, если все тихо, в пять часов расходятся.

— Ну и ну… — пробормотал Алексей.

— Поживете у нас и тоже научитесь, — благодушно усмехнулся Гриневецкий. — Вам пора. Ступайте в губернское правление, а то рискуете не застать.

Медовая улица оказалась почти за углом. Вице-губернатор уделил Лыкову три минуты. А вот надворный советник Петц действительно поважничал, принимая командированного. Высокий, седобородый и осанистый, он более сгодился бы в роли сенатора… Но петербургский гость вел себя почтительно, попросил о содействии в трудных ситуациях, и оно было ему обещано. Расстались собеседники по-дружески.

Здание Окружного суда удивило Алексея. Огромное, с высоченной полукруглой аркой ворот, оно занимало половину Медовой. Арка украшена барельефами тонкой работы и медальонами с изящными женскими фигурами. В Петербурге так выстроили бы театр, а в Варшаве — суд…

Следователь Черенков собрался уже уходить, когда к нему явился посетитель. Лыков назвал себя и объяснил цель командировки. Особо указал, что обязан за шесть месяцев установить убийцу пристава и передать дело в суд. Чиновник ответил:

— Очень приятно. Я коллежский асессор Черенков Вонифатий Семенович, судебный следователь по важнейшим делам. Рад! Рад, что мне в помощь прибыл, судя по наградам, опытный человек. А то ведь дело стоит! Улик никаких, и сыскное ничего не обещает.

Следователь являл собой хороший тип русака: крепкий, русоволосый, с густой бородой и внимательными, лезущими в душу глазами.

— Гриневецкий со своим батальоном сыщиков обмишурились, — продолжил он. — А возможно, и не хотят искать убийц. Там же в отделении одни поляки!

— Это серьезное обвинение, — нахмурился Лыков. — Насколь ко оно обоснованно?

— Вы, случаем, не полонофил? — ответил вопросом на вопрос Черенков.

— Нет. Но я хочу быть объективным.

— Все мы хотим быть объективными. Зря я, видимо, начал сейчас этот разговор: он длинный и серьезный. А мне надо уходить. Обещал сводить жену в театр… не ждал вас, простите. Но завтра готов продолжить.

Лыков взялся за треуголку.

— И я готов. Как новый человек, буду задавать много вопро сов. Когда прийти?

Черенков бросил взгляд на перекидной календарь.

— В четверть первого устроит?

— Да.

— Договорились.

Два коллежских асессора вышли вместе, но на улице разошлись. Лыков поразился: тротуары, только что полупустые, оказались вдруг заполнены людьми. Нарядно одетая веселая толпа фланировала по панели в обе стороны. На Сенаторской более сильный поток двигался к Старому Месту. Сыщику требовалось обратно в ратушу, и он не без труда пробирался среди варшавян. Ничего подобного в других городах, даже в столицах, он не видел. В Тифлисе любят погулять, но там не так людно. А тут! Словно где-то открыли запруду, и полилось… Сама толпа тоже казалась ему необычной. Ни одного мастерового в фартуке, оборванца в опорках или крестьянина с оглоблей под мышкой. Все аккуратно и щегольски одеты, вежливы и любезны. Приглядевшись, Алексей обнаружил, что люди вокруг были отнюдь не из высших слоев. Средний класс и те, кого на Руси именуют «простой народ»: ремесленники, рабочие, мелкие факторы. Но как разительно они отличались от питерщиков и тем более от нижегородцев! Воротник у сорочки хоть и бумажный, но свежий. Обязательно галстук и шляпа. Обувь начищена, усы расчесаны на барский манер. Издали посмотришь и решишь, что идет приват-доцент, а не ученик столяра.

Ай да шпацер!..

Еще Лыкову бросилось в глаза обилие русских военных. Их фуражки были повсюду. Множество офицеров и нижних чинов толкалось на тротуарах. Они курили, глазели на прохожих, некоторые пытались разговаривать с поляками. Варшавяне отвечали холодно-вежливо, старались пройти мимо и порой даже не скрывали своей антипатии. Вся улица как бы незримо делилась на хозяев и гостей. И гостям тут были совсем не рады.

Шумный поток донес Лыкова до ратуши. Там уже было пусто. Только Гриневецкий одиноко заседал в кабинете, поджидая своего помощника. Не теряя времени, сыщики загрузились в дежурную пролетку и уехали из присутствия. Сначала отвезли начальника отделения. Тот жил на престижной окраине, на дальнем конце Маршалковской, возле знаменитых Лазенок. Эрнест Феликсович по дороге исполнил роль чичероне и показал новичку достопримечательности. Экипаж нарочно двигался длинным путем, через Новы Свят, Уяздовскую аллею и Мокотовскую заставу. У ворот небольшого уютного особняка полицейские расстались, договорившись увидеться завтра в десять. Обратно возница по просьбе Алексея повез его другой дорогой. Пролетка проехала насквозь всю Маршалковскую, обогнула Саксонский сад и через Соборную площадь, Вербовую и Налевки выбралась на Гусью улицу.

В четырехэтажном доходном доме новой постройки Алексея уже ждали. Элегантный конторщик, похожий на разорившегося графа, провел нового жильца на третий этаж. В квартире обнаружилось все необходимое. Комнат было три: спальня, гостиная и кабинет. Приличная мебель, небольшой набор посуды (закусочной и для чая), газовое освещение. Лыкову понравилась ванна из полированной меди с тремя кранами.[14] А бронзовый ватерклозет с крышкой из палисандрового дерева просто поразил — такие до Петербурга еще не добрались!

Керовника[15] звали пан Влодзимеж. Вместе с ключами он дал постояльцу и необходимые пояснения. Кофе и горячие булки можно получать утром у покоювки (горничной по этажу). Обедать и ужинать проще всего в кухмистерской, что помещается в этом же доме. Жильцам в ней предоставляется десятипроцентная скидка. Чай варшавяне не пьют, но русскому квартиранту могут, по его просьбе, доставлять отварную воду. Свечи и всякие мелочи — у той же горничной, более серьезные вопросы — к керовнику.

Пан Влодзимеж был вежлив и услужлив, говорил по-русски с приятным акцентом, да и само жилье Лыкову понравилось. С той стороны улицы в окна смотрелись такие же новые дома непривычной архитектуры. Еще доносился шум вечерней жизни большого и веселого города. Сыщика подмывало быстрее обустроиться и выйти наружу, окунуться в эту незнакомую манящую жизнь. Он вручил конторщику два безжалостно смятых рубля. Тот принял их, словно сеньор — подношение от вассала (ох уж эти поляки…).

Алексей наскоро разложил вещи, переменил надоевший мундир с орденами на модный сюртук. Его била приятная дрожь нетерпения. Так бывает, когда приезжаешь в новый значительный город и начинаешь изучать его с белого листа. Что взять с собой в первую вылазку? Алексей прихватил складную карту Варшавы. В бумажнике оставил сто рублей разными купюрами, остальные деньги убрал в потайной ящик, что показал ему пан Влодзимеж. Туда же легли два револьвера, запас патронов к ним и полицейский билет. Подумав, коллежский асессор вернул билет в карман сюртука. Мало ли? Незнакомый город, в котором его никто не знает… Все, пора выходить!

Лыков уже решил, что в свой первый вечер в Варшаве он погуляет допоздна. Собственно,

парадная часть города не так и велика. Скорее всего, за шесть месяцев ему все тут надоест, особенно если жить без семьи. Но первые впечатления — самые вкусные, и хотелось насладиться ими в полной мере. Лыков решил прогуляться от Старого Места до Нового Света. По пути выбрать заведение и отужинать. Обедать ему сегодня не пришлось, поэтому аппетита было на двоих. Улыбаясь в предвкушении удовольствия, Алексей запер квартиру, сбежал вниз, представился там незнакомому швейцару и вышел на улицу.

Бойкая толпа подхватила сыщика и понесла. Через Гусью и Налевки он вскоре вышел к Красинскому саду и тут надолго застрял. Сотни горожан самого обывательского вида заняли все скамейки. Они сидели семьями: дети играли в мяч или обруч, пан читал газету, а пани вязала. Такие же группы слонялись по аллеям и толпились вокруг киосков. Киоски эти более всего удивили Лыкова. В парке их было несколько, и они притягивали варшавян как магнитом. За прилавком стояли молодые девушки, все очень красивые. Они ловко разливали зельтерскую, содовую и пиво, отвешивали мороженое, выдавали сдачу и не забывали при этом приветливо улыбаться. Встретив первую такую красотку, сыщик не удержался и купил у нее воды. Но через двадцать саженей ему попался второй киоск с барышней еще милее. А за ним маячил третий, в котором хозяйничала совершенная красавица… Больше ничего Алексей брать не стал, а только разглядывал диковинную для русского глаза картину.

Ему неоднократно приходилось присутствовать на так называемых народных гуляньях — и по службе, и в качестве зрителя. Там тоже было празднично и люди веселились от души, но полиция к вечеру выбивалась из сил. В какой-то момент — и это было неизбежно — толпа начинала «шалить». То тут, то там вспыхивали пьяные драки, иногда кончавшиеся поножовщиной. Множество людей, и не только мужчин, но и женщин, напивались до утраты человеческого вида… Кто-то жарит на гармошке, кто-то орет дурным голосом, воображая, что поет; третьего выворачивает прямо на соседей. Кругом отвратительные рожи, и все это на глазах у детей…

Варшавский шпацер оказался совсем другим. Несмотря на будний день, в аллеях парка витало ощущение праздника. Никто не говорил барышням за прилавком сальности. Толпа отдыхала как-то уютно и доброжелательно. Люди не мешали друг другу, не спорили за место. Пан, случайно задевший соседа, учтиво приподнимал шляпу и извинялся — а оба из мастеровых. К женщинам же отношение было самое уважительное и галантное.

И ни одного пьяного вокруг…

Лыков прошел парк насквозь и вышел к дворцу Красинских. Он знал из путеводителя, что это давно уже казенное здание. Двухэтажное, со статуями на невысоком фронтоне, оно не претендовало на особое изящество. Но глазу приятно. Таких дворцов немало в Варшаве. Лишенные петербургской державности, они делали город уютным и красивым. Алексей поглазел на статуи и продолжил путь. Пройдя одноименную площадь с чугунным бассейном посреди, он оказался на Долгой улице. По ней в несколько рядов катили экипажи с нарядными варшавянами. Сыщику требовалось перейти на другую сторону, но поток был очень плотным. Стоило, однако, поставить ногу на мостовую, как все коляски разом остановились. М-да… По-русски торопливо Лыков перебежал улицу, за ним неспешно шли поляки.

По знакомым уже Медовой и Сенаторской Алексей вышел на Замковую площадь и замер, любуясь. Она имела совершенно европейский вид. Так, наверное, выглядит Париж или Вена, в которых сыщик не бывал. Прямо — королевский замок, слева — узкие улочки старого города, справа — громада костела Святой Анны и живописная перспектива

Краковского Предместья. Посреди площади стояла высокая колонна с чьей-то статуей. Лыков справился по карте — статуя оказалась Сигизмунда Третьего.

Было восемь часов пополудни, но темнеть и не думало. Алексей прогулялся по площади, осмотрел снаружи замок и решил отложить Старое Место на потом, а сейчас прогуляться до Нового Света. Но сначала требовалось поужинать. В животе уже урчало… Осмотревшись, новоиспеченный варшавский житель сразу увидел дюжину кавярен и ресторацій. В кавярнях, он знал это, не едят, а только пьют кофе и закусывают. Ему же хотелось основательно подкрепиться. Хорошее заведение под названием «У Владека» обнаружилось на углу Мариенштата. Все вывески в Варшаве были на двух языках: сначала на русском, а ниже на польском. Войдя в ресторан, турист заявил, что мечтает отведать замечательной местной кухни. Важный метрдотель тут же подозвал не менее осанистого официанта, и они вдвоем принялись помо гать гостю сделать заказ.

Лыков до того, как разбогател, часто питался в Петербурге в польских столовых. Недорогие и очень чистые, они процветали в столице. Но сейчас сыщик решил основательно познакомиться с изысками, а не налегать на привычные фляки. Обоим панам это желание пришлось по душе. К подбору блюд стороны отнеслись необыкновенно серьезно. Трое взрослых мужчин долго обсуждали достоинства того или иного кушанья и даже вызвали для справок повара. В итоге сложился следующий ужин. Открыл его суп с рубцами, дальше следовал заяц по-польски в сметане, и на десерт — ламаньцы с маком и кофе. Под мясо Алексей попросил графинчик гожалки.[16]

Еда вся оказалась необыкновенно вкусной и укрепила в сыщике симпатии к Варшаве. Трапезничая, он наблюдал за публикой. Зал был полон, но для нового гостя всегда обнаруживался свободный столик. Преобладающим элементом оказались немцы, за ними шли русские, поляков насчитывалось меньше всех. В углу пили пиво два пожилых респектабельных еврея. Атмосфера в ресторации дышала негой и благодушием.

Коллежский асессор уже допивал взятый на посошок стакан польского меда, когда вдруг это благодушие разом закончилось. Три русских офицера, сидевшие напротив, и без того были основными поставщиками шума. Не то чтобы они кричали, но разговаривали между собой излишне громко и бесцеремонно. Особенно выделялся смазливый штабс-капитан в мундире корпуса пограничной стражи. Он махал руками и что-то доказывал двум молодым пехотным поручикам. Как выяснилось, спор шел о польских женщинах. Неожиданно штабс стал на все заведение крыть их непечатной бранью. Тут же в зале повисла неприятная тишина, но офицер и не подумал понизить голос. Тогда от соседнего столика повернулась красивая пани лет тридцати и сказала скандалисту:

— Как вам не стыдно! А впрочем, чего ждать от русского…

— Па-а-звольте! — рявкнул пограничник. — Я Россию в обиду не дам!

И, вскочив, сорвал салфетку и направился к польке.

Алексей понял, что ему придется вмешаться. Пьяный соотечественник вызывал чувство стыда и омерзения. Но три офицера при оружии, подвыпившие… Для кельнеров они представляли силу, с которой страшно спорить. Известно, что пьяные вояки иногда пускали в ход шашки. Поэтому заступников для дамы можно было и не дождаться. А если и найдется смельчак, то он очень рискует.

Между тем скандал разгорался. Смельчак сыскался тут же. Сидевший рядом с пани высокий седовласый поляк поднялся и внушительно сказал штабс-капитану:

— А я не позволю пьяному русскому быдлу оскорблять даму!

Голос у седовласого был густой и впечатляюще спокойный, а в поведении угадывался твердый характер. Мужчина совершенно не боялся офицеров и собирался достойно защи тить свою спутницу.

Штабс-капитан осекся. Он постоял несколько секунд в нерешительности, но потом нахмурился и положил руку на эфес шашки. Поручики вскочили, готовые поддержать товарища. Тут вышел Лыков и встал между поляком и офицерами.

— Это как понимать, господа? Трое вооруженных на одного безоружного? Храбрецы…

Так-то вы защищаете честь России? По-моему, вы ее сейчас бесчестите.

Седовласый сзади крепко взял Лыкова под локоть и сказал столь же внушительно:

— Благодарю вас, но я в защитниках не нуждаюсь. Отойдите и дайте мне кончить начатое.

Но офицеры уже переключили внимание на Лыкова. Особенно их возмутило, что русский заступился за поляка.

— Это всякая штафирка… русскому офицеру… да я… паршивого пана на место ставить не дозволяют?!

Тут Алексей левой рукой взял одного поручика за ремень, а правой, сдвинув вплотную друг к другу, цапнул второго поручика и штабс-капитана. Одним хватом обоих. Оторвал от пола на четверть[17] и пошел с ними к выходу.

В зале все опешили. Кельнеры, разинув рты, расступились. Притихли и буяны, почувствовав себя на воздухе…

— Сколько они вам должны? — буднично поинтересовался Лыков, проходя мимо метрдотеля.

— Э-э… шесть рублей сорок копеек.

— Пройдите с нами на крыльцо. Офицеры хотят рассчитаться.

Коллежский асессор без видимых усилий вынес всех троих на улицу и аккуратно поставил на ступеньку. Потом приблизил лицо к штабс-капитану и сказал вполголоса:

— Расплатитесь, и чтобы духу вашего здесь не было.

— Но…

— Скручу в бараний рог.

Вид у Лыкова был грозный. Да и сбежавшаяся обслуга являлась для офицеров ненужными свидетелями унижения. Поэтому штабс-капитан молча сунул семь рублей метрдотелю — тот застыл рядом с напряженным лицом, и буяны торопливо удалились.

— Благодарю пана! — чопорно поклонился распорядитель Алексею. — Будьте, пожалуйста, впредь нашим гостем!

Тут на крыльцо вышли седовласый поляк и его спутница.

— Это новость! — склонила голову красавица, с любопытством разглядывая сыщика. — Не все, значит, русские одинаковы?

— В любом народе есть и хорошие люди, и плохие. Примите мои извинения за поведение соотечественников.

— А вы — нашу благодарность.

— Только вашу. Убежден, что ваш спутник справился бы сам. Он… настраивает на серьезный лад. Еще неизвестно, кого я спас.

Поляк при этих словах улыбнулся и молча протянул сыщику руку. Тот пожал ее и впервые внимательно вгляделся в лицо седовласого господина. Завидя это, пан приподнял шляпу, развернулся и пошел прочь. Так же молча, не говоря ни слова. Дама сказала торопливо:

— Меня зовут пани Малгожата.

— Лыков Алексей Николаевич. А…

Договорить он не успел: дама подмигнула ему и бросилась догонять своего спутника.

История на этом не закончилась. Сыщик тоже расплатился и продолжил прогулку. Когда он дошел до ближайшей подворотни, там его поджидали. Три офицера обступили Лыкова.

— Вы, надеюсь, дворянин? — вышел вперед штабс-капитан. — Моя фамилия Сергеев-

третий. Извольте представиться!

— Коллежский асессор Лыков. Что имеете сообщить?

— После всего случившегося, и по вашей вине… Согласитесь, никто не тянул вас силком в свару! Вот… Просто так вам теперь уйти не удастся. Вы обязаны дать нам удовлетворение. Будете знать, как оскорблять офицеров! Итак, спрашиваю: куда мне прислать секундантов?

Штабс-капитан почти протрезвел. Замешательство от неожиданной встряски прошло; он готов был мстить за допущенную слабость. Опять же не имелось и свидетелей. Здесь, в Польше, офицерство представляло могучую касту, с которой никто не решался связываться. Все это понимали, в том числе и Сергеев-третий. В покоренной стране, где власть держалась на штыках, золотым погонам прощалось все. Вызов гражданского чиновника на дуэль сразу тремя офицерами означал для него смертельный риск. Если же уклониться, можно получить оскорбление действием — и тогда дуэль неизбежна. Или позор… Негодяи это знали и довольно ухмылялись. Все преимущества, казалось, были на их стороне. А объяснения в случае чего они придумают, и к своей пользе: три голоса против одного.

Лыков был раздосадован. В первую же прогулку по Варшаве вляпаться в историю! Вот ведь угораздило… И побить этих полудурков нельзя — все ж на них погоны русской армии. По закону он должен вызвать городового, чтобы тот составил протокол. И как теперь это сделать? Если же тронуть любого из офицеров хоть пальцем, скандал необратим. Их потом исключат, вероятно, из службы. Но и Лыкова срочно выкинут из Варшавы. И не факт, что вернут в Петербург! Могут засунуть помощником исправника в Среднеколымск, «пока скандал не забудется». А когда шум уляжется, забудут и об Алексее.

— Ну что, миластадарь? Долго будем молчать? — повысил голос штабс-капитан. — Напугались? А раньше надо было думать! Как русскому офицеру, — тут он назидательно вознес к небу указательный палец, — дерзить! Теперь со всем варшавским гарнизоном придется объясняться, а не только с нами тремями! мать твою так…

Коллежский асессор не выдержал. Мгновенно он затолкал противников в ближайшие ворота. Навстречу сунулся было дворник, но сказать ничего не успел. Со словами «Погуляй пять минут!» Лыков выставил его на улицу и повернулся к офицерам. Те еще хорохорились: им казалось, что сейчас последуют униженные извинения.

— Вот!

Сыщик вынул из кармана серебряный рубль, покрутил перед носом штабс-капитана, а потом порвал его пополам, словно картонный. Буяны завороженно уставились на его пальцы, с виду совсем обычные.

— Слушайте внимательно, дурни. Я сейчас отлуплю вас, всех троих. Как Сидоровых коз. Без картелей и прочих глупостей. Ногами! Так, что зубы свои будете в горсть собирать! Потом отниму сабельки и снесу генерал-губернатору Гурко. Доложу там, как все было. Полагаю, его высокопревосходительство заинтересуется и захочет опросить прислугу из ресторана. Понятно, что они расскажут… После этого решение Гурко предугадать несложно. Так же, как военного министра и государя. Ась? Не сложно я говорю? Согласны или как? Миластадари…

Офицеры слушали Лыкова с напряженным вниманием — уж очень он был убедителен.

— Так вот. Меня поблагодарят тихонечко за службу и уберут, но недалеко и ненадолго. А вот вас…

Сыщик мечтательно поглядел наверх, словно там его взору открылась картина последующих событий.

— Когда вы, без личного оружия, с побитыми мордами, предстанете перед генерал-губернатором… Зная его нрав… Хм! А уж что скажет варшавский гарнизон, услышав, что три дурака в погонах получили банок от одного статского, — это вам виднее.

Алексей взял поручиков за плечи и приставил их с боков к штабс-капитану. Будто примерялся, как удобнее их бить, всех троих разом. Офицеры побледнели и попытались отстраниться, но у них не получалось. В ярости Лыков сжал их до хруста костей и держал крепко.

— Козлы драные! Позор русской армии! Где вы были, когда я на Кавказе с турками рубился? Меня, георгиевского кавалера, на дуэль? С кем, с вами? Щенки! Такая честь лишь солдатам. А вы — ресторанные хамы и оскорбители женщин. С такими у меня разговор другой — зубы на выход!

Последнюю фразу сыщик крикнул уже в лицо офицерам. Стиснул их изо всех сил, так что те закричали от боли, и разжал руки. Глянул волком и сказал только одно слово:

— Вон!

Толкая друг друга, сильно напуганные, вояки кинулись к выходу и мгновенно исчезли. С улицы опасливо заглянул дворник.

— Можно! — разрешил Лыков.

Сняв картуз, поляк зашел во двор и огляделся.

— Ничего не сломали, — успокоил его Алексей. — Ан нет, вру! Рубль-целковый повредили. Подбери и снеси в банк, там поменяют. Вон валяется.

Дворник опустился на колени, подобрал половинки монеты и стал их разглядывать.

— Не розумем, пан, як то…

Поднял голову, но странного русского рядом уже не было.

Лыков вышел и осмотрелся. Офицеры быстрым шагом, почти бегом удалялись в сторону Замковой площади. Сыщика это устраивало. Он решил прогуляться по Краковскому Предместью и от Новы Свята вернуться домой на извозчике. Сейчас коллежский асессор находился в самом начале проспекта, напротив костела Святой Анны. Он двинулся по четной стороне, восхищаясь увиденным. Краковское Предместье — это Невский проспект польской столицы, здесь лучшие особняки, университет, костелы. Очень скоро турист оказался возле Дворца Наместника. Большое трехэтажное здание, отставленное вглубь, соединялось с красной линией двумя корпусами, покоем.[18] Во дворе находился памятник фельдмаршалу Паскевичу-Эриванскому. Вынув карту, Лыков прочитал ссылку. Оказалось, что наместник здесь квартировал всего один, польский генерал Зайончек; это было шестьдесят лет назад и продолжалось недолго. Самый большой из варшавских дворцов давно перешел в разряд административных зданий, а имя наместника носил лишь по старой памяти…

Подивившись, гость пошел дальше. То и дело он справлялся с картой, читая о достопримечательностях. Один за другим попадались живописные шляхетские дворцы: Казимировский, Тышкевичей, Уруских, Весслов, Потоцких, Чапских, Гнесинских, Браницких, Четвертинских… Гостиница «Европейская» заманивала швейцаром в ливрее, похожей на камергерский мундир. Императорский университет и костел Святого Иосифа, шикарные магазины и рестораци — все это производило сильное впечатление. А еще варшавяне, веселые, нарядные и легкомысленные, очень радовали глаз после чопорного Петербурга. По улицам непрерывным потоком катили экипажи с красивыми дамами и их

щеголеватыми спутниками. На каждом углу — уже знакомые Лыкову киоски с симпатичными барышнями-продавщицами. Тут и там сновали крикливые разносчики газет. Лыков знал, что эти ежедневные газеты называются в Варшаве курьерками, их всего три, и они очень популярны. Поскольку курьерки выходят на польском, Алексей тут же набрал их: он решил вечерами изучать язык.

Наконец коллежский асессор дошел до собора Святого Креста, возле которого Краковское Предместье переходит в Новы Свят. Он заглянул в храм и молча поклонился той из колонн, в которой замуровано сердце Шопена. Обещал сделать это Вареньке, любившей великого поляка… Выйдя наружу, Лыков почувствовал, что устал. Пожалуй, на сегодня хватит впечатлений. Он поднял руку, сел в тут же подъехавшего извозчика и отправился на квартиру.

Глава 4

Начало розыска

Утром, распивая привезенный из дома чай, Лыков вспоминал вчерашние беседы. Странно! Для здешних полициантов он вроде бы ревизор, которого надо ублажить и побыстрее сплавить обратно. А они сразу лезут с разговорами о «польском вопросе». И не боятся напугать столичного гостя! Но ведь он, вернувшись, может написать нелестный рапорт начальству. Видно, этот пресловутый вопрос, как ржавчина, разъедает все в крае. От него не спрячешься, даже если ты временно командирован. И люди вокруг сразу обозначают себя и пытаются прощупать, на чьей ты стороне.

Еще было странно удивительное единение поляка, жмуда и русского генерала. Все спели на мотив русской вины. И хором сообщили собеседнику, что русские стоят ниже поляков в культурном отношении. Это было неприятно. Еще неприятнее было вчера убедиться, что в их словах много правды. Начиная с пейзажа в окне вагона и кончая шпацером, польская жизнь смотрелась чище и красивей. Толпа! Она поразила Лыкова сильнее всего. Натуральная Европа! А еще мелочи, рассыпанные повсюду. Прибранные улицы, цветы на подоконниках, асфальтовые мостовые… Из людей так и прет воспитание. А гнусный эпизод, отравивший вчерашний вечер, связан с нашими офицерами. Неужели поляки правы, низводя нас до уровня дикарей? И как же мы их подчиним, если так думает вся нация? Разве удержишь в узде девять миллионов недовольных?

Лыкову не хотелось чрезмерно посыпать голову пеплом. Так ли безгрешны поляки? Их гонор и хвастовство вошли в империи в поговорку. А кровавые расправы повстанцев с попавшими в их руки нашими солдатами! А многолетний шпионаж в пользу Англии или Германии! А порабощение и окатоличивание белорусских крестьян! А смехотворное изобилие дворян — их в Польше каждый пятый! Любой бездельник, не желающий трудиться, объявляет себя потомственным шляхтичем со всеми сословными привилегиями… Нет, он не станет спешить с выводами. И тем более о «русской вине». Она, конечно, имеется — но что дальше? Наша вина есть, а польской нет? Так не бывает. Надо слушать, не принимать ничего на веру, решать самому. А для этого требуется время.

В десять часов утра наличный состав варшавской сыскной полиции выстроился в коридоре.

Гриневецкий представил людям Лыкова и сделал короткое заявление:

— Чиновник Департамента полиции у нас временно. Он будет заниматься конкретным делом — розыском убийц пристава Емельянова. Прочая текущая жизнь отделения касается господина Лыкова скорее как инспектора. Ему поручено составить рекомендации для улучшения нашей службы. Он человек опытный, и его советы лично я изучу с большим вниманием… Приказываю оказывать моему новому помощнику всю необходимую помощь, по первому запросу, невзирая на занятость.

После этого разъяснения Эрнест Феликсович ушел к себе. Знакомство с кадром продолжил его постоянный помощник титулярный советник Нарбутт. Настоящий

аристократ! Сорокалетний брюнет с холеной эспаньолкой, медальным профилем и холодным взглядом, он отнесся к Лыкову строго официально. По поведению агентов было видно, что Витольд Зенонович пользуется непререкаемым авторитетом. Алексей держал себя с ним тоже сухо, но уважительно. Служба покажет…

В сыскной полиции служило двадцать восемь человек. Во всех агентах есть нечто общее: незаметные, на вид заурядные — взгляду не за что зацепиться. Такими же оказались и варшавяне. Лыкову они понравились. Почти все из отставных унтер-офицеров, один даже фельдфебель. Двое побывали на турецкой войне. От русских сыщиков поляков отличало только щегольство. Треть населения Варшавы — евреи, и несколько служило и в составе отделения. Они выделялись своими живыми, хитрыми физиономиями. Особенно колоритным был Шмуль Сахер, громогласный и веселый. От его бойких находчивых ответов все покатывались со смеху.

После агентов представились два делопроизводителя, важные паны в возрасте. В конце шеренги стоял единственный русский. Это был молодой парень немного несуразной наружности, с большой головой и задумчивыми глазами. Он назвался:

— Канцелярский служитель второго разряда, не имеющий чина Иванов.

— А почему он без чина, Витольд Зенонович? — спросил Алексей у Нарбутта.

— Нет вакансии, — ответил он и посмотрел на младшего письмоводителя со значением; тот промолчал.

— Мы условились с начальником отделения, что я выберу себе помощника.

— Эрнест Феликсович говорил мне об этом. Вы хотите именно Иванова?

— Да.

Парень стоял внешне безразличный, но было видно, как он волнуется.

— Хорошо. Иванов! Вы назначаетесь ассистентом коллежского асессора Лыкова на время его командировки, — официально объявил Нарбутт. Потом повернулся к Лыкову и впервые улыбнулся:

— Именно так мы и предполагали!

— Спасибо, Витольд Зенонович. Вы правы, хочется работать с соотечественником. Ну-с, господин Иванов, а как вас по имени-отчеству?

— Егор Саввич.

— А меня Алексей Николаевич.

Лыков протянул своему новому помощнику руку, и тот, помедлив секунду, пожал ее.

— С этой минуты ваша служебная деятельность будет определяться только моими указаниями.

— Слушаюсь!

— По завершении совещания поднимемся в мою комнату и определим план ближайших действий. Будем искать убийц!

Но совещание закончилось, не начавшись. В кабинет Гриневецкого прошмыгнул городовой с красным лицом — запыхался от бега. Яроховский с Нарбуттом обменялись понимающими взглядами. Действительно, надворный советник вскоре вышел в коридор.

— Господа, у нас труп!

— Где, кто? — лаконично осведомился Нарбутт.

— На свалке под Доброй улицей. Зарезанный офицер. Всю ночь пролежал.

— Офицер? — ахнули поляки и почему-то посмотрели на Лыкова.

— Увы, — подтвердил Гриневецкий. — Этого нам только не хватало. Алексей

Николаевич, вы едете с нами. Вдруг тут какая-то связь?

— Да, конечно. Но в четверть первого меня ждет следователь. Надо послать кого-то предупредить…

— Иванов! — повернулся к подчиненному Эрнест Феликсович. — Ступайте в Окружный суд, найдите там следователя Черенкова…

Но Лыков перебил начальника отделения:

— Егор Саввич едет с нами.

— Какой еще Егор Саввич? — опешил Гриневецкий.

— Господин Иванов. Как мой помощник, он должен стоять вблизи расследования.

— Ах да, я и не сообразил. Разумеется, ваш помощник едет с нами.

— Я пошлю в суд курьера, — предложил Яроховский.

— Сделайте одолжение, Франц Фомич. Остаетесь в отделении за старшего. А вы, господа, за мной!

Полицейские набились в пролетку. Широкий в кости Гриневецкий совсем припер Нарбутта к стенке. Лыков тоже был в плечах будь здоров и также изрядно стеснил своего ассистента.

По Новосенаторской и Трембацкой экипаж выехал на Краковское Предместье и покатил на юг. У Соборной площади свернул на Каровую, и пейзаж сразу изменился. Вчера Лыков здесь не ходил! Будто они перенеслись как по волшебству из Варшавы в московскую Хапиловку. Всюду грязь, горы неубранного мусора, дома-развалюхи и бедняки в лохмотьях. Где же нарядная и веселая публика с проспектов? Вместо нее — унылые и пришибленные голодранцы. Опытный глаз Лыкова замечал и «деловой элемент». Воры и мазурики, завидев полицейских, торопливо скрывались в переулках. Как их много! Появились и пьяные, тоже поляки. Изнанка столицы оказалась неприглядной. Нарбутт увидел, какое впечатление она произвела на Алексея, и пояс нил:

— Самое опасное место на этом берегу Вислы. Хуже только в Праге.

Не имеющий чина хотел что-то возразить, но передумал.

Пролетка по разбитой дороге медленно спускалась к реке. Наружность прохожих делалась все отвратительнее. Когда пересекли Добрую, Лыков ахнул: ну, чистая Сретенка! Такой же длинный остов улицы-позвоночника с торчащими в обе стороны переулками-ребрами.

Проехали водозаборную станцию и остановились на берегу. Чуть ниже трубы, у самой воды раскинулась огромная зловонная свалка. Куда смотрит городская управа? Нигде еще Алексей не видел такого вопиющего нарушения санитарных норм. В Петербурге одна из двух столичных свалок тоже расположена у Невы. Но не около же водозабора!

Возле одной из куч столпились люди: помощник пристава, двое городовых, фотограф с треногой и доктор с чемоданчиком. Рядом стояла закрытая карета-труповозка. Лыкова удивило отсутствие толпы зевак. Обитатели свалки, наоборот, попрятались. Лишь какой-то оборванец мирно спал неподалеку на заботливо подстеленных листах толя.

— Вон побежали! — дернул начальника за рукав Нарбутт.

— Где?

— Да уж скрылись! На Густую завернут, там у них притон.

— Узнали кого, Витольд Зенонович?

— А как же! Рафал Васютынский со своей хеврой. Шесть человек, все в сборе. Зданек Дыня сильно хромает, его под руки ведут.

— Это шайка грабителей, что работает от свалки, — пояснил Алексею Гриневецкий. — Так, второй сорт. Не до них сейчас.

Полицейские вылезли из пролетки и подошли к трупу. Начальник сыскной полиции представил Лыкова:

— Мой новый помощник. Временный, для ускорения розыска убийц Емельянова.

Фотограф и доктор, оба поляки, молча переглянулись. Помощ ник пристава, долговязый русак-подпоручик, пробасил:

— Давно бы так! Третий месяц уже, как приткнули человека, и никаких концов… Тут у нас, Эрнест Феликсович, тово… опять…

— Показывайте.

Городовой сдернул рогожу, и Лыков увидел своего вчерашнего недруга. Штабс-капитан пограничной стражи лежал на боку. Скрючившись, он сжимал в охапку собственные внутренности, вывалившиеся из распоротого живота. Мундир и шаровары задубели от крови. Гримаса невыносимой боли исказила лицо убитого, но это был он, скандалист из ресторана.

— Доктор?

— Рана очень жестокая, но какая-то неумелая. А может, нарочно так сделали, чтобы дольше мучился? Его держали за руки, когда резали. На запястьях остались следы… Офицер умирал несколько часов.

— Где? Здесь, на свалке?

— Так точно, Эрнест Феликсович, — встрял подпоручик. — Вон сколько крови натекло.

— И никто не слышал стонов? Вокруг ночуют десятки людей.

— Кто станет связываться с полицией? Они же все без видов. Ишь как попрятались, расканальский народ!

— Витольд Зенонович, вызывайте агентов и начинайте поиск свидетелей, — распорядился надворный советник. — Никого не пугайте, ногами не топайте, будто бы вы просители. Понадобится — дайте полтину опохмелиться. Пусть только честно расскажут, что видели или слышали. Должны были, если этот несчастный мучился тут полночи. Кто-то его сюда привел! Или привез. И этого кого-то могли запомнить.

— Слушаюсь.

— В карманах что-нибудь нашли? — вновь обратился к помощнику пристава Гриневецкий.

— Нет. Их вывернули до нас.

— Убийца?

— Может, и он, но скорее здешние. Дождались, когда кончился, и обчистили.

— Это запросто, — согласился Нарбутт. — Но если так, опрос ничего не даст. Тот, кто обшарил покойника, не сознается. А мазурики его не выдадут.

— Надо обойти местные питейные заведения, — предложил Лыков. — Вдруг кто посреди ночи пришел часы пропивать?

— У нас, Алексей Николаевич, посреди ночи все питейные закрыты, я вам вчера это объяснял, — терпеливо возразил Гриневецкий.

— Даже низкого пошиба?

— И низкого, и высокого.

— И подпольных кабаков нет? И «мельниц», где уголовные в карты играют? А скупщики краденого тоже по ночам спят? Не поверю, извините!

— Алексей Николаевич прав, — сказал Нарбутт. — Я оставлю на свалке одного агента.

Пусть ходит, спрашивает. Больше для очистки совести, чем в ожидании пользы. А сам с ребятами прочешу Добрую и переулки. Вдруг да зацепим!

— Личность убитого пока не установили? — спросил у подпоручика Гриневецкий.

— Офицеры паспортов не имеют. По мундиру судить, так он из Александровской бригады пограничной стражи. Надо им телеграфировать.

— Его фамилия — Сергеев-третий, — неожиданно для всех пояснил Лыков.

Состоялась немая сцена. После длинной паузы надворный советник спросил:

— Это ваш знакомый? Но откуда? Вы в Варшаве неполный день!

— Я познакомился с ним вчера в ресторане «У Владека».

— На углу Краковского Предместья и Мариенштата?

— Да.

— Вы обедали вместе, если знаете его фамилию?

— Не совсем так. Я зашел поесть, а штабс-капитан уже был там. Не один, а с двумя пехотными поручиками. Все трое напились и устроили дебош. Мне пришлось вмешаться.

Нарбутт почему-то так разволновался, что даже взял Лыко ва под руку.

— Что же вы предприняли?

— Вывел их на улицу.

— Один — троих? И они пошли с вами?

— Ну… они сначала не хотели выходить. Поэтому пришлось их вынести.

— Это как? — опешили варшавские сыщики.

— В левую руку я взял одного поручика… она у меня послабее, а в правую — второго поручика и штабс-капитана. Потом поднял в воздух и вынес на крыльцо, где и поставил.

— И они позволили это с собой проделать? — недоверчиво спросил Витольд Зенонович. — Не сопротивлялись?

— Нет, все обошлось исключительно спокойно.

Гриневецкий не поверил другому.

— Одной рукой вы ухватили и подняли двух взрослых мужчин? Позвольте… хм… позвольте усомниться… я извиняюсь, но… это и технически невозможно, и вообще!

— Конечно, просто взять невозможно. Для этого мне пришлось их сгрудить. Вот так.

Алексей легонько подтолкнул надворного советника к его помощнику, ухватил их правой рукой за пояса и оторвал от земли. Ремень на грузной фигуре Гриневецкого тут же затрещал, и Лыков поспешно поставил сыщиков на землю.

Эрнест Феликсович в крайнем замешательстве уставился на питерского гостя. Тот счел нужным добавить:

— Офицеры сопротивления не оказали, расплатились и ушли.

— В форме и при оружии… — пробормотал Нарбутт. — В Варшаве никто из поляков не решился бы возразить им. Слишком опасно. В позапрошлом году пьяный драгун зарубил насмерть кельнера на Панской. В прошлом отсекли ухо владельцу кавярни в саду Фраскати. И все безнаказанно. Генерал-губернатор Гурко вывел русских военных за рамки правосудия.

Гриневецкий пояснил сочувственно:

— Витольд Зенонович был начальником сыскного отделения почти шесть лет. И снят за ссору с офицером. Спасибо, пришел новый обер-полицмейстер генерал Толстой. Он справедлив к полякам. И сумел оставить господина Нарбутта на службе, но в низшей должности.

Тут опомнился помощник пристава.

— Позвольте! Три офицера при саблях — и ушли от штафирки? Ну, в смысле, от партикулярного человека. Это что за офицеры? Так не полагается! И фамилия… Вы не пояснили, откуда узнали, что этот вот — Сергеев-третий.

— Вы правы, там было продолжение. Из ресторации буяны действительно ушли без скандала, но поджидали меня на улице. Я вышел — они стоят. И… штабс-капитан вызвал меня на поединок. Тогда-то я и узнал его фамилию.

Гриневецкий взмахнул руками.

— Дуэль? Вы получили форменный вызов?

— Еще какой! Мне обещали, что драться придется со всем варшавским гарнизоном! Поскольку я-де нанес оскорбление русскому военному мундиру в присутствии поляков.

— И что было дальше? — вскричал Витольд Зенонович. — Трое на одного, да еще и гарнизон приплели?

— Да ладно, — усмехнулся Алексей. — Кучей на одного лезут только трусы. Они не опасны.

— Русские офицеры, когда пьяные, всегда опасны.

— Не для меня. Этот сорт задир я знаю хорошо. Как получат отпор, сразу по кустам разбегаются.

— Отпор?! — удивился помощник пристава. — Вы приняли вызов, что ли? Не пойму я че-то… Нельзя так с представителями русского оружия!

Похоже, он был на стороне офицеров.

— Отпор был словесный. Им хватило.

— Что же такого вы сказали, что три офицера при саблях разбежались по кустам?

— Объявил, что никакой дуэли не будет, а будет вот что. Я их побью. Сейчас же, всех троих, и жестоко. По-простому, без картелей. А потом отберу сабли и отнесу в канцелярию генерал-губернатора. Пусть ему потом разъясняют, как они видят свою дальнейшую службу.

— И что? — не понял Нарбутт.

— Офицер, не сумевший защитить свою честь и оскорбленный действием, обязан покинуть службу, — пояснил ему подпоручик.

— Но Гурко! Почему вы так уверены, что он встал бы на вашу сторону?

— Я наслышан о нем как о человеке крутом, но справедливом, — сказал Алексей. — Имея свидетелями кельнеров, надеялся на благополучный исход дела.

— А если бы оказалось не так? — спросил Гриневецкий.

— Ушел бы со службы. Но считал бы себя правым.

Поляк и жмуд как-то по-особенному посмотрели друг на друга. Но помощник пристава иначе принял рассказ Лыкова. Он вдруг расправил плечи, положил руку на эфес шашки и сказал казенным голосом:

— Так это есть тот самый Сергеев, с которым у вас вышла ссора?

— Тот самый, я узнал его.

— Кто может это подтвердить?

— В ресторане — прислуга, а на улице — дворник дома номер шестьдесят. Блондин, рост — два аршина шесть с четвертью вершков. Без бляхи, с фартуке с прожженным пятном слева внизу. У него должны остаться половинки рубля.

— Какого рубля?

— Я порвал его пополам. Когда объяснял тем нахрапам, как именно стану их мутузить.

Подпоручик стоял, официально-торжественный, и смотрел на Лыкова со злорадным

непониманием.

— Господин коллежский асессор, вам не удастся сбить меня с линии! И не такие пробовали.

Лыков рассердился:

— Давайте-ка с самого начала. С какой такой линии я вас пытаюсь сбить?

— А с линии розыска.

— Так. И в чем она заключается?

— В том, что у вас с убитым случилась ссора!

— Конечно, случилась. Я сам только что об этом рассказал. Но линия-то в чем?

— В том, что у вас был мотив. А инобытия, поди, нету?

— Угадали. Нет.

— Ага! — Подпоручик торжествующе посмотрел на сыщиков. — Вот мы и приблизились!

— К чему? — удивился Гриневецкий. — Вы на что намекаете? Чиновник особых поручений Департамента полиции убил офицера? В первый же день своего пребывания в Варшаве. Так, что ли? А как он доставил на свалку труп? На извозчике привез?

— Ну как же вы не видите?! Ваш чиновник пытается запутать розыск!

— А для чего?

Подпоручик сам задумался над собственными словами.

— Ну… с целью запутать розыск. Иначе зачем же он рассказывает нам глупые истории о порванных рублях? Вот!

Помощник пристава порылся в кармане и вынул желтую ассигнацию.

— Вот! Такой же рубль. Если я порву его у вас на глазах, вы сильно напугаетесь?

Алексей в сердцах извлек из портмоне серебряный целковый, порвал его надвое, вручил подпоручику и обратился к сыщикам:

— Господа! Надобно опросить людей в ресторане. Вдруг они знают спутников убитого? Судя по шифровке,[19] поручики из 13-го пехотного Белозерского полка. Возможно, прислуга сообщит нам о всей компании важные сведения.

Гриневецкий с Нарбуттом согласно кивнули, а сами косились на помощника пристава. Открыв рот от удивления, тот держал обломки монеты и тупо их разглядывал. Потом зачем-то попытался состыковать… Рядом давился от смеха не имеющий чина. Наконец начальник сыскной полиции сказал:

— Алексей Николаевич! Насчет десяти пудов вы давеча слукавили. Ведь так?

— Поедемте скорее к Владеку, — вместо ответа предложил Лыков.

Так и сделали. Нарбутт отправился по скупщикам краденого, а остальные сыщики нагрянули в ресторан. Лыкова там, разумеется, узнали и рассказ его подтвердили. И кельнеры, и распорядитель описали дело в таких красках, что Алексей даже смутился. В устах поляков он выглядел героем! Буйный штабс-капитан посещал заведение давно, и его уже боялись обслуживать. Тот имел обыкновение быстро напиваться, а потом говорить окружающим дерзости. Распорядитель вчера умолял пограничника выбрать другой ресторан. Сергеев-третий отказался, да еще и заявил, что начнет ходить сюда еже дневно. Чтобы паны соблюдали свое место! Лыков чуть со стыда не сгорел за такого земляка, да и его помощник был в сильном смущении. Алексей поспешил перейти к расспросам:

— Известны ли вам поручики, что были с ним?

— Нет, эти явились впервые. Молодые, а уже такие испорченные… — вздохнул старший кельнер. — Все деньги!

— В каком смысле?

— Да жалованье у них грошовое, а штабс-капитан всегда платит за всех. Видно, богатый. Они и прибились…

— Откуда у скромного обер-офицера капиталы? Конечно, пограничная стража получает содержание больше армейского. Но и на него каждый день в рестораны не походишь!

— То мы не знаем, уважаемый пан. Но Сергеев часто приводил с собой компании и любил сорить деньгами.

— Возможно, это доходы от контрабанды, — предположил Иванов, и начальники с ним согласились — правдоподобно.

Именами вчерашних поручиков прислуга не располагала. Офицеров следовало немедленно доставить в сыскную полицию. Знающий их в лицо Лыков отправился в полк, а Гриневецкий вернулся на службу.

Алексей ехал и вспоминал своих обидчиков. Совсем молодые еще люди, прав кельнер. Ну, выпили по глупости. Захотелось угоститься за чужой счет… Невелик же грех! Но если их сейчас потащат в сыскное и там допросят под протокол, случится необратимое. С точки зрения закона мальчишкам предъявить нечего. Пожурят и отпустят. А с точки зрения полковой чести? Дали себя тронуть статскому. Их вынесли, как вещь, на улицу! А потом, когда офицеры потребовали-таки удовлетворения, тот же статский вторично дал им отпор. Да такой, что они бежали, забыв про обиду. А на поручиках был белозерский мундир! Нет, нельзя везти бедолаг на Сенаторскую. Нужно получить от них показания на месте. Но

сделать это возможно только с разрешения полкового командира. Выходит, ему придется рассказать историю в деталях. Если умный, не захочет огласки и проведет келейно. Если дурак, значит, поручикам не повезло — их выкинут из полка.

Опять же, и белозерцев жалко. Славная часть! Везде воевали: под Полтавой, у Бородино, под Лейпцигом, на Малаховом кургане в Крымской войне. Зачем же их позорить?

Белозерский полк квартировал в Праге, у Зомбковской заставы. Пока добирались туда, Лыков спросил у своего помощника:

— Егор Саввич, вы, мне показалось, хотели поправить Нарбутта, да не решились. Когда он сказал, что Прага — самое криминальное место в городе. Что, это не так?

— Ну, отчасти верно, но не до конца. В Москве и Петербурге тоже есть в центре города клоаки, но больше их все же на окраинах?

— Конечно. Хитровка с Драчевкой у всех на слуху, но пояс зла, если хотите, окольцовывает Москву снаружи. Пригородные слободы — вот где настоящие оазисы беззакония. От Новой слободы и Марьиной рощи на севере до Даниловки и Дорогомилово на юге. Слободы окружили город. Такая же картина и в Петербурге. Вяземская лавра гремит, а Горячее поле сидит себе тихо. Между тем самые страшные банды именно там, а не в лавре. И в Варшаве то же?

— Точно так. Прага действительно выдается из ряда — это пригород воров. Почти все столичные «красные» обитают здесь. И блатер-каины[20] тоже представлены изрядно. А вот налетчиков, громил почему-то нет совсем. Они облюбовали себе места в Локотове и еще между Повонзковом и Волей. Там тянется по окраине полоса кладбищ, и от них отходят узкие улицы: Низкая, Ставки, Павлиная. А вокруг переулочки с неприглядными домами. Не вздумайте там гулять! Вот где, пожалуй, самое опасное место в Варшаве. Еще часто шалят на фабричных окраинах: в Чистом возле газового завода и за Петербургской заставой, где фабрика искусственных навозов. В Мостовском участке, где сегодня нашли труп, тоже очень беспокойно. Свалка что магнит! Пожалуй, вся полоса вдоль Вислы, от кирасирских казарм до Цитадели, — одна сплошная язва. В Старом Месте у евреев в ходу мошенничества. Вокруг Иерусалимской аллеи тайные убежища варшавской элиты — медвежатников. А на Саска-Кемпа[21] летом притоны беглых.

— Словом, как везде, — рассмеялся Лыков. — А я давеча пошел гулять и почти расстроился: люди на улице чистые, трезвые, никто на гармошке не жарит и морду соседу не бьет. Аж завидно стало! Этот культурный народ мы, называя вещи своими именами, удерживаем в подчинении военной силой! Как долго еще будет сходить нам такое с рук?

— Это вас обер-полицмейстер распропагандировал, — хмыкнул Иванов. — А Гриневецкий со товарищи добавили. Э-эх… С приходом Толстого вся варшавская полиция стала плясать под польскую дудку. А в последнее время еще и президент Варшавы, и губернатор. Поляки их опутали! Всех себе подчинили ласковыми речами про русские грехи. Теперь таким, как я, здесь хода нету.

— Поляки столь влиятельны? А жалуются, что им нет хода!

— Они сменили тактику. Теперь каждому нашему администратору паны весьма искусно залезают в душу. И чем порядочнее человек, тем быстрее делается он полонофилом. В нем ловко и незаметно культивируют особенное чувство. Чувство вины.

— А что, не так? Мы перед поляками ни в чем не виноваты? — посмотрел в глаза своему помощнику Лыков. — Вот ответь мне, Егор, честно. Ты здесь живешь, знаешь изнутри. Помоги мне разобраться. Я понимаю, что и меня уже начинают, как ты говоришь,

опутывать. Неужели все их слова — неправда?

— Это очень сложный вопрос, — серьезно ответил парень. — Надо много деталей учесть. Одной на всех правды здесь не сыскать и простых рецептов тоже.

— Мы поработили силой родственный нам славянский народ. Да или нет? А еще религиозное разобщение! У мусульман в империи больше прав, чем у католиков. Неужели польская нация не имеет права на независимость?

— Это как поглядеть. Смотря какую независимость рассматривать.

— А что, они разные бывают?

— Видно, что вы приехали из Великороссии и не в курсе здешних течений… Думаете, поляки мечтают о независимости в границах Царства Польского, Померании и Галиции? Нет. Им нужна Великая Польша «от можа до можа», с присоединением всех окрестных территорий. Тех, что в русских документах именуются «губернии, от Польши возвращенные». А сами поляки называют «забраный край». То есть это все ихнее, а мы отобрали… И это не только Литва с Белоруссией. Паны ведь и Смоленск с Киевом считают своими!

— Смоленск и Киев? — опешил Алексей. — С какого черта? А Москвы с Нижним Новгородом им не надо? Ха-ха!

— Я не шучу, — коротко ответил Иванов. И лишь тогда коллежскому асессору стало ясно, что смеяться тут нечему.

— Но… — начал было он, но пролетка подкатила к воротам и встала.

— Приехали в полк, Алексей Николаевич, — взволнованно сказал ассистент. — Разговор придется отложить. А он важный! Нужно его закончить, иначе паны вас совсем запутают. Давеча вы показали, что человек порядочный и стыдитесь дурных проявлений русского характера. Им только того и надо! Поверьте мне, я родился и вырос в Варшаве. Нас, таких, что знают и город, и польский вопрос изнутри, — малая горсть. Никто из начальства нас не слушает…

— Мы сегодня долго не расстанемся, и не только сегодня. Мне позарез нужен сведущий человек. Я хочу разобраться! Но плясать ни под чью дудку не стану, в том числе, извини, и под твою. Попробуй меня убедить, я не идиот и аргументы принимаю. Не убедишь — увы. А теперь пойдем, а то парень с ружьем вон уже нервничает.

Начался штурм казарм Белозерского полка, который едва не перешел в осаду. Полицейский билет Лыкова не произвел на часового никакого впечатления. Сыщик потребовал вызвать начальника караула. Подошел старший унтер-офицер, серьезный и спокойный. Не торопясь прочитал документ, осмотрел напористого посетителя. Еще утром, собираясь на службу, Алексей вдел в петлю сюртука георгиевскую ленту. Варшава — город, в котором правят военные; мало ли что… Разглядев отличие, унтер встрепенулся. Бросив руку под козырек, он отстранил часового и повел гостей к дежурному по полку.

Подтянутый капитан полицейским не обрадовался. Но выслушал внимательно. Узнав, что двух поручиков полка хочет допросить чиновник сыскной полиции, скривился. Целую минуту дежурный раздумывал, барабаня пальцами по столу. Наконец Лыкову это надоело, и он сказал:

— Послушайте, капитан. Убит русский офицер. Ночью, с особой жестокостью. Я ведь не в бирюльки играть пришел… Или вы не хотите, чтобы злодеи были наказаны?

— Хочу, конечно. Только думаю, как подать это полковнику. У варшавской полиции, знаете ли, такая репутация среди войск гарнизона…

— Да мне плевать на это, я убийц ищу. Не карточных шулеров. Понимаете разницу?

Капитан вздохнул и отправился за начальством. Через пять минут он вернулся, и не с одним полковником, а сразу с двумя. Они представились:

— Командир 13-го пехотного Белозерского полка князь Вадбольский.

— Старший полковник, командир второго батальона Первухин.

Сыщик назвал себя:

— Временный помощник начальника варшавской сыскной полиции, коллежский асессор в звании камер-юнкера Лыков.

Все сели, кроме капитана. Вадбольский кивнул ему, и тот быстро удалился. Князь покосился на Лыкова. Алексей понял его и обратился к своему ассистенту:

— Егор Саввич, вопрос касается чести славного Белозерского полка. Вы, как не участвовавший в инциденте с его офицерами, не понадобитесь в разговоре.

Не имеющий чина вышел, и Вадбольский сразу же спросил:

— Что там насчет чести? Мне доложили, что идет розыск убийц стороннего офицера. При чем тут мои молодцы?

Первухин дал выговориться начальству и добавил:

— И что такое временный помощник? Где границы ваших полномочий? Сыскная полиция, что, не справляется, если ей помощников добавляют?

— Начну с ответа на второй вопрос и быстро перейду к первому. Я чиновник особых поручений Департамента полиции. Командирован сюда для расследования убийства пристава Повонзковского участка ротмистра Емельянова. Оно произошло два месяца назад, преступники до сих пор не найдены. Вы, господин Первухин, правы — полиция не справляется.

— Да там одни поляки! — с раздражением воскликнул батальонер. — Они и искать не станут!

— Так вот… Я приехал лишь вчера, а сегодня ночью случилось убийство еще одного офицера — штабс-капитана Александровской бригады пограничной стражи Сергеева-третьего. Так вышло, что вечером в день приезда я ужинал в ресторане «У Владека»…

— Переходите к делу, коллежский асессор! — раздраженно приказал князь. — При чем здесь честь моего полка?

— Мы уже приблизились к этому. В ресторане произошел скандал, затеянный вышеназванным Сергеевым. В компании с двумя вашими поручиками.

— Что за скандал?

— Ну, штабс-капитан оскорбил близсидящую даму.

— И что с того? Послушайте, господин из полиции… Тут армия. Скандалы в ресторанах меня не интересуют. Сожалею о потраченном времени.

И Вадбольский начал вставать.

— Погоди, Иван, — остановил его Первухин. — Мне это не нравится. Надо дослушать господина Лыкова до конца. Он георгиевский кавалер, как я вижу, и потому армии не посторонний. И хочет сообщить нечто важное. Скажите нам, что там произошло на самом деле.

Князь вздохнул и снова сел.

— Был скандал, и бог бы с ним, тут вы правы, — терпеливо стал объяснять Алексей. — Но потом один из участников дебоша, указанный Сергеев, был убит неизвестными. Ваши поручики — свидетели. Их обязаны опросить в сыскной полиции, официально, под

протокол. В ходе этого неизбежно всплывут детали дебоша. В них все дело.

— Так-так… — напрягся Первухин. — Этого я и опасался. Наши парни не просто обругали прислугу и оскорбили какую-то даму?

— Да. Мне пришлось применить к ним силу.

— Что?! — вскочили полковники с мест. — К нашим офицерам? А они в ответ? Ну-ка, подробнее!

И Алексей в деталях рассказал весь инцидент в ресторане. Он особо остановился на поведении Сергеева-третьего и всячески выгораживал его спутников. Выходило, что они в скандале виноваты мало. Но полковники не согласились. Их подчиненные дали оскорбить себя действием! Да еще статскому! Оскорбление, по мнению начальников, заключалось в том, что офицеры позволили вынести себя на крыльцо.

Лыков расстроился:

— Вот этого я и опасался. Вы же мальчишкам жизнь сломаете! Выгоните из полка ни за что!

— Конечно, выгоним! — горячился Вадбольский. — Дать себя тронуть штафирке и не ответить! Вас лично я не обвиняю, вы защищали свою честь. И защитили достойно! А мои? Немедля выстроить всех офицеров в собрании! Как узнаете их, сначала, так и быть, спрашивайте что хотите. А потом — ух! — я им задам чесу…

— Погоди, Иван, — снова вмешался Первухин. — Господин Лыков защищает наших поручиков. И не находит в их поведении ничего, роняющего честь полкового мундира. Давай разбираться без горячки. Простите, господин камер-юнкер, как вас по имени-отчеству?

— Алексей Николаевич.

— Очень приятно! А меня Андрей Ильич. Князя — Иван Евстифеевич. Вот и познакомились! Опишите, пожалуйста, что произошло. До последней мелочи. Вы сказали, что вынесли наших ребят на крыльцо. Как понять это фигуральное выражение? Вы их толкнули или тащили за рукав?

— Да нет же, я их именно вынес!

— Это как? Они не мешки, а вы не ломовик. Не хотите рассказывать?

Алексей вздохнул и поднялся.

— Это лучше показать, иначе вы мне не поверите. Андрей Ильич, встаньте на середине комнаты.

Полковник, высокий и грузный, вышел из-за стола. Лыков взял его за ремень ладонью вниз, крякнул и оторвал от пола. Первухин ойкнул и растерянно заболтал ногами. Сыщик отнес его к двери, потом вернулся и поставил, где взял.

— Вот так было. Где же вы здесь увидели оскорбление действием?

— Однако! — ахнул батальонер, оправляя мундир. — И предположить нельзя! На вид никогда не скажешь…

Полковой командир озадаченно грыз свой ус, потом изрек:

— Достойно удивления! Никогда такого не видал! И… Алексей Николаевич… признаюсь, я лишь теперь начинаю вас понимать. И правда, оскорбления действием в этом… атлетическом номере я не усматриваю. А ты, Андрюша?

— А я тем более! Ни удара, ни толчка! Так, взяли и вынесли. Аккуратно и без насилия.

— Было еще кое-что, — начал говорить Лыков, и полковники посмотрели на него с испугом. — Когда я вышел из заведения, все трое дожидались на улице. Сергеев официально

вызвал меня на дуэль, а ваши поручики согласились быть его секундантами.

— Ну и что? — нахмурился князь. — Русский офицер может участвовать в дуэли. С разрешения полкового командира.

Но Первухин сразу почуял недоброе и перебил начальника и приятеля:

— Там был дурной запашок?

— Чуть-чуть пахнуло…

— Вы приняли вызов?

— Нет, конечно. Не хватало связываться с пьяным идиотом. Я погнул на глазах офицеров монету и пообещал, что сделаю то же самое с ними. Отлуплю как Сидоровых коз, отбе ру сабли и снесу их в приемную генерал-губернатора.

— А они?

— Мгновенно показали тыл.

— Вот стервецы! — расстроился полковой командир. — Струсили! Одного статского испугались!

— Это как посмотреть, — осторожно сказал сыщик. — Побить их я бы, конечно, побил. Всех троих…

— Вне всякого сомнения, — вставил Первухин и потер брюхо. — До сих пор болит!

— …И тогда ваши поручики сняли бы мундир. А славный Белозерский полк понес бы ущерб в репутации.

Оба офицера вновь уставились на Лыкова одновременно со страхом и с надеждой.

— Но этого не произошло, поскольку ваши подчиненные оказались дальновидны.

— Кажется, я вас понимаю! — просветлел лицом князь. — Значит, мои балбесы…

— …проявили разумную осторожность. И не потому, что испугались, а для сбережения чести полка. Согласитесь, на войне всякое бывает: иногда приходится и отступать.

— Вот мудрые слова! — воскликнул старший полковник, вскакивая. — Они обличают военного человека, хоть на вас, Алексей Николаевич, и партикулярный сюртук. Зато с георгиевской ленточкой!

— Это солдатский, за турецкую войну, — пояснил коллежский асессор. — Но возвратимся к вашим, как сказал его сиятельство, балбесам.

— Да-да, продолжайте, пожалуйста, — согласился Вадбольский и тоже встал, глядя на Лыкова, словно на корпусного командира. Тому пришлось подняться, и разговор они продолжили стоя.

— Поручики, конечно, виноваты. Не одернули штабс-капитана, когда тот начал скандализировать. Дерзили полякам, а потом и мне. Трое, при оружии, понимали свою безнаказанность. Право, это нехорошо…

— Накажем! — гаркнул Вадбольский так, что из коридора просунулась голова дежурного. Князь поглядел на него свирепо, и капитан скрылся за дверью.

— Надо, заслужили, — согласился Алексей. — Внушение там сделать, производство задержать… на годик. Это уж вам виднее. Нужно знать, с кем по ресторанам шляться!

— У обер-офицеров и денег-то нет на рестораны, — пожаловался Первухин. — Я хоть и полковник, а и то лишний раз не зайдешь…

— Давайте, господа, условимся так. Предъявите мне всех офицеров полка. Я опознаю тех двоих. Мы с помощником опрашиваем их в вашем присутствии. Мой помощник — русский, дальше него не уйдет. Щекотливых тем, навроде моей угрозы физической расправы и их бегства, касаться не станем. Поручики ответят лишь на вопросы в интересах розыска убийц

штабс-капитана Сергеева. Начальник сыскной полиции, обер-полицмейстер, следователь — все они увидят только этот сообща отредактированный нами документ. И…

— …вы отобедаете с нами с Андреем Ильичом на моей квартире, — завершил фразу полковой командир.

— Почел бы за честь, Иван Евстифеевич! Но убийство русского офицера заставляет меня торопиться с принятием мер. Вынужден отказаться.

Вадбольский настаивать не стал. Из коридора позвали дежурного по полку. Через четверть часа все наличные офицеры были собраны на плацу учебной команды. Лыков быстро обнаружил среди них двух своих вчерашних обидчиков. Поручики перетрусили. Их командир и старший полковник готовы были землю рыть перед скромным штафиркой — что же это такое?

Поручиков привели в кабинет князя, и тот сказал, едва сдерживаясь:

— Приказываю ответить на вопросы, которые сочтет нужным задать коллежский асессор Лыков. Ну, а когда он уйдет, между нами состоится другой разговор…

Офицеры окончательно смешались, от вчерашней их наглости не осталось и следа. Алексей сделал каменное лицо — пусть получат урок.

— Не стану касаться вашего вчерашнего поведения. Насколь ко оно соответствует чести русского офицера — вам разъяснит начальство. Поговорим о другом. Штабс-капитан Сергеев-третий, в компании которого вы вчера пировали, сегодня поутру найден убитым.

— Как убитым? — воскликнул тот, что повыше и позадиристей, поручик Шеховцов.

— Убитым или мертвым? — уточнил, побледнев, второй офицер, поручик Мартынов.

— Живот распорот от диафрагмы до паха. Внутренности, естественно, вывалились. Штабс-капитан пробовал запихнуть их обратно руками… Это была очень мучительная смерть.

Все офицеры, не сговариваясь, перекрестились на икону в углу.

— Когда и где вы вчера расстались?

— Тотчас после… ну, той сцены во дворе, — ответил Мартынов и покосился на полкового командира. Тот немедленно показал ему кулак, и поручик воспрянул духом. Видимо, характер у князя был отходчивый.

— Куда направился штабс-капитан?

— Он вчера был при деньгах, — заявил Шеховцов. — Впрочем, Сергеев-третий всегда при деньгах. Откуда только берет? Мы с Мартыновым поняли, что… перегнули палку. И решили вернуться в полк. А он сказал: нет, я еще не набесился! Звал и нас. Сказал, что пойдет к Ванде.

— Кто эта Ванда?

— Понятия не имею.

— А вы, Мартынов?

— Тоже. Мы только второй раз так загуляли с Сергеевым. Он… недалекий. И неприятный. Особенно как выпьет.

— Зачем же вы водились с таким человеком?

Поручики промолчали.

— Деньги, всё деньги… — сокрушенно пробормотал батальонер. — Жалование поручика со столовыми и квартирными — пятьдесят три рубля! За вычетами остается вообще тридцать пять. Как хочешь, так и живи… А погулять охота, пока молодой. Я хоть и полковник, иной раз тянет целковому голову свернуть.

Неожиданно Иванов оторвался от протокола и сказал:

— На Иерусалимской аллее есть шикарный ресторан, назы вается «У Ванды».

— Действительно шикарный? — почему-то шепотом поинтересовался Шеховцов.

— Не знаю. Не был. У меня жалованье — двадцать пять рублей.

Повисла неловкая пауза, которую прервал вопросом Лыков:

— Что имеете сказать о круге знакомых покойного?

— Спросите об этом в Александровской бригаде, — с вызовом ответил Шеховцов. Алексей вспомнил, что и в подворотне он вел себя более развязно.

— Ваш характер, поручик, я уяснил еще вчера. Вы были достойным напарником вздорного скандалиста Сергеева.

— Я не позволю…

— Молчать! — рявкнул командир полка.

— Тут решается, оставаться ли вам в офицерах, — продолжил Лыков, — а вы интересуетесь репутацией ресторана «У Ванды».

— А что мы такого сделали? — возмутился поручик. — Ну, поставили на место полячишек! Пусть знают! А то совсем распустились, не хотели обслужить.

— Еще вызвали на дуэль русского, что решился прекратить ваше хамство. А когда тот пригрозил, что отделает всех на кулачки, хотя бы вас и трое, — что тогда случилось?

В кабинете наступила тишина, зловещая и тягостная. Моло дые офицеры, красные от стыда, переминались с ноги на ногу. На Мартынова вообще жалко было смотреть… Наконец Вадбольский скомандовал:

— Выйдите за дверь и ждите, когда вас позовут.

Поручики удалились в коридор. Князь смотрел на Лыкова, в глазах его смешались злость и сожаление.

— Что делать, Алексей Николаевич? Знал я, что Шеховцов беспокойный, но чтобы такое… Бурбон! Прогнать бы его из полка, да Мартынова жалко! Скромный и порядочный, готовится к поступлению в Академию Генерального штаба. И в полуроте у него ажур. Но нельзя за один и тот же проступок первого выгнать, а второго оставить!

— Нельзя, — согласился Лыков. — Но это, князь, в вашей власти. Я обещал, что не буду давать хода вопросу об их поведении, и обещание свое выполню. А вы возьмите бурбона на заметку. Если он сейчас ничего не понял, то и не поймет никогда. И снова по характеру вляпается. Тогда уж гоните без жалости.

— Спасибо вам, Алексей Николаевич. За понимание и что честь полка бережете, хотя мы вам никто. Эх, молодежь-холостежь… Андрюша, позови этих!

Поручики вернулись, тревожно глядя на князя.

— Господин Лыков обещал нам с полковником Первухиным не подавать рапорта о вашем проступке. Ему некогда заниматься кляузами, он убийц ловит… И еще он просил за вас перед нами. Выставил ту сцену в подворотне, когда вы драпанули, как зайцы, в приличном свете. Защищает.

Офицеры молча покосились на сыщика.

— Кстати, чтоб вы знали, на кого замахнулись, — продолжил князь. — Господин Лыков — георгиевский кавалер за турецкую войну!

— Еще у него Анна второй степени с мечами, — неожиданно дополнил полковника Иванов.

— Это как же? — повернулся тот к Алексею. — Или вы были офицером?

— Нет, — пояснил Егор. — Орден с мечами вручен ему как чиновнику эмвэдэ в виде совершенного исключения. За участие в военной экспедиции в недоступные области Дагестана. Именным указом государя.

Князь посмотрел на Лыкова, тот молча кивнул.

— Так я продолжу. Вчерашний прискорбный инцидент должен был бы стоить вам обоим погон. И дело не в поляках-кельнерах. Вы легкомысленно поставили на карту честь полка. Славного Белозерского генерал-фельдмаршала князя Волконского полка! Ваши пьяные аллюры, исполни господин Лыков свою угрозу, кончились бы объяснением с генерал-адъютантом Гурко. Что бы вы ответили ему на вопрос, где ваши сабли? Что бы я ему ответил?

Полковой командир энергически прокашлялся, потом продолжил уже спокойным голосом:

— Благодаря заступничеству Алексея Николаевича ваше дело предается забвению. Вопрос о выходе из полка не стоит. В ближайшие дни я сообщу о форме дисциплинарного наказания, которому вас подвергну. Всем объяснять, что попались мне в городе под хмельком. Понятно?

— Так точно!

— В случае повторного нарушения обычаев офицерской чести — именно так я расцениваю ваш проступок — вылетите из полка. Поручик Шеховцов!

— Слушаю, ваше сиятельство!

— Ваше сегодняшнее поведение показывает, что вам особенно трудно служить. Вы меня понимаете?

Офицер хотел что-то возразить, но сделал над собой усилие и ответил:

— Так точно!

— Впредь каждый ваш шаг будет рассматриваться мною и старшими офицерами полка под лупой. Свободны!

Лыков расстался с полковниками по-дружески. На улице он спросил у своего помощника:

— Откуда узнал про Анну с мечами?

— Гриневецкий вчера зачитал составу отделения выдержки из вашего дела.

— Это для чего?

— Чтобы держали ухо востро. Еще Эрнест Феликсович добавил: «Лыков — человек боевой, смотрите и учитесь!» Я вижу теперь, что он не ошибся.

— Хм… Поглядим, как пойдет эта учеба. Ты извини, что я тебе тыкаю. На людях буду стараться на «вы» и по имени-отчеству. Ты тоже мне один на один говори «ты», ладно?

— Я не хочу вам тыкать.

— Почему? — нахмурился Алексей.

— Рано пока! Да я все равно всем выкаю, как не имеющий чина. И мне все в ответ тоже. Сторонятся. Дистанцию держат. А вы, Алексей Николаевич, мой выигрышный лотерейный билет, так и знайте!

— В каком смысле?

— Я служу в сыскном отделении два года. По закону как окончивший полный курс гимназии должен уже получить классный чин. Но меня обходят, потому что русский. Так по всей полиции. В других отраслях управления чаще не жалуют поляков.

— Ну и переходи туда! Невозможно жить на двадцать пять рублей!

— Нет. Я хочу быть именно сыщиком. И способности чувствую… только не смейтесь! Ну, наблюдательность тренирую, память, книги по криминалистике читаю. А жалованье — да, крохотное. Матушка получает пенсию за отца. Он был майор, служил помощником уездного начальника. Умер четыре года назад. Открылась рана, полученная от косиньеров… [22] Пенсия хорошая — сорок шесть рублей в месяц! Еще мы сдаем комнату под ученическую квартиру для реалистов, этим преимущественно и живем.

— У меня отец тоже косиньерами был изранен. Только он выше поручика не пошел — отставлен по состоянию здоровья. Десять лет как умер. Но я не понял про лотерейный билет.

— Ну как же! Вы убийцу Емельянова как пить дать найдете. Я ваш помощник в этом деле. Обер-полицмейстер, глядишь, и заметит мое усердие, выдвинет на классный чин. С моим образованием могу дослужиться до восьмого класса. Буду очень стараться, Алексей Николаевич! Понимаю, что из всех агентов отделения я самый неопытный. Зато русский!

— Ладно, поглядим. Твое знание города и польского характера мне сейчас нужно. Насчет классного чина — попробую что-нибудь сделать. И ты не зевай! А теперь поехали на Иерусалимскую аллею.

— Алексей Николаевич, а не лучше ли к судебному следователю? Ведь текущие дела до вас не относятся. Убийство Емельянова — ваше, а Сергеева-третьего — формально нет.

— Я подозреваю, что они связаны. Там прошло уже два месяца, улики сразу не нашли, и след потерян. А тут свежее все! Если действовать напористо — мы их поймаем. Поверь, землю рыть я умею!

— Но давайте хоть сначала заедем в отделение. Нарбутт мог за это время что-нибудь найти. Он большой знаток варшавского преступного мира. И фактически руководит сыскной полицией, с полного согласия Гриневецкого. Они друзья.

— За что его сняли с должности?

— Поймал на мошенничестве полковника из военно-окружного управления.[23] Представил доказательства, свидетелей. Дело забрала военная юстиция, и в итоге полковника перевели в Одесский округ на генеральскую должность! А Витольда Зеноновича сам Гурко приказал снять с начальников отделения «за пристрастное отношение к русскому офицерству». После этого все обходят нас как чумных. Вы вчера выкинули буянов в погонах из ресторана. А я вам вот что скажу: впервые за четыре года они получили отпор!

— Да, наши вояки любят безнаказанность. Особенно здесь, где все держится на армии. Но хватит балаболить, поехали к Ванде.

— Не в отделение?

— К Ванде. Хорошо, если Нарбутт взял след. Но там обойдутся и без нас. Мы заходим со своего конца. Сергеев-третий был еще жив, когда направился в ресторацию на Иерусалимской аллее. А утром — уже мертв. Надо в этом разобраться. Вперед, молодежь-холостежь!

Глава 5

Убийцы

Ресторация «У Ванды» действительно оказалась завлекательной. Перекресток Иерусалимской аллеи и Нового Света — место бойкое. Когда сыщики вошли в заведение, к ним подбежал пожилой официант и сказал извиняющимся голосом:

— Ни одного столика нет, шановны панове! Самый обед. Не угодно ли сделать заказ и прийти через полчаса? Я вам хорошее место оставлю.

Лыков осмотрел зал — и правда, битком! — и заявил старику, понизив голос:

— Сыскная полиция. Проведите нас к распорядителю.

— Слушаюсь!

В крохотном кабинете уютный толстяк долго читал полицейский билет Лыкова. Потом так же долго разглядывал самого коллежского асессора. Наконец он осторожно сообщил:

— Вы из самого Департамента полиции.

— Да, там написано.

— А какое дело, позвольте спросить, Департаменту самой полиции до нашей рэстаурацьи?

— Я временно прикомандирован к варшавскому сыскному отделению.

— В вашем билете ничего об этом.

— Не успели оформить. Вы, кажется, желаете проехать на Сенаторскую? И там ответить на мои вопросы?

— Нет-нет, зачем?! Я с удовольствием отвечу здесь. Просто подумал, что пан занимается политикой. У нас респектабельное место, люди кушают и выпивают. Политикой никто не интересуется. Я вас уверяю! Так что вы хотите спросить?

— Вам известен штабс-капитан Сергеев-третий из Александровской бригады пограничной стражи? Высокий громкоголосый брюнет. Часто бывает при деньгах. Часто бывает весьма развязным.

Ресторатор сразу же закивал:

— Да-да, я знаю, о ком вы говорите. Этот пан ходит к нам, да.

— Вчера он тоже был?

— Приходил. Скушал судака, выпил польского меда, а потом — пф-ф-ф! — еще и вудки.

— Шумел?

— Мы хорошо знаем характер пана. Он… неприятный субъект, извините. Именно вчера он не шумел. Не успел. Отвлекся на даму.

— Как она выглядела?

— Точно не скажу. На ней была вуалетка, что закрывает пув тважа… пол-лица. Но чувствовалось, что пани очень красивая. Такая фигура! А бюст! О!.. И к тому же модно одетая. На пальце сапфир размером в два злотых!

— Рост, цвет волос? Особые приметы? Была ли она у вас раньше?

— Рост… как это по-русски? Вам по брови, да. Брюнетка. А особых примет никаких. Разве только, что пани очень чекавы,[24] хе-хе…

— Вспомните, пожалуйста, все до мелочей. Это очень важно.

— Ах, важно? Что вчера натворил пан Сергеев? Снова с кем-то повздорил?

— Что значит «снова»? Он в вашем заведении уже буянил?

— Этот несносный пан буянит всегда. Мы уже привыкли. Дупек![25] Такой рад испортить людям настроение. Но вчера пани остановила его одним жестом.

— Значит, раньше вы ее не видели?

— Нет, никогда. Я часто обхожу зал, всех постоянных знаю по именам. Людям нравится, когда их называют по именам… Так они охотнее оставляют напивэк.

— Что оставляют? — удивился Лыков.

— Напивэк — это чаевые, — объяснил Егор.

— То так. Интересная пани пришла вчера в первый раз.

— Дама подсела к штабс-капитану? Или он сам устроился за ее столик?

— Нет, когда пан Сергеев пришел, пани еще не было. И он стал кушать судака. А потом перемешал мед с вудкой. Мы уже понимаем, что будет дальше. Но пан — русский офицер, его нельзя вывести под руки на улицу. У него сбоку висит сабля. Знаете, в позапрошлом годе офицер зарубил такой саблей кельнера. Совсем зарубил, до смерти. А в прошлом — отрезал ухо такому, как я, распорядителю, пану Старчаку. В саду Фраскати. И через неделю явился туда снова, как ни в чем не бывало… Так говорится у русских?

— Да. Но что насчет дамы? Она не из…?

— Нет, что вы! Не из таких. К нам ходят три или четыре… без них рэстаурацьи нельзя, вы же понимаете. Билетных мы не пускаем. А вот первый класс, которые на врачебно-полицейский осмотр приезжают в собственных экипажах… Таких пускаем. Но пани не из их числа. Это сразу видно.

— Как они познакомились?

— О, то была картина! Я находился в зале и всё… зрел лицом, да. Она вошла без спутника. Варшавянки очень эмансипированы, то так. Но подобное встретишь нечасто. Вечером в рэстаурацью… без мужчины… Можно подумать что угодно! Но глядя на пани, такие мысли сами уходят из головы. Загадка…

— Что загадка?

— Загадка, почему она отдала предпочтение именно пану Сергееву. Вошла, осмотрелась… В этот момент все мужчины в зале глядели на нее. Там сидело несколько очень приличных! Пан Радзиминский, оценщик движимых имуществ; пан Симез из банковской конторы… А дама выбрала штабс-капитана. Ну, сначала она взяла свободный стол, но уже через пять минут заговорила с русским. Первая. И он подсел к ней. Право, я тогда почувствовал обиду!

— Что было дальше?

— Офицер уже готов был скандализировать, а пани одним жестом остановила его. Он успокоился. Пил еще, но был тих.

— Когда они расстались?

— А они не расставались! В одиннадцать, когда рэстаурацья закрылась, пани ушла вместе со штабс-капитаном. Мы потом обсудили между собой. Не каждый день встречаешь такую необычную женщину… И сошлись в том, что тут снова загадка. Странно ведь: она — и уехала с этим! Я понимаю, что среди русских тоже есть порядочные люди. Может быть, это даже вы! Но не штабс-капитан Сергеев.

— На чем они уехали, не припомните?

— Это может знать Войцех, кэлнэр, что их обслуживал. Он провожал пару на крыльцо. И сказал, что их дожидался экипаж.

— Наемный извозчик? Уже стоял наготове? Были ли приметы у кучера или повозки?

— То я не знаю. Надо спросить Войцеха. Он придет через три часа.

— Хорошо. Мой помощник, — Лыков кивнул на Егора, — агент Иванов зайдет к вам нынче вечером и опросит официанта. А к вам лично большая просьба…

— Догадываюсь. Если я снова увижу эту даму, сообщить в сыскную полицию. Так?

— Так, пан…

— Крухляковский.

— Спасибо, пан Крухляковский, за потраченное время. Нам было важно узнать то, что вы рассказали.

— Минуту, пан Лыков. Если сюда опять явится штабс-капитан Сергеев, мне не следует говорить ему о нашей встрече?

— Сергеев больше не появится. Его зарезали сегодня ночью, а труп подбросили на свалку.

Крухляковский побледнел и стал медленно-медленно подниматься.

— Зарезали… капитана?

— Да. Ваша загадочная красавица, возможно, увезла его прямо на ножи. А может быть, и нет. Поэтому нам нужно ее найти. Если что узнаете — сразу на Сенаторскую!

Когда Лыков вошел в общую комнату, все находящиеся в ней сразу встали. Алексей удивился: вроде пока не генерал! Но потом догадался. Сыщики узнали от начальства, что вчера столичный гость заступился в ресторане за поляков. И теперь выказывали командированному русскому свое уважение.

— Вернулся ли Витольд Зенонович? — спросил Алексей у старшего агента Степковского. Тот вытянулся во фрунт.

— Так точно! Он в кабинете у их высокоблагородия.

И тут же побежал распахнуть перед Лыковым дверь.

Войдя в кабинет, коллежский асессор увидел любопытную картину. Гриневецкий с сильной лупой в руках разглядывал какой-то мелкий предмет. Нарбутт навис над ним сбоку и гово рил по-польски, живо жестикулируя.

— Нашли что-то с убитого? — догадался Алексей.

— А то! — радостно ответил Нарбутт. — Вот, мудрое начальство не могу в этом убедить.

— В чем именно?

— Что это брелок с цепочки штабс-капитана.

— Значит, отыскали блатер-каина?

Гриневецкий отложил лупу и укоризненно произнес:

— Алексей Николаевич! Я в отделении запретил употреблять слова из уголовного лексикона. А то совсем разучимся говорить на языке нормальных людей.

— Виноват, не знал. Но что с брелоком?

— На Тамке живет старая воровка Ядвига Папроча-Дужа, — принялся объяснять Витольд Зенонович. — Прозывается она так в честь местечка, где родилась. Возраст сделал ее скупщицей краденого. Хитрая бестия! Но сейчас попалась. Прямо со свалки я пришел к старухе, неожиданно, и обнаружил весь набор: золотые часы с цепочкой и этим вот украшением, золотой мундштук и серебряный портсигар. На брелоке я отчетливо вижу две

буквы: «С» и «М», третья не читается. Эрнест Феликсович пытается ее разобрать.

— Так-так! А имя-отчество покойного уже выяснили?

— Да. В морг заезжал бригадный адъютант, забрать тело. Он сообщил, что Сергеева-третьего звали Матвей Ардалионович.

— То есть обе известных нам буквы совпадают! А сами часы адъютант не опознал?

— Нет. Они ничем не примечательны, таких много. Зато я выяснил, откуда у скромного обер-офицера столько денег.

— Все-таки контрабанда?

— Не угадали. Это подарки вдовы генерала Федорова, бывшего командира бригады.

— Подарки вдовы? Сколько ей лет?

— Сорок восемь. А Сергееву было двадцать семь.

— М-да… — скривился Лыков. — Лучше бы уж была контрабанда…

Поляк и жмуд хмыкнули, потом Гриневецкий вернул брелок титулярному советнику.

— Ты дальше рассказывай, там еще интереснее.

— Папроча-Дужа сразу указала на того, кто принес эти вещи. Некий Эйсымонт Новец. Мелкий и ничем не выделяющийся вор. Но живет возле свалки! Его сейчас ищут и к вечеру, полагаю, доставят. Желаете присутствовать при допросе?

— Разумеется. Только сперва схожу на Медовую, переговорю наконец с судебным следователем, а от него сразу сюда. Прошу без меня допрос не начинать. Или выйдет слишком поздно?

— Эх, Алексей Николаевич, — вздохнул Гриневецкий. — Это вчера в шесть часов мы отправились по домам: был спокойный день. А сегодня… Убит русский, да еще офицер. И так в гарнизоне говорят, что сыскная полиция не ищет преступников, потому что в ней одни поляки! И вот второй труп с начала года. Некоторые вроде вас считают, что и третий… Спокойные дни кончились. Когда бы вы ни возвратились, все будет не поздно…

Алексей пришел к следователю вместе со своим помощником. Представил его и попросил рассказать о деле Емельянова с самого начала.

Черенков извлек тонкую папку казенного зеленого цвета и достал из нее несколько бумаг.

— Вот, собственно, и все дело. Что сыскные в первый день нагребли, тем и богаты. Два месяца прошло — ни улик, ни подозреваемых.

И следователь рассказал, что знал.

Тело ротмистра Емельянова обнаружили утром 13 марта, в католическое Благовещение. Это случилось на Окоповой улице напротив Жидовского кладбища. Труп лежал под забором, накрытый рогожей. Места там разбойные, не хуже московской Хитровки. Бывалый полицейский офицер ни за что не пойдет туда ночью один. Емельянов служил приставом Повонзковского участка три года и знал его наизусть. Он был смелый и твердый, никого в жизни не боялся, а вот уголовные страшились его как огня. Но даже с такой репутацией ротмистр не мог оказаться там, где оказался… С облавой или полицейской засадой — да, а один, по своей воле — ни за что. Ибо это уже не смелость, а глупое безрассудство, какого в характере пристава не наблюдалось.

— Вонифатий Семенович, — прервал рассказ Лыков, — а какого течения убитый придерживался в польском во просе?

— Что именно вы имеете в виду?

— Я в Варшаве всего второй день. Но уже понял, что весь служивый люд здесь делится на три направления. Первые считают, что мы перед поляками кругом виноваты и нужно сильно смягчать политику. Таков, например, обер-полицмейстер Толстой. Вторые до сих пор живут памятью шестьдесят третьего года. Преимущественно это военные. Они требуют только усиления строгостей. Третьи, самые малочисленные, — за взвешенный подход. Радикалов давить, но с умеренной частью общества договариваться. Такой точки зрения, к слову, придерживается Егор Саввич.

При этих словах Черенков впервые внимательно взглянул на лыковского помощника и сказал:

— Похвально. Русской политике в Польше не хватает именно взвешенности. Что же касается вашего вопроса, то ротмистр Емельянов был сторонником силовых мер. И не только в борьбе с уголовными. Обывателям от него тоже часто доставалось.

— И как же он уживался с начальством?

— Плохо, — ответил за следователя Егор. — Обер-полицмейстер не переносил пристава. Дважды в приказе делал выговоры, обходил наградами, но выжить из полиции так и не сумел.

— Не знаешь, почему?

— А это не секрет. Ротмистр раньше служил в лейб-гвардии Уланском полку. Для Гурко это высшая аттестация.

— Понятно. Кавалерия своих в обиду не дает. Но скажи мне честно: чего было больше от такого рвения Емельянова — пользы или вреда? С одной стороны, смелый, уголовные его боятся. С другой — притесняет обывателей. Ведь все мы знаем, что есть жизнь, а есть наши законы. Если их механически исполнять, то существование людей легко сделать невыносимым. И не придерешься: все по букве.

Иванов покосился на судебного следователя и ответил:

— Больше было вреда. Про механическое исполнение вы в самую точку. Ротмистр изводил, буквально озлоблял население излишними придирками. Например, за любую попытку разговаривать в участке на польском языке немедленно и безжалостно составлял протокол.

— Но ведь он обязан был так делать, — мягко возразил Черенков. — По букве закона…

— А душа на что человеку? Многие поляки плохо знают русский, им и невозможно объясниться с полицией. Особенно тем, кто приехал из провинции. Например, студенты, реалисты, гимназисты. После протокола Емельянова их немед ленно отчисляли! И многим он так поломал жизнь.

— А вы способны отличить: человек не может говорить по-русски или не хочет? — продолжил спор следователь.

— Отличить можно, было бы желание. А если даже и не хочет? Ведь согласитесь по совести: человек живет в своей стране и не имеет права говорить на родном языке! Даже уроки польского в польских школах преподают полякам по-русски. Абсурд!

— Алексей Николаевич отнес вас к направлению «взвешенных», а вы говорите как генерал Толстой!

— О нет, — возразил не имеющий чина. — Я сторонник компромиссов и уважения национальных чувств поляков. Вся моя полонофилия заканчивается, когда речь заходит о суверенитете.

— Вот как! — хмыкнул Черенков. — А здесь, молодой человек, давайте поподробнее.

Здесь начинается самое интересное.

Было видно, что спор ему нравится и сам он во многом разделяет мнение оппонента. Вот только следователю по важнейшим делам труднее в этом признаваться.

— Алексей Николаевич, — обратился к начальству Иванов. — Уж извините, но я выскажусь до конца. А там хоть казните.

— Ни я, ни Вонифатий Семенович вихрастую голову тебе не отрежем, ты это уже понял. Но разговор действительно серьезный. Валяй!

— Ух! — зажмурился ассистент, словно готовясь скакнуть в ледяную прорубь. — Ладно, где наша не пропадала. Я считаю… — Он запнулся, потом договорил: — Я считаю, что Польшу надо отпустить.

Сказал и посмотрел на окружающих. Те молчали, ждали продолжения.

— Ну не свойственно русскому характеру навязывать общежитие силой! Не наживешь добра от принуждения! Чем решительнее мы покоряем этот достойный народ, тем сильнее будет отскок. Поляки все равно вырвутся. Но они озлобятся и станут мстить. А ведь мы соседи! Что значит иметь злобного соседа? Распри без конца!

— Что же делать? — спросил следователь.

— Провести полюбовный раздел имущества. Причем первыми предложить это! Тем самым мы выбьем оружие из рук радикалов. И для начала следует вернуть польскую автономию, как при Александре Первом: сейм, своя конституция, свое войско…

— Войско? — воскликнул Черенков. — И самим дать ему оружие? Но ведь так уже было. Поляки повернули это оружие против нас! И автономия была, и сейм, а кончилось восстанием.

— Восстание все равно неизбежно, — негромко сказал Егор, и следователь сразу сник. — Вы же это знаете. Силой не удержим. Лучше отдать в упреждение. Вопрос только, что отдать? Когда соглашения ищут обе стороны, возможен торг. Тогда мы, многим поступаясь, многое и отстоим. Если же поляки, не дождавшись, примутся делить сами… Тогда мы потеряем больше.

Лыков слушал и поражался, как рассуждения этого молодого еще человека совпадают с мыслями многомудрого Благово.

— Одним полякам нас не одолеть, а Европе сейчас не до них, — возразил Вонифатий Семенович.

— Сейчас да, — согласился не имеющий чина. — А когда начнется война?

— Какая война? С кем? — взвился следователь.

— С немцами, — лаконично пояснил Лыков.

— С германцами?

— Нет. С немцами. Включая в них и австрияков.

— С чего это вы взяли, Алексей Николаевич?

— У меня много друзей среди военных. Главным образом среди разведчиков.

Черенков насупился, долго молчал, потом спросил:

— Все настолько серьезно?

— Да. И совершенно неизбежно, — вздохнул Лыков. — Не завтра, правда, но на нашем с вами веку. И тогда вопрос, на чьей стороне выступят девять миллионов поляков, станет одним из главных. Не знаю, решит ли он исход войны, но по ее итогам Европа обязательно примет сторону панов. Чтобы были сени между ними и Россией. Чтобы мы с нашими грязными ногами не могли шагнуть сразу в их чистый дом.

— Но, отпустив Польшу накануне войны, мы ослабим империю!

— Наоборот, усилим, — возразил Алексей.

— Отдав землю и население?

— Конечно. Польша — как чужеродный предмет, проглоченный нами. От него лишь беды да болезни. А у России полно собственных, внутренних проблем. Крестьяне не получили земли. Они не успокоятся, пока не отнимут ее у помещиков. Общество не получило представительных органов власти. Одного царя уже убили… Нынешний всех подтянул — и что дальше? Сколько можно подтягивать? Когда-нибудь рванет. И только поляков нам в эту минуту будет не хватать!

— Согласен, — вздохнул следователь и снова обратился к Иванову: — Значит, отпустить?

— Отпустить. А пока идет торг, пока еще можно ставить условия, надо согласовать общую границу. Тут сломается много копий!

Черенков молча кивнул.

— Кресы — вот где мы не сойдемся.

— Кресы? — не понял Лыков.

— Окраины. Так здесь называют земли Речи Посполитой, что не вошли в Царство Польское. Ну, я вам говорил — забраный край… Поляки считают их своими. Правобережную Украи ну, Киев, Смоленск и чуть ли не Бессарабию — тоже.

— Наглость какая… — пробормотал Лыков.

— Когда начнется раздел этих спорных земель, паны проявят худшие свои качества. А именно высокомерие, легкомысленную жадность и тупую неуступчивость.

— Постой-постой! — возразил сыщик. — Ты только что сказал, что это достойный народ!

— Ну и что? Тут нет противоречия. Поляки, как и любая другая нация, достойны независимости. Но в них много обид на нас накопилось. И национальный характер у панов, сказать по правде, скверный… Раздел будет как болезнь. Эти старые счеты, плюсом польское к нам высокомерие… Они же нас за людей не считают! Ох, нахлебаемся…

— А если торговаться с позиции силы? — спросил Алексей.

— Лучше с позиции ума. И срочно. Поляки долго ждать не станут. Сначала так хлопнут дверью, что по всей России вылетят стекла. А потом примутся выносить вещи на улицу, со словами, что это ихнее. Так вот. Ко времени спора у правительства должна быть четкая позиция. Продуманная. Исторически обоснованная. Беда, если это будет позиция генерал-майора Толстого. Мы тогда отдадим все, что ни попросят поляки, да еще и навалим сверху. А там такие аппетиты! Если победят военные — тоже плохо. Те ничего сначала не отдадут, зато потом Россия умоется кровью. И потеряет на итог много больше. А вот людей третьего, думающего направ ления я вообще не вижу. Увы…

Черенков встал, перегнулся через стол и с чувством пожал Иванову руку:

— Егор Саввич! Несмотря на молодость, у вас обширный ум. Переходите в министерство юстиции! При нынешнем состоянии в полиции вам ходу не дадут. Господин Лыков в Варшаве временно. Он уедет. У меня вакансия чиновника для письма, четырнадцатый класс. Начнем работать вместе!

— Благодарю, Вонифатий Семенович. И, если позволите, оставлю про запас. Хочется сыщиком сделаться, а не писарем.

— Надеетесь у Алексея Николаевича подучиться? Понимаю. Человек из столицы, камер-

юнкер, и вся грудь в орденах. Тертый и при этом, кажется, приличный… Хорошо. Попробуйте, а мое предложение остается в силе.

— Спасибо, Вонифатий Семенович!

— Вернемся к убийству Емельянова, — спохватился Лыков. — Пора в сыскное бежать, полицейской прозой заниматься, а мы в такие рассуждения ударились. Как будто нас кто-то спросит… Предположения о политическом характере преступления рассматривались?

— Да, — кивнул Черенков. — Всегда, если жертва — русский офицер или чиновник, такая версия изучается. Из жандармского округа приходил их адъютант, некто Маркграфский. Бегло прочитал эти две бумажки и радостно сообщил, что политики здесь не усматривает. Понять его можно: зачем жандармам такой мертвяк? Теперь все зависит от сыскных, точнее, от их внутренней агентуры. Я из своего кабинета ничего не смогу. И вы тоже — как приезжий. Жмите на Гриневецкого с Нарбуттом, все нити у них!

— А кстати, вещи были при ротмистре? Часы, бумажник…

— Пустое портмоне лежало рядом с телом. Кто-то его обчис тил. Может, убийца, а может, и нет.

— Как сегодня ночью труп Сергеева-третьего! Добрый чело век решил, что мертвому деньги ни к чему…

— Расскажите мне о новом покойнике! Я был на месте происшествия, видел тело. Дикая жестокость… Похоже на случай с Емельяновым? Что вам удалось разузнать?

Лыков рассказал все, что знал. Начав с того, как познакомился с убитым в ресторане… Вонифатия Семеновича заклинило на том месте, когда сыщик вынес за порог трех взрослых мужчин. Он стал допытываться, как офицеры вырывались и почему не вырвались. Алексей описал всю сцену максимально подробно, но следователь так и не понял. Таскать его за ремень Лыкову не хотелось. Наконец дошли до первых розыскных действий. С одной стороны, красивая брюнетка, что увела штабс-капитана из ресторации и, возможно, прямо на смерть. С другой — воришка, продавший вещи с трупа. Это были зацепки, дававшие надежду.

На этом коллежские асессоры расстались. Пожимая руку Егору, Черенков сказал:

— Помните о моем предложении!

Когда Лыков вернулся на Сенаторскую, туда уже доставили Эйсымонта Новца. Вор оказался щуплым мужчиной средних лет. Усики и пробор с претензией, взгляд одновременно и испуганный, и самодовольный. Из-под ношеного сюртука виднелась золотистая щегольская жилетка. Новец сидел в общей комнате и ковырял пол носком ботинка.

Увидев Алексея, Гриневецкий хотел тут же призвать задержанного. Лыков остановил его:

— Я не успел доложить о своих действиях. Мы с Ивановым сумели проследить путь жертвы до одиннадцати ночи…

Он подробно рассказал о визите в Белозерский полк и о беседе с содержателем ресторана «У Ванды». Гриневецкий с Нарбуттом слушали внимательно и задавали вопросы.

— Неплохо, — констатировал надворный советник. — Хотя красивых брюнеток в Варшаве больше, чем пехотных солдат, тем не менее…

— Я надеюсь на извозчика, что поджидал парочку на выходе. Известно, как наблюдательны иногда бывают швейцары и официанты. Егор Саввич опрашивает свидетелей. Вернется — доложит. Кстати, господа, а почему он до сих пор не имеет чина? Вроде бы сообразительный…

— Места нет, — так же коротко, как раньше Нарбутт, ответил Гриневецкий.

— А когда появится?

— Через три года уйдет на пенсию канцелярский чиновник Мыслик. Появится вакансия коллежского регистратора. Тогда и посмотрим…

Это было сказано таким тоном, что стало ясно: сидеть Иванову без чина еще долго-долго.

— Привести Новца! — скомандовал секретарю Нарбутт.

Вошел воришка и принялся что-то говорить сыщикам по-польски. Витольд Зенонович тут же перебил его:

— А ну давай по-русски! Гляди, по твою грошовую душу приехал пан из самого Петербурга!

Уголовный уставился на Лыкова:

— То я не стою такого внимания…

— Расскажи нам об этом, — Нарбутт выложил на стол часы с цепочкой и брелоком.

— Не розумем, панове полицьянты!

— Брось дурить, лгун. Старуха тебя выдала. Желаешь стать соучастником убийства русского офицера?

Новец побледнел и стал истово креститься на распятие:

— Клянуся Езусом и Девой Марией, он был уже мертвый!

— Судя по ране, офицер умирал долго. Ты должен был застать его еще живым. И не ври мне!

Нарбутт преобразился. Ровное спокойствие исчезло, он сделался резким, глаза буквально сверлили подозреваемого.

— Я простоял пув годжины,[26] не меньше… — тихо признался вор.

— Значит, ты хладнокровно дал человеку умереть. Добрый католик, нечего сказать!

— Но он же ру… — Тут Новец поглядел на Алексея и проглотил несколько слов. — А в каком он был виде! Потроха по земле валялись! Офицера было уже не спасти.

— Пусть так. Ты стоял и ждал. Чего?

— Известно чего. Когда можно будет осмотреть его карманы. Понимаю, это не по-христиански… но у меня большие долги… и давно нет подходящей работы…

Титулярный советник фыркнул:

— Эйсымонт! Ты разве когда-нибудь работал?

Новец смутился и ничего не ответил.

— Давай рассказывай дальше. Офицер должен был кричать на всю округу. Кто еще подходил?

— Да все подходили… которые при свалке. Но я их прогонял. Я же первый нашел! А многие сами убегали, когда видели, кто лежит. Неохота селиться в десятый павильон Цитадели![27]

— А ты, значит, не испугался?

— Тоже было страшно, пан Нарбутт. Все же русский офицер… Но еще больше хотелось кушать.

— Понятно. Ты дождался, пока раненый умрет, и ограбил его. Забрал часы, бумажник, мундштук и портсигар. Так?

— Еще звоты першьчень и спинки, — простодушно добавил вор.

— Золотые перстень и запонки, — пояснил Алексею Гриневецкий.

— Где они? — продолжил допрос титулярный советник.

— Проиграл в карты Мареку Кшивы.

— И ты ничего не знаешь об убийцах, не видел их и не слышал?

— Точно так, пан Нарбутт. Клянусь Маткой Ченстоховской!

Новец ел глазами начальство. Он облизывал губы незаметно для себя и всем видом выказывал готовность расшибиться в лепешку. Было ясно, что вор лжет.

Нарбутт помолчал минуту, потом резко спросил:

— Скажи, Эйсымонт, я хороший сыщик?

— О! Выдающийся, пан Витольд! Об этом нечего спорить.

— Я кого-нибудь осудил зря? Злоупотребил властью? Обидел невиновного?

— Пан Витольд — справедливый человек, это скажут все варшавские воры.

— Тогда почему ты мне врешь?

Новец смутился.

— Мы видим, что ты пытаешься нас обмануть. Тут дураков нет, Эйсымонт. Придется рассказать.

Уголовный молчал. Нарбутт обратился к Лыкову:

— Что будем с ним делать? Не хочет сознаваться.

Тот грозно насупился:

— В десятый павильон! Там из него все выбьют!

— Не надо в десятый павильон! — заверещал вор. — Я скажу!

— Ну так говори скорее!

— Я вправду не видел, кто привез офицера на свалку! Я… я слышал голос.

— Чей голос?

— Того, кто подъехал. Там не было поляков. Говорили по-русски.

— Так чей был голос? Ты его узнал?

— Да. Это очень опасный человек, пан Нарбутт! Его зовут Гришка Худой Рот.

Нарбутт с Гриневецким недоуменно переглянулись.

— Какой еще Худой Рот?

— Это страшный бандит, панове! Русский, беглый.

Витольд Зенонович стукнул кулаком по столу.

— В моей Варшаве есть беглый русский, а я об том не знаю?! Эрнест, как такое случилось? Почему агентура не донесла?

Гриневецкий стал оправдываться перед своим помощником:

— Так ведь большой город, не уследить за всеми!

— В Варшаве не уследить за русскими бандитами? Пан надворный советник! Мы же не в Москве!

— Сейчас дадим установку, быстро выясним…

— Худой Рот. Что за дурацкое прозвище? — не успокаивался Нарбутт. — Как рот может быть худым? У преступника, видно, тонкие губы?

— У русских «худой» означает еще и «плохой», — вставил Эрнест Феликсович. — Возможно, не губы тонкие, а зубы гнилые?

— Есть и третье значение слова «худой», — пояснил Лыков. — Дырявый.

— Дырявый рот? — удивились поляк и жмуд.

— Да. Гришка Худой Рот — известная личность. В Петербурге числится в самых опасных негодяях. Убийца-гайменник, ни разу не был арестован, известен лишь по агентурным донесениям. Так что он не беглый, а находящийся в розыске. Кличку получил за привычку обливаться, когда пьет, — у парня щерба между зубами.

— А как он оказался в Варшаве?

— Никогда ничего его с вашим городом не связывало. Я помню дело. Мы ловили Гришку в прошлом году, когда он задушил вдову статского советника на Выборгской стороне. Гришка Худой Рот спрятался на болотах за Горячим полем. А потом исчез. Вот, значит, куда он делся!

— Эйсымонт! — рявкнул Витольд Зенонович. — Говори все, что знаешь про этого негодяя!

— Э… посреди зимы они появились. Примерно сразу после Рождества.

— Они? Гришка не один приехал?

— Нет, пан Витольд, их четверо. Все убийцы. То-то я и молчал… боязно как-то.

— Где прячутся?

— У Шчуплы Петера.

— Вот как! — оживился Гриневецкий. — Притон Тощего Петера возле Повонзковской заставы. На участке ротмистра Емельянова, между прочим! А нет ли тут связи?

— Для чего русские объявились в Варшаве и с какой целью наши их терпят до сих пор? — продолжил допрос Нарбутт. — Почему нам не выдали? Русским в Варшаве прописки нет!

— Говорят… не знаю, правда ли… что сам Велки Эугениуш им покровительствует, — шепотом сказал Новец.

— Большой Евгений — это тот, кого в России называют «иван», — пояснил Лыкову Гриневецкий. — Он заправляет на всем левом берегу Вислы.

— У Емельянова были с ним конфликты?

— А как же! Пристав был крут на расправу, всех мазуриков в страхе держал. Но преступность в его участке не снижалась. За это он получал выговоры от обер-полицмейстера и все грозился отправить Стробу — это фамилия Эугениуша — в тюрьму. Когда ротмистра убили, мы рассматривали эту версию. Но она не подтвердилась.

— Алиби?

— Да. Строба в это время находился в Цехоцинском водолечебном заведении. Лечил ворэчек жувчевы… как это по-русски?

— Желчный пузырь, — подсказал Нарбутт.

— Да. И вообще… Убить полицейского офицера… Это не в традициях варшавских уголовных. Преступление из ряду вон. Оно никому не на пользу, и Велки Эугениушу в первую очередь. Мы такие облавы делали, что пух летел! Двадцать человек, что числились в розыске, изловили! Нет, здесь работали не наши.

Лыков подумал-подумал и возразил:

— Концы с концами не сходятся. Если пристава зарезал Гришка и за этим последовали такие жестокие облавы… Столько неудобств варшавским фартовым. Почему они не выдали гайменника полиции?

Витольд Зенонович сказал, рассуждая вслух:

— Ну, если Новец прав и Худой Рот находится под покровительством Эугениуша, то это он запретил.

— Допустим. Но второе убийство… Как вы полагаете, господа, мог Гришка убить штабс-капитана Сергеева и кинуть труп на свалке, не обобрав его? Так и оставить, с золотыми часами, серебряным портсигаром…

— Нет, конечно, — хором ответили сыщики.

— Так ведь их же спугнули! — радостно воскликнул воришка. — Этот околоточный надзиратель Семенюк… то диабла варто![28] Дважды за ночь он обходит всю свалку.

— Для чего? — удивился Нарбутт.

— Ищет, скурвы сын, с кого забрать пенендзэ… деньги. За готувку… как это?

— За наличные, — перевел Эрнест Феликсович.

— Да, за них! Отца родного продаст, а убийцу с кровью на руках отпустит. Дурной человек! Жадный. Но приезжие русские этого не знали. Увидали фараона, сбросили тело и уехали. Он бежал за ними до самой Доброй, но не догнал.

— Вот быдло! — выругался Нарбутт. — Мне он ничего не сказал об экипаже, за которым гонялся ночью. Божился, что все было тихо.

— Но как околоточный не услышал стонов штабс-капитана, которые разбудили всю свалку? — спросил Лыков у Эйсымонта.

— А! Мне повезло! — ухмыльнулся тот. — Еще бы чуть-чуть — и не видать мне часов с портсигаром. Все досталось бы Семенюку. Но когда раненого сбросили, он… как это? — потерял чувства.

— Лишился чувств? — уточнил Нарбутт.

— Я так и сказал! — обиделся вор. — Так вот. Семенюк его не заметил и убежал за пролеткой. А я присел рядом и стал ждать. Очень боялся, что околоточный вернется и… Наших-то я всех отогнал. Пришлось, правда, угощать их потом жубровкой, но все равно я остался в выгоде. Ой! Уже не остался… Так вот. Русский офицер успел сдо… умереть. Я его почистил и побежал к старухе Папроче-Дуже. И только потом явился околоточный. И опять, ощев,[29] прошел мимо! Повезло.

— Теперь ясно, почему они его не добили, — сказал Лыков. — Я все не мог понять: как так? Бросили тело и уехали. А если бы мы штабс-капитана нашли еще живого? Он бы успел назвать своих палачей!

— Правильно! — поддержал Алексея Гриневецкий. — И я недоумевал. Сергеев потерял сознание, и его приняли за умершего. Отвезли на свалку. А когда сбросили, он от удара пришел в себя и стал стонать.

— Давай вернемся к Гришке, — сказал Нарбутт. — Почему ты решил, что в пролетке был он? Ночь, темнота, подъехал экипаж… И тут же умчался от этого Семенюка. Фонарей они не зажигали. Так?

— Гришку я узнал сразу, потому как он курил. А еще голос. Грубый — ни с кем не спутаешь.

— Эйсымонт, ты мелкий вор и не ври мне, что близко знаком с «Иванами». Откуда ты знаешь русского громилу?

— Обижаете, шановны пан Нарбутт! — состроил рожу Новец. — Вы забыли, кто есть мой стрыйек!

— Стрыйек — дядя со стороны отца, — пояснил Алексею Гриневецкий. — А ведь и правда! Наш мелкий воришка Эйсы монт приходится братанэком — то есть племянником со

стороны брата — самому Яну Новцу. Фигура! В молодые годы знаменитый был взломщик банков! Кличка у него — Ян Касъер. Потому как свой первый банк он ограбил, нанявшись туда кассиром! Ха-ха… Сейчас старик на покое, содержит несколько притонов и этим живет.

— Так! — обрадовался вор. — В одной из своих квартир стрыйек Ян имеет игорный дом. По вторникам и четвергам. Я там прислуживаю: подаю напитки, меняю свечи. Меньше двух рублей домой никогда не приношу! Спасибо стрыйеку — он помнит родню. На квартире я и познакомился с Гришкой. Но он жадный, дает только мелочь. А сам всегда при деньгах!

— Ну вот все и сошлось, — буднично сказал надворный советник. — Свидетель у нас есть. Надо брать Гришку! Сегодня как раз вторник. Может, и к убийству Емельянова ниточка протянется!

Ясно было, что сыщики получили серьезный козырь. Правда, у Лыкова осталось на душе какое-то неопределенное чувство. Легкость, с которой Нарбутт обнаружил все концы, восхищала. Знает человек свое дело! Но та же легкость и настораживала. Черт ведает, как это принято у поляков? Без нажима, при помощи пары угроз… Но думать над этим было некогда.

Началась лихорадочная подготовка к облаве. Новец нарисовал расположение комнат в притоне. Тут вдруг выяснилось, что попасть туда очень непросто. Дверь обшита полосой и заперта изнутри на засов. Рядом на табурете сидит вооруженный охранник. Чужого он в квартиру не пустит. Налет бесполезен: пока взломают дверь, посетители «мельницы»[30] через подвал успеют скрыться. Притон расположен на Бураковской улице и соединен через систему подвалов-овощехранилищ с Заокопной и Песковой. Куда именно выводит этот путь, Эйсымонт не знал.

— Оцепим всю местность вокруг, — предложил Лыков, но сыщики лишь покачали головами.

— Ночью не поймаем, — объяснил Гриневецкий. — Там с одной стороны католическое кладбище, а с другой — летние бараки 4-й пехотной дивизии. Сама дивизия ушла на маневры, а в лагере стройка. Дъябел ногу поломает! В темноте упустим.

— Надо, чтобы открыли изнутри, — вдруг сказал Витольд Зенонович, и все дружно посмотрели на Новца. Тот сразу побледнел как смерть.

— Не губите, панове! Меня ж за такое зарежут!

— А не хочешь в тюрьму, за неоказание помощи раненому офицеру? — пригрозил ему Алексей. — Плюсом кража у мертвого. Тьфу! Мародер!

Но Эйсымонт боялся мести уголовных больше тюрьмы. Он отказался помогать сыщикам наотрез.

Вдруг от двери раздался голос:

— Я могу пойти в притон вместо него.

Оказалось, не имеющий чина Иванов незаметно для всех вернулся и слушал разговор.

— Как ты это сделаешь, Егор Саввич? — возразил Лыков. — Кто тебя туда впустит?

— Новец напишет дяде записку. Мол, захворал и прислал вместо себя другого. Напишешь, Эйсымонт?

— Записку? Значит, во время облавы меня там не будет?

— Нет. Ты же заболел!

— А вы будете прислуживать заместо меня?

— Да.

— Дайте подумать, — важно произнес вор.

— Чего думать? — вскочил Лыков и взял уголовного за хлипкие плечи. — Знаешь, что в русской армии делают с мародерами?

— Подождите, Алексей Николаевич, — остановил его Нарбутт. — Лучше я попробую.

— Да, тут вам не Россия! — дерзко заявил Новец. — Здесь никого не бьют. Ну, панове, что вы имеете предложить мне за содействие?

Лыков не верил своим ушам. Дома он размазал бы этого негодяя по стенке, при полном попустительстве начальства. А тут с ним торгуются! Ну и дела…

— Ты взял с убитого штабс-капитана хорошую добычу, — почти по-дружески обратился к вору Витольд Зенонович.

— То так, — довольно осклабился тот.

— Часы с золотой цепочкой и брелоком, серебряный портсигар, — сыщик стал загибать пальцы, — бумажник, золотые мундштук и запонки…

— Спинки я проиграл Мареку Кшивы… — вздохнул Эйсымонт.

— А золотой крест с цепочкой куда дел?

— Был и кжиж, и ланьчушэк…[31] — чуть не промурлыкал вор.

— Вот видишь! Я не все конфисковал у старухи. Ты можешь еще остаться с профитом. Если поможешь нам, я не впишу в протокол крест и цепочку. Только то, что ты отнес Папроче-Дуже.

— Но вы же не знаете, куда я их спрятал!

— Эйсымонт! Ты дурак. Такие, как ты, всегда прячут в отхожем месте. Могут еще в поленницу положить, но это уже редко.

Из вора как будто выпустили воздух.

— Но пан Витольд! В первый раз такая удача! Не губите счастья! Его так мало было в моей жизни!

— Пиши записку стрыйеку — и я забуду про твои тайники. И не зли меня больше!

Эйсымонт, ни секунды не колеблясь, сочинил письмо и вручил его Нарбутту.

— Вот. А теперь пусть меня отведут в общую камеру и позовут доктора.

— Это еще зачем?

— Я буду там громко кашлять. Пусть люди видят, что я действительно болен. И что пострадал от полиции. Я умею кашлять очень похоже!

Вора увели, а на первое место вышел неожиданный доброволец. И сразу стало заметно, что он сильно волнуется.

— Может, не стоит? — спросил Лыков. — Поставим засаду возле дома, переловим их на входе.

— Там засада невозможна, — ответил Егор. — Места бандитские, пустынные. Тут же сообщат.

— Но как ты войдешь на «мельницу»? По тебе сразу видно, что не поляк.

— Тем лучше, — заступился за Егора Гриневецкий. — Все уголовные знают, что в сыскной полиции служат одни поляки. Или кресы, как я. В силу возраста ваш помощник не участвовал в операциях, работал больше с бумагами. Лицо его не примелькалось. Пусть попробует.

Десять агентов расселись по столам и драили свои револьверы. Люди старались выглядеть невозмутимыми, но беспокойство витало в воздухе. Кто знает, как пойдет

задержание? В Польше, в отличие от России, фартовые считали малодушным сдаваться полиции без боя. Лыков однажды уже испытал это на себе. В восьмидесятом году в Нижнем Новгороде поляки прострелили ему плечо. А сейчас? Между панами будут русские, у которых руки по локоть в крови. Вон как распороли живот несчастному штабсу…

Кроме того, нужно, чтобы бандиты не успели сбежать в темные подвалы. Придется действовать быстро. Значит, он, Лыков, должен идти в голове колонны. Ну, к этому ему не привыкать… Как там Егор? Парень малоопытный — и сразу в такое пекло. Получается, помимо задержания Гришки есть еще задача уберечь своего помощника.

Неожиданно в комнате появился обер-полицмейстер Толстой. С шашкой и зачем-то кобурой на ремне он ходил между столами и заговаривал с агентами. Те вставали, вытягивались, что-то отвечали генералу. Он хлопал их по плечу и шел дальше. Позади Толстого семенил Гриневецкий. Рядом со щуплым начальником его мощная фигура сделалась меньше, незаметнее.

— Для чего он здесь? — спросил Алексей у Нарбутта.

— Переживает. А когда узнал, что предполагаемые убийцы — русские, объявил, что сам будет руководить задержанием.

— Еще не хватало! — рассердился Лыков. — Генерал будет нами командовать? Он хоть знает, как дело делается?

Витольд Зенонович молча пожал плечами. Толстой подошел, и стало видно, что он тоже неспокоен.

— Ваш человек внутри?

— Так точно, ваше превосходительство! — ответил Нарбутт.

— Когда штурм?

— Через два часа. Длительное наблюдение там, по обстоятельствам местности, невозможно. Отряд поэтому выдвигается на трех пролетках и сразу кидается к двери. Агент наблюдает в окно. Завидев нас, он разбивает стекло, чтобы привлечь охранника в зал. Будто бы между игроками драка. Караульный спешит на шум, агент отодвигает засов.

— Кто непосредственно руководит штурмом?

— Я, ваше превосходительство, — сделал шаг вперед Лыков.

Толстой посмотрел ему в глаза, словно хотел сказать что-то важное, но так и не решился. Однако коллежский асессор его понял. Хорошо, что первым на русские пули идет русский — вот что подумал генерал. Что ж, может, он и прав… Чертовы варшавские условности! Даже сейчас, накануне опасного дела, между людьми одного ведомства проходит незримая черта.

Полтора часа прошли в томительном ожидании. Наконец полицейские спустились во двор, расселись по экипажам и через задние ворота шмыгнули в тихую Даниловечскую. Уже стемнело. Четыре пролетки с поднятыми верхами быстро вывернули в Налевки и вклинились в поток. В последней ехали обер-полицмейстер и начальник сыскного отделения. Чтобы не маячить красными отворотами генеральской шинели, Толстой закутался в охотничий пыльник.

Варшава направлялась спать. Поток экипажей, приближаясь к окраинам, дробился на мелкие ручейки и слабел. Не доезжая Толкучего рынка, колонна свернула на Дикую и подкралась к Повонзковской заставе. Открылась длинная и унылая Бураковская улица. Она была застроена домами невзыскательной архитектуры, многие из которых больше походили на трущобы. На улице не горел ни один фонарь. Нужный им дом был последним по левой

стороне. Вовсю светила луна, придавая действию какой-то мистический оттенок. Лица агентов были напряжены, да и Алексей волновался. Все, началось! Лошади перешли на стремительный бег. Вот и притон Яна Касъера. Заранее подосланный филер, верзила Тарковский, распахнул ворота. Пролетки ворвались в тесный двор. Тут же во втором этаже раздался звон разбиваемого стекла, а следом — приглушенные крики. Лыков соскочил, снес широкоплечего хлопца, пытавшегося не пустить его в подъезд, и ринулся по лестнице наверх. Счет шел на секунды. Если Егор не сумел отодвинуть засов, его там сейчас убивают…

Рывок — и железная дверь распахнулась. По инструкции, Иванов должен ожидать полицейских на входе и тотчас же ретироваться на площадку. Однако в прихожей было пусто. На полу лежал опрокинутый табурет, а из комнат доносился топот ног. Удирают!

Алексей влетел в первую комнату. Бородач с кастетом на волосатом кулаке кинулся было ему навстречу. Коллежский асессор пальнул в потолок и гаркнул страшным голосом:

— Застрелю, сволочь!!

Бандит сразу бросился на пол и закрыл голову руками.

Кто-то выстрелил из темного коридора. Над макушкой Алексея словно дунул короткий ветерок… Отвечать было нельзя — где-то там находился его помощник. И Лыков, убрав «Веблей» за спину, попер прямо на дуло. У стрелка не выдержали нервы, он повернулся и побежал. Сыщик одним прыжком догнал его, уложил ударом в ухо и ринулся дальше.

— Егор! Егор! — кричал он, разбрасывая по сторонам всех, кто попадался на пути. В длинном коридоре-анфиладе сбилась целая толпа разного сброда. Тут были ребята в дешевых галстуках и бородатые дядьки в русских поддевках. Они разлетались по углам, будто их сносил бешеный бык. Паника, крики, шум борьбы… Агенты шли следом, как македонская фаланга, и вязали пленных. Стрельбы больше не было, но в одном месте тускло блеснул клинок. Лыков влетел в смельчака ногой, со всей силы. Тот повалился на стол и сбил лампу. Ковер загорелся, но пламя тут же затоптали.

Анфилада из пяти или шести комнат никак не кончалась. Всюду стояли столы — либо с картами и банкнотами, либо с бутылками и закуской. Среди натужного дыхания и криков слышались истерично визжавшие женские голоса. С грохотом летела на пол мебель. Вдруг опять шмальнуло из глубины, и один из агентов возле Лыкова, пошатнувшись, присел у стены. Коллежский асессор пошел на выстрел.

Открылась последняя комната, самая большая. Из нее на Лыкова кинулись двое, по виду русские. Сыщик хватил их головами друг о друга и бросил по сторонам. И тут от дальней двери раздался требовательный окрик:

— А ну замри, где стоишь!

Сразу сделалось тихо. Сыскные набегали сзади, утыкались в Лыкова и тихонько проталкивали его вперед. В углу застыл мужик с отталкивающей физиономией уголовного и скалился, показывая щель между зубами. Одной рукой он держал лыковского помощника за волосы, а второй упирал ему под ухо большой нож.

— Ни шагу боле, фараоны! Зарежу вашего щенка!

Сыщик достал «Веблей» и навел его на бандита.

— Дыру в башке захотел? А ну отпусти! Иначе спишу в расход.

Но Гришка Худой Рот не испугался, а только плотнее прижался к Егору.

— Валяй, стрельни! — крикнул он, высовываясь из-за не имеющего чина. — Мальчонка твой и не жил почти. Мне-то он не нужон, а тебе? Грех-от твой будет!

Алексей смерил взглядом расстояние. Две сажени. В броске не доберешься — успеет

чиркнуть по сонной артерии. Надо стрелять…

— Чего ты хочешь?

— Че хочу? Чарку мяса да фунт вина, гы-гы!

Фартовый сохранял присутствие духа и держал Егора крепко. Глаза дерзкие, лихие и притом внимательные. Вот Гришка сделал шаг назад, волоча за собой не имеющего чина. До двери в подвал ему осталось всего ничего. В этот момент во взгляде бандита что-то поменялось. Лыков нутром почувствовал, что тот решил кончить Егора. Ударит, толкнет на сыскных. А пока те кинутся спасать мальчишку, убежит в подвал. Как быть?

— Слышь, баран! Вели своим отступить. И сам сдай. Выметайтесь все на хрен в другую комнату! Тогда малец еще, может, и поживет…

Лыков обернулся. Пять или шесть сыскных агентов с револьверами столпились позади него, готовые броситься вперед. Не дай бог кто-нибудь из них сейчас выстрелит! Из-за спин людей высовывался обер-полицмейстер и делал Алексею какие-то знаки. Вот еще командир нашелся! Надо было срочно что-то предпринять, пока Егора не убили.

— Всем опустить оружие и сделать пять шагов назад! — приказал подчиненным Лыков. Агенты, секунду помешкав, начали было отодвигаться, но уперлись в генерала. Тот не сходил с места, только еще сильнее замахал руками.

— Марш назад, я сказал!!!

Лыков рявкнул так, что задрожали стекла. Едва не сбив Толстого с ног, сыскные ретировались в соседнее помещение.

— Ну, видишь, ушли. Что… — начал поворачиваться к Гришке Алексей. И выстрелил, не договорив. На месте левого глаза бандита образовалась дыра, и он улетел к двери.

В тишине Егор на нетвердых ногах сделал несколько шагов и сел на подоконник.

— Уф…

Вбежал разъяренный обер-полицмейстер и закричал:

— Как смели вы, Лыков, не выполнить моего указания? И рискнуть жизнью подчиненного!

— И вовсе я не рисковал, — ответил коллежский асессор. — Где вы увидали риск?

— Как где? Вы же его чуть не застрелили! Надо было, как я показывал, броситься всем вдруг и повалить негодяя! Ничего не могут без руководства!

Лыков осмотрелся. Нарбутт, Гриневецкий и несколько сыскных стояли вокруг и слушали их с генералом спор. Остальные в других комнатах вязали арестованных.

— Свечку на столе видите?

— Какую свечку? — завертел головой обер-полицмейстер. — Вон ту? Вижу. И что с того?

Лыков выбросил руку и выстрелил не целясь. Свеча потухла.

— Вот так! До нее три с половиной сажени, и я погасил пламя навскидку. Гришка стоял у меня на прицеле в двух саженях. Риску для Егора Саввича не было никакого.

Толстой с ошарашенным видом переводил взгляд с дымящейся свечи на дымящийся лыковский револьвер.

— Если кто тут и поставил жизнь агента под угрозу, то это вы, — сказал сыщик неприязненно, глядя генералу в переносицу.

— Я?

— Вы. Своим неуместным вмешательством в операцию. Военный человек, а не знаете, что в бою у солдат должен быть только один командир!

— Но…

— Я провел за свою службу семьдесят шесть задержаний, часто со стрельбой и поножовщиной. А вы сколько провели?

Обер-полицмейстер смешался.

— Начальник операции стоит ближе всех к преступнику. Под угрозой жизнь полицейского. Данной ему властью, опираясь на свой опыт, старший в отряде принимает решение. Оно должно быть быстрым и безошибочным, иначе человек погибнет. Какой, черт побери, совет вы вздумали подавать мне из другой комнаты? А? Не видя обстановки, не понимая дела! Вы, не проведший за свою жизнь ни одного задержания. Ну? Какой совет? Кинуться всем сразу в ноги бандиту? Сейчас бы уже выносили труп Иванова на улицу!

Лыков кричал на генерала, а тот стоял, руки по швам, и слушал. Все напряжение схватки, когда от его решения зависела жизнь молодого парня, выходило из сыщика и выливалось в крайнее раздражение.

— Ведь еще секунда метания агентов туда-сюда — и он зарезал бы Егора!

Все молчали. Красный от выговора, Толстой избегал смотреть на подчиненных. Наконец Лыков отвернулся от него и зычно крикнул в анфиладу:

— Выводить арестованных во двор! В наручниках!

— Есть! — раздались в ответ веселые голоса.

— Пан Фальский, какая рана?

— Пустяк, ваше высокоблагородие, в мякоть!

— Другие пострадавшие есть?

— Никак нет!

— Слава Богу!

Алексей снял фуражку и перекрестился, следом это сделали все остальные. Потом Гриневецкий взял бразды правления в свои руки:

— Пан Яроховский, начинайте обыск. Пан Степковский пишет протокол. И доктора сюда, пусть оприходует труп.

— Есть!

Полицейские занялись делами. Никому не нужный, Толстой стоял посреди комнаты. Помявшись, он направился к выходу.

— Ваше превосходительство! — окликнул его Лыков.

— Слушаю вас, Алексей Николаевич!

Коллежский асессор подвел к нему своего помощника. Тот понемногу отходил от страха, порозовел и приободрился.

— Полагаю, сегодняшним поведением не имеющий чина господин Иванов заслужил производство. Без него мы не попали бы внутрь.

— Конечно! — чересчур радостно взмахнул руками обер-полицмейстер. — Утром же пошлю представление министру! Благодарю за службу, Егор… э-э… Саввич!

И поспешил удалиться. Как только он ушел, Лыков отвесил своему геройскому помощнику увесистую затрещину.

— Ой! Больно же!

— Ножом было бы больнее! Тебе где полагалось быть по расписанию?

— На входе.

— А оказался на выходе. В герои собрался? Или в покойники?

Егор молчал, потирая затылок.

— Хуже нет, когда начинают брать на себя. Особенно неопытные.

— Я боялся, Гришка сбежит.

— Понятно, чего ты боялся. Но с такими, как он, шутить нельзя. Нельзя, понимаешь! Гришка Худой Рот зарезал в Павловске околоточного.

Иванов понурился и не пытался возражать.

— В одиночку арестовывать его не решился бы даже я. Тут зверь. А самое плохое то, что ты самовольно изменил план утвержденной начальством операции. Не обладая для этого необходимыми навыками. Предупреждаю: при повторении подобного будешь немедленно отстранен от обязанностей моего помощника! И лишишься моего уважения.

На Егора стало жалко смотреть.

— Всё. Иди домой, отоспись. Разрешаю завтра прибыть на службу на час позже.

Выгнав героя, Лыков отправился по комнатам. «Мельница» занимала весь второй этаж. Кроме хозяина, охранника и прислуги, в ней обнаружилось девять мужчин, в том числе трое русских. Наружность арестованных не оставляла сомнений в их принадлежности к фартовым. Две женщины, что давеча истошно визжали, были не проститутки, а дочки хозяина. В зале нашелся и сам Ян Касъер. Красивый мужчина в возрасте, с выразительным ухоженным лицом, он стоял посреди разгрома невозмутимый. Рядом вился Эрнест Феликсович. Он обращался к бывшему налетчику на «вы» и очень вежливо стращал его разными карами. Алексей и хотел бы поговорить с уголовным по-свойски, но понимал, что здесь ему это не позво лят. Поэтому он махнул рукой и собрался уже уходить. Но не успел. Из последней комнаты, где все еще лежал труп Гришки, явился губернский секретарь Яроховский. Он был взволнован.

— Что такое? — сразу насторожился Гриневецкий.

— Вот! — Франц Фомич протянул начальнику серебряные часы. — В кармане у него лежали. Вы под крышкой посмотрите!

Надворный советник щелкнул крышкой часов и прочитал вслух надпись:

— «Ротмистру Емельянову от сослуживцев — офицеров лейб-гвардии Уланского Его Императорского Величества полка». Ай да Алексей Николаевич! Пришел, увидел, победил.

Мы два месяца убийцу пристава найти не могли, а он в два дня уложился. И не жалко будет из Варшавы уезжать? Города, считай, не видели…

Тут, как всегда после пережитых опасностей, у Лыкова разболелась голова. Его отвезли домой. Там сыщик выпил «русского храбродея»[32] и заснул беспокойным сном.

Глава 6

В контрах со всеми

Придя утром на службу, Лыков вкусил плоды своего нового положения. Гриневецкий в общей комнате зачитал приказ обер-полицмейстера. В нем коллежскому асессору объявлялась благодарность. Сказано было так: «За умелое руководство ликвидацией шайки опасных преступников, со спасением при этом жизни полицейского служителя». Толстой не обиделся на реприманд[33] и отдал Алексею должное… Последним пунктом приказа Иванов повышался в должности до письмоводителя. Это сразу же удваивало его содержание. Видимо, Гриневецкий с Нарбуттом сочли полезным держать в отделении одного русского. Чтобы не говорили, что там только пшеки!

Лыков не поленился сходить в канцелярию и проверить, выполнил ли генерал свое обещание. Рыжеусый пан, секретарь Толстого, был на этот раз услужлив. Действительно, представление министру внутренних дел на Егора было подписано. В Российской империи все чины, даже коллежского регистратора, присваиваются государем. Списки от ведомств составляются три раза в год: 1 февраля, 1 мая и 1 октября. Бума ги подаются в Собственную Его Императорского Вели чества канцелярию. Та готовит указ, и люди получают очередные чины. Внеочередное производство идет через министра, который в личном докладе государю испрашивает своему подчиненному отличие. «Маленький» Толстой ходатайство «большому» Толстому подал. Но у министра внутренних дел огромной империи много забот. Ему не до присвоения чина какому-то канцеляристу в Варшаве. Ходатайство ляжет в стол и будет ждать 1 октября, либо о нем вообще забудут. Поэтому Алексей пошел на полицейский телеграф и отбил телеграмму Дурново. В ней он попросил «для пользы дела и усиления русского присутствия в варшавской полиции» протолкнуть представление обер-полицмейстера. Как можно быстрее…

День получился бестолковый. Приходило разнообразное начальство, вплоть до губернатора барона Медема и президента Варшавы Старынкевича. Они жали Лыкову руку и поздравляли. Черенков радостно подшивал в зеленую папку новые бумажки. Папка разбухала на глазах и обещала хорошие судебные перспективы. Даже сам Гурко-Ромейко прислал телеграмму с благодарностью сыскной полиции. Видимо, у него имелся в магистрате конфидент. Телеграмма содержала свойственный генерал-губернатору язвительный намек: «…чины варшавской полиции, руководимые петербургским специалистом…» Обер-полицмейстер Толстой проигнорировал этот пассаж и излучал довольство. Алексей стал героем дня. Все выражали ему восхищение и интересовались, когда он возвращается в столицу.

Происходящее вызывало у Лыкова раздражение. Розыском он никак не руководил. Вклад героя дня заключался лишь в том, что он прострелил голову главному подозреваемому. Остальное сделали местные сыщики, причем подозрительно ловко. Больше всего Алексея смущали часы. Как кстати они обнаружились у убитого налетчика! Улика весомая, но единственная. Ежели допустить, например, что часы подбросили, то рушится вся конструкция. Эх, почему он сам тогда не вывернул Гришкины карманы?!

Но ежели подбросили, то кто и зачем? Тут есть два варианта. Первый — это сделал губернский секретарь Яроховский с ведома своего начальства. Цель — побыстрее сплавить Лыкова из Варшавы и самим найти убийц. Спокойно и без петербургского надсмотрщика. А потом, когда придет время, дезавуировать его успех, да еще и посмеяться… На панов в общем-то похоже. Они ничем не рискуют: что часы ротмистра подброшены ими же — недоказуемо. А выставить русского камер-юнкера дураком — милое дело!

В пользу этой версии говорил очень уж успешный допрос Нарбуттом Эйсымонта Новца. Тот сразу, без давления, рассказал и о Гришке, и о своем дяде. Как под диктовку… А за крестик с цепочкой сочинил бумагу, по которой в притон явился полицейский агент. Так не бывает!

Но тогда выстраивается целый заговор, во главе которого стоит руководство варшавской сыскной полиции. Значит, у Нарбутта с Гриневецким давно имелась на руках важная улика — часы убитого пристава. И они ждали, когда пустить их в дело. И русские громилы, выходит, тоже были у них заранее на примете. Патентованным головорезам, по сути, разрешили совершить убийство. С той только целью, чтобы приписать им еще и предыдущее. В заговор, помимо мелкого воришки Новца, втянули его дядю, уважаемого отставного взломщика. Сдали полиции его притон вместе с дюжиной воров в розыске… И все это лишь для того, чтобы Лыков быстрее уехал из Варшавы? Чушь. Так тоже не бывает.

Хорошо, рассуждал Алексей. Рассмотрим второй вариант. Полицию на след Гришки навел истинный убийца пристава. Цель — отвести подозрения от себя. Кто же он в таком случае? Оба Новца послушно играют отведенную им роль и даже садятся в тюрьму. Скупщица краденого, старая опытная воровка Папроча-Дужа, не успевает спрятать вещи убитого штабс-капитана. Все пляшут под одну дудку. Самое удивительное, что под нее же вытанцовывает Гришка Худой Рот, самостоятельный злодей, а никакая не шестерка. Он режет Сергеева-третьего словно по чьей-то подсказке. Бросает труп на свалке, не заметив притом свидетеля. А затем послушно приходит в притон Яна Касъера, куда та же могущественная рука посылает полицейский отряд. Ай да замысел! Это кто же у нас такой умный? У кого в руках дудочка, под которую танцуют и воры с убийцами, и даже сыскная полиция?

Конечно, это может быть только пан Строба, он же Велки Эугениуш. Видать, сильно прижал «ивана» повонзковский пристав, если его решили убрать. А когда бандит узнал, что Петербург озаботился и прислал ревизора, то решил это использовать. Заранее подыскал овец для заклания — на их роль выписал из столицы Гришку с подручными. Наверняка он же навел русских на несчастного штабс-капитана. Если за Лыковым следили, то выбор понятен. Этим и объясняется загадочное «совпадение», что обидчик Алексея стал очередной жертвой. А так могли прирезать любого другого… Его смерть понадобилась только для маскировки предыдущей смерти, ротмистра Емельянова. Да, калибр серьезный. А если умный Нарбутт и почувствовал где-нибудь фальшь, то ничего не сказал заезжему сыщику. Может, сам потом разберется. Если захочет. А может и не захотеть, в отместку за свою обиду.

Дойдя до этого вывода, Лыков решил остановиться. Голова опять раскалывалась. Ясно, что в одиночку, только с Егором, он сейчас ничего не сделает. Сегодня, по крайней мере… А вот завтра — другое дело. У чиновников особых поручений есть и особые полномочия. Он может взять и остаться в Варшаве, как бы его ни выпроваживали. Надо лишь придумать основание. Завтра голова заживет, и Алексей придумает, а сегодня нужно отдохнуть.

Решив так, Лыков повеселел. Отдыхать он любил — жалко, редко удавалось! Сыщик вызвал своего помощника и сказал:

— Привет, почти коллежский регистратор, почтовой станции диктатор! Мундирчик с клапанами еще не пошил?

— Только что подъемные выдали. У Сахера есть знакомый портной, обещал построить за пятнадцать рублей. С меня лишь золотые нити и арматура.

— А сколько дней займет?

Иванов сразу погрустнел.

— Неделю. Успеете увидеть или уже нет? Да и чин еще не скоро придет. Говорят, это все долго…

Лыков пожал плечами.

— Департамент пока молчит.

— Никак нельзя вам тут остаться?

— Для чего? Чтобы тебе не было одиноко?

Егор смутился.

— Чего уж… Перед смертью не надышишься, я понимаю. Подучиться охота.

— Гриневецкий с Нарбуттом знают дело не хуже меня. Пользуйся, пока в фаворе.

— Они меня натаскивать не станут. Да и далеко им до вас, по правде.

— Я этого не заметил. Бывалые люди, полностью на своем месте. Так и укажу в рапорте. Вот кто требует замены, так это Толстой.

— И… напишете об этом?

— Не просто напишу, но и приму посильные для моего скромного звания меры.

— Но вы ведь, простите, только в восьмом классе! Какие тут меры?

— Кое-что и я могу. Во-первых, вице-директор Департамента Благово — мой учитель и наставник, второй отец. Умни ца, каких мало! К его мнению прислушиваются высокие персоны. Во-вторых, у меня друзья в Военном министерстве. А оно в Варшаве всесильно. То, что развел Толстой, подрывает власть. Тут вовсе не пустяки. Между прочим, это также и твои мысли. Которые ты для того мне и излагал, чтобы я дал им ход. Ведь так? Я их обдумал — и согласился с тобой.

— Но генерал Толстой непременно об этом узнает! Да и не в нем одном дело, здесь много администраторов, что в рот полякам смотрят.

Парень сел и взволнованно взъерошил шевелюру.

— А не сделаете вы только хуже? Военные обрадуются очень вашему рапорту. И закрутят гайки еще сильнее. Нужен третий путь, взвешенный — мы ведь об этом говорили! Но способен ли на такое Петербург?

— Я помню, о чем мы говорили. Глупости писать не собираюсь. Ты прав, умных людей в Петербурге днем с огнем искать надо. Но вот товарищ министра внутренних дел Плеве как раз такой. А он меня знает. И генерал-адъютант Обручев, начальник Главного штаба, тоже мозговитый. С них пока и начну.

Иванов посмотрел на шефа с недоверием и вздохнул:

— Ну, вам виднее… А хуже всего ничего не делать. Иначе потеряем Варшаву! Если бы вы при аресте поляка застрелили — почувствовали бы на себе! Это им русского не жалко.

— Мне Гришку тоже не жалко, — отрезал Лыков, и его помощ ник счел за лучшее переменить тему:

— Скоро Духов день. Матушка мечтает с вами познакомиться. Приглашаю в гости.

— Извини, не могу. Уже отпросился у Гриневецкого на оба праздничных дня. Уезжаю в Бад Вильдунген, навещу Павла Афанасьевича. Он там один, кругом немчура. Горюет небось… Если позволит ему здоровье, отвезу домой. После Троицы вернусь.

— Жалко, — вздохнул письмоводитель. — Ну, тогда хоть в воскресенье!

— Там будет видно. Пока скажи мне вот что. Вчера, до того как ты на Бураковской хулиганил, стекла бил… Помнишь, я посылал тебя в ресторан? Расспросить кельнера насчет извозчика, что увез Сергеева-третьего с дамой.

— Помню.

— Ты сделал это?

— Конечно. Только зачем оно теперь?

— Я хочу понять: та полька была в сговоре с бандитами или нет? Ведь если она навела штабс-капитана на ножи, значит, соучастница. Тогда ее нужно найти и наказать.

— Надо тех троих расспросить, что в следственной тюрьме.

— Я поеду туда завтра. Сегодня перекур… Составишь мне компанию. Но скажи про кельнера. Как его? Войцеха. Что он сообщил?

— Дайте вспомнить… Мне ведь в тот день чуть шею не перепилили.

— Так ты ничего не записал? — рассердился Лыков.

— Да там нечего было записывать! — стал оправдываться Егор. — Они сели к фурману, который их поджидал. Брюнетка сказала: «Ко мне домой». Фурман пану Войцеху не знаком. Повозка, упряжь — самые обычные, бесприметные. Лошадь соловой[34] масти. Таких сотни в городе.

— Значит, загадка про брюнетку остается, — констатировал Алексей. — Но давай отложим ее на потом. Сегодня будем отдыхать. Заслужили за вчерашнее. Хочу в театр! Отведи меня в хорошее место, покажи здешние артистические силы.

— Запросто! — повеселел Егор. — В Варшаве два настоящих театра: Большой и Разнообразный. И оба находятся в одном здании. Вон оно, на той стороне площади, в окно видать.

— Хорошо, и идти недалеко. Но в какой посоветуешь?

— В Разнообразный. Большой скучноват. Поют серьезные оперы, приходить надо во фраке и белом галстуке. Где бы их еще взять! Да и буфет не для моего кошелька.

— О буфете не беспокойся. Мы, камер-юнкеры, народ денежный.

— А в Разнообразном веселые оперетки. Еще кордебалет! Барышни в юбках чуть не до колена, и такое выплясывают!

— Юбки до колена? — оживился Лыков, неделю живущий холостяком. — Это надо увидеть. Идем!

Так они оказались в театре. Комическая опера Целлера «Форнарина» исполнялась на немецком языке, и коллежский асессор ничего не понял. Девки из кордебалета тоже подвели. Они вышли в платьях на три вершка всего выше лодыжки и слишком быстро продефилировали по сцене. Разочарованный Лыков в антракте ушел в буфет. Егор, знающий язык, остался досматривать оперу. Едва сыщик пригубил пиво, как сзади его окликнули:

— Пан Лыков! Какая приятная встреча!

Он обернулся и увидел вчерашнего ресторатора Крухляковского. Тот отчаянно махал руками и тараторил:

— А мы тут со всем семейством! Берите вашу кружку и садитесь до нас. Вот, прошу познакомиться: пани Ванда, в честь которой заведение, и моя цурка Гонората.

Лыкову пришлось подойти. Тем более что Гонората была очень мила и не меньше отца призывала гостя пересесть. Сыщик устроился за их столиком. Крухляковский весь сиял от непонятного удовольствия.

— Называйте меня пан Тадэуш! Будем поближе друг к другу.

— В таком случае я для вашего семейства пан Алексей.

— О! Какое славное имя! — пришла в такой же необъяснимый восторг пани Ванда. — Чувствуйте себя среди друзей, пожалуйста. А то мой Тадэуш скучает в дамском обществе, ему не с кем выпить жубровки!

Недоумевая, чем он так приглянулся полякам, Алексей поддержал разговор:

— Вы, пан Тадэуш, тоже заскучали в немецкой опере?

— Увы, пан Алексей, — усмехнулся толстяк. — Меня увела в буфэт жона. Скоро… ближе к середине второго акта, Форнарина появится в трико… как уж по-русски?

— Телесного цвета, — вдруг подсказала дочка.

— Да, в телесном. И очень-очень обтягивающем. Издали кажется, что она совершенно голая.

Лыков беспокойно заерзал. Ах он дурак! То-то все офицеры остались в зале, никого нет в буфете! Пани Ванда укоризненно погрозила мужу пальцем:

— Старый… Гонората, как это?

— Видимо, сладострастник, — хихикнула барышня.

— Ну, пусть будет так. Ты зачем обманываешь пана Алексея? И вовсе не кажется, что она голая! А потом тощая — фуй! — одни ребра торчат…

— А где же ваш помощник пан Иванов? — тут же переменил разговор Крухляковский.

— Пан Егор тоже здесь. Но он в зале, досматривает оперу.

— О! Молодой человек любит музыку! Это так редко теперь. Мы были другие, другие… Пан Егор показался мне очень… ну как это по-русски?

— Смышленым, — неожиданно серьезно пояснила Гонората и внимательно посмотрела на Лыкова. Тот смешался. Что значит весь этот разговор? Сыщик слышал, что русские живут в Варшаве как во вражеском городе. Местное общество закрыто для них. Поляки холодно-вежливы в делах служебных и недоступны во всех остальных. Увидеть пана в частной жизни, быть представленным жене и дочке совершенно исключено. А тут его тащат в друзья на аркане. Для чего? Крухляковский должен был вежливо поздороваться и сразу отвернуться — а вместо этого посадил русского за свой стол. Случившееся было необычно и требовало объяснений. Кроме того, Лыков нуждался в предлоге, чтобы вернуться в зал и посмотреть на мамзель в трико… Поэтому он встал, одернул сюртук и сказал:

— Я сейчас приведу пана Егора. Нечего ему сидеть там в одиночестве, когда здесь такая милая барышня.

Гонората даже не порозовела, а наоборот, спросила в лоб:

— А он действительно смышленый? Или моему папаше только показалось?

Барышня выясняла не просто так, а по делу. Поэтому Алексей ответил развернуто:

— Да, он умный, порядочный, с серьезными мыслями. Егор родился в Варшаве и, безусловно, не враг полякам. Я ожидаю для него хорошее будущее.

Чета Крухляковских переглянулась, и пан Тадэуш сказал недовольно:

— Моя цурка тоже не такая, какой была жона в ее возрасте. Извините ее, пан Алексей. Мы с Вандой не знаем, что с этим делать.

— Ничего страшного, — утешил ресторатора Лыков. — Мы тоже не всегда радовали

родителей. И наши дети живут свою жизнь, а не нашу… А у Егора сегодня радостное событие: он получил повышение в должности. И представлен к первому классному чину. Между прочим — сообщаю для барышень — за храбрость. Он участвовал в аресте опасных убийц, рисковал жизнью и за это награжден. Предлагаю отме тить такое событие вместе.

Крухляковский сокрушенно покачал головой:

— Мальчик, почти ребенок — и рискует головой. О Езус Мария, что делается с этим миром…

Но дамы, и особенно Гонората, поддержали Алексея. Он призвал официанта, велел подать шампанское и фрукты, а сам отправился за Егором.

Лыков вернулся в зал вовремя. По гробовой тишине было ясно, что сейчас начнется самое интересное. Сыщик успел шмыгнуть в кресло и реквизировал у помощника бинокль. И тут Форнарина вышла… Ай да поляки! Ай да широта во нравах! Актриса появилась на сцене с распущенными волосами, подведенными глазами и в таком костюме, что нет слов. Тончайшая ткань так облегала ее молодое и фигуристое тело, что женщина действительно казалась обнаженной. Какая грудь! А бедра, бедра! Лыков затаил дыхание, как, впрочем, и весь зал, и не сводил взгляда с прелестницы. Вот шельма! Как же ему теперь ложиться спать в холостяцкую постель? Надо в гимнастический зал, срочно! Потягать железо до изнеможения, чтобы изгнать эту дурь из головы!

Наконец Форнарина, тряся грудями, ускакала за кулисы. Зал взорвался овациями. Лыков тут же дернул Егора за рукав:

— Быстро за мной!

Но быстро не получилось. Полсотни панов вперемешку с русскими офицерами устремились в буфет. Видимо, они пришли на оперу за тем, что только что увидели, и остальное действие их не интересовало. С трудом полицейские пробились в коридор. Там Лыков отвел парня в сторону и сообщил:

— В буфете меня поймал Крухляковский из «Ванды».

— И что?

— Усадил за свой стол, познакомил с женой и дочкой и вооб ще пристал, как репей.

Иванов сказал недоверчиво:

— Не может такого быть!

— А вот есть. Что это значит?

Егор нахмурился:

— Что-то нехорошее. Подобной любезности просто так не бывает. В Варшаве это совершенно исключено! Значит, пану Крухляковскому что-то от нас надо.

— Например, выпытать, как идет расследование, — предположил Алексей. — Нашли ли мы убийц Сергеева-третьего. Поверили ли в версию с часами. Ведь штабс-капитана увезли на смерть именно из его ресторана. Значит, тут не случайность, тут есть связь!

— Или что похуже, — подхватил Егор. — Вся ли шайка перебита? Красивая брюнетка и ее кучер ведь не разысканы. Алексей Николаевич, у вас револьвер при себе? Это явно ловушка!

— Зачем мне в театре револьвер? Ладно, не дрефь: с кучером я управлюсь. Даже не с одним. Крухляковский бойцом не выглядит. Главное — не подставлять спину. Страхуем друг друга! И старайся поменьше пить. Пойдем!

Они спустились в буфет и поразились: тот весь был забит театралами особого рода. Часть столов занимали русские офицеры и молодые чиновники, другую — франтоватые поляки. Все кричали напропалую, перебивая друг друга, и пили водку. Кельнеры едва успевали обслуживать посетителей. В уголке сидело семейство ресторатора и поглядывало на дверь. Увидев полицейских, Крухляковский воодушевился и тоже потребовал жубровки. Лыков составил ему компанию, остальные пили шампанское.

Егор, помня предупреждение, цедил вино помаленьку и налегал на фрукты. Вообще он держался скованно, и его начальнику приходилось говорить за двоих. После нескольких рюмок настойки он «захмелел», подсел ближе к Крухляковскому и сделался болтлив. И тут ресторатор спросил его, нашли ли убийц штабс-капитана! Внимательно выслушал ответ, поцокал языком и налил сыщику новую рюмку. Горячо!

Затем Крухляковский осмотрелся и сказал:

— Тут стало шумно. Поехали к нам. Ванда, Гонората! Мы возвращаемся домой и приглашаем с собой этих двух симпатичных панов!

Русских — и в дом! Глаза Егора стали как две щелки. Что приготовлено там для доверчивых гостей? Но его начальник уже согласился.

Оказалось, что перед театром их ожидает ландо, запряженное парой гнедых. Толстяк не без труда забрался на облучок. Полицейские любезно подсадили дам, при этом Гонората едва не упала, и Егору пришлось ловить ее за талию. И даже чуть выше… Только все уселись, как пан Тадэуш гикнул по-казачьи и рванул. На большой скорости ландо промчалось по Трембацкой. Но когда они выехали на Краковское Предместье, ход пришлось сбавить. Здесь экипажи ползли в четыре ряда, сплошным потоком. Толстяк влез в колонну. Они поехали неспешно по Королевской дороге на юг. Крухляковские то и дело приветствовали знакомых — эдакий шпацер на колесах.

— Вы живете там же, где ресторан? — догадался Лыков.

— Да, — подтвердила пани Ванда. — Прямо над ним. Но и весь дом наш. Очень удобно. Мой Тадэуш трудится с утра до вечера без отдыха. Знаете, рэстаурацья — это такое беспокойное дело! Ни на день нельзя отлучиться. Собственно, заведение куплено на мое… как, Гонората?

— Приданое.

— Да, то так. Сам Тадэуш был бедняк, но с амбицией! И живота у него тогда не имелось. Он походил на молодого льва! И я в него влюбилась. А сейчас он походит на велблонда — стал такой же упрямый…

— На кого походит? — не понял Алексей.

— На верблюда, — хором пояснили Егор с Гоноратой, рассмеялись и переглянулись. Впервые по-хорошему переглянулись, как и полагается молодым людям…

Разговаривая в таком духе, они доехали до перекрестка Новы Свята и Иерусалимской аллеи. Встречные поляки косились на странную компанию. Ловя на себе их недружественные взгляды, Алексей успокоился. Убивать сыщиков явно не собирались. Слишком много людей видело их вместе с рестораторо. Значит, хотят выведать какую-то служебную тайну? Зачем-то это очень нужно пану Тадэушу, раз он пошел на такой шаг. Странно, весьма странно… Добродушный толстяк, вся жизнь которого сосредоточена в его

семейном деле. И сам, по собственной воле, вводит себя в круг подозреваемых. Не может же он этого не понимать! Нет, явно не случайность, что Сергеев-третий ушел на ножи именно из «Ванды». Между тем Крухляковский беззаботно правил, иногда комментируя что-то через плечо. Затем круто завернул во двор нового четырехэтажного дома и остановился. Слез с козел, отдал вожжи подскочившему дворнику и сказал:

— Вот, господа. Весь дом мой… то есть наш. Очень приличный доход, не скрою! А уж с рэстаурацьей — ого! Но без помощника трудно. Пан Алексей! Давайте отпустим молодежь с моей Вандой, пусть готовят закуски и вино. А сами пойдем проведаем заведение. Все ли там в порядке… И потом, у меня до вас имеется разговор.

Лыков обошел с хозяином весь ресторан, заглянул даже на кухню. Крухляковский выслушал доклад метрдотеля и сказал ему что-то по-польски, ткнув пальцем в потолок. Видимо, поручил принести ужин в квартиру. Потом по внутренней лестнице повел гостя наверх. Они остановились перед дверью в жилище. Пан Тадэуш замялся, в его взгляде, трезвом и настороженном, было беспокойство.

Началось, подумал Лыков. Вот ради того, что он сейчас спросит, поляк затеял весь сыр-бор в театральном буфете. Ясно, что это касается розыска. Непонятно только, почему пан действует столь топорно.

Ресторатор вздохнул, никак не решаясь приступить к делу. Оглянулся на дверь. Прислушался, нет ли кого на лестнице. Потом наклонился к плечу сыщика и сказал вполголоса:

— Пан Алексей! Я очень-очень извиняюсь. То не я хотел, меня заставили. Сам бы я никогда!

— Говорите, пан Тадэуш. Я давно уже жду с вашей стороны этого разговора.

— Так заметно, да?

— Очень заметно.

Крухляковский почему-то сразу воспрянул духом.

— Эти джечи! Ради них мы готовы на все, ведь так? Я очень-очень извиняюсь за свой интерес…

— При чем тут дети?

— Ну как при чем?! Гонoратка вчера увидала пана Егора, когда он приходил до старого Войцеха.

— И?

— И не отставала от меня даже и сегодня. Все выпытывала, кто этот чекавы мводжежь.[35] А откуда я знаю, кто он?

— Так дело в ней?

— В ней, в моей цурке, в ком же еще! Она очень своенравная, но мы с маткой ее любим без памяти. Конечно, избаловали… Единственный джецко…[36] Других не будет. Конечно, Гонората славная джевчина, хотя и любит командовать. Она из нас… что-то про веревки…

— Веревки вьет?

— Да, то так! И всех женихов гонит, все не по ней. А тут пан Егор! Он очень хорошо воспитан, то сразу видно, с первых же слов. Хоть и русский. Прошу простить, пан Алексей, но то неожиданно для поляка. Сегодня он почти не пил, даже шампан! Тоже неожиданно. Среди нашей молодежи редко сейчас можно встретить такое. Дети не слушают родителей, курят, пьют, жле[37] ругаются. Езус Мария! А тут такой воспитанный мводжежь. Даже я под впечатлением, не только Гонората! И вот главный вопрос, пан Алексей, главный вопрос.

Собственно, из-за него я весь вечер забираю ваше внимание. Или время? Так вот. Пан Егор служит в серьезном учреждении, в полиции. И состоит при вашей особе. Департамент из самого Петербурга, чиновник особых поручений! Я помню, что написано в вашем билете, да! А тут вдруг встреча в театре…

Лыков уже все понял, кроме одного. Поэтому он перебил пана Тадэуша:

— Так что у вас за вопрос, в конце концов?

— В конце концов? — удивился тот. — В каком смысле?

— Ну, это такой оборот речи у русских.

— Никогда не слышал!

— Пан Тадэуш. Что вы хотели у меня спросить?

— Да, то так. Это очень-очень важно. Все может испортить, вот! Скажите, у пана Егора нет нажэтшоны?

— Кого-кого? — опешил Лыков.

— Ну, будущей жоны?

— Вы хотите сказать — невесты?

— То так. Невесты. Гонорату это беспокоит. Очень.

— Пан Тадэуш, но ведь Егор русский! Как вы это видите?

— Ну и что? Он говорит по-польски лучше большинства поляков. Умный — то сразу видно. Мало пьет шампан и совсем не пьет вудку. Извините, то бывает у русских…

— А вы не боитесь осуждения со стороны ваших?

— Фуй! Лишь бы было хорошо Гонорате. Остальное — пустяк. А такой человек, как пан Егор, сумеет понравиться полякам. Постепенно, но сумеет. Я уверен.

— Хм… Ну хорошо, я отвечу на ваш вопрос. Насколько я осведомлен, никакой невесты у Егора нет. Жалованье пока ему этого не позволяет.

Крухляковский улыбнулся до ушей и похлопал ладонью по стене:

— Вот это я отдам в приданое своей любимой цурке! Себе оставлю только рэстаурацью. Мужу Гонораты не понадобится жалованье!

— Егор вряд ли захочет уйти со службы. А уж жить на средства жены… Насколько я сумел его понять, он человек гордый и будет содержать себя сам.

— О, понимаю! — Пан Тадэуш сделал строгое лицо. — Я такой же! Никогда ни у кого не одалживал, все своими руками… Так пан Егор еще и гордый? Очень хорошо. Как настоящий поляк! Очень хорошо. Тем быстрее наши его примут. Но идемте, идемте в дом. Мне надо сказать цурке на ушко прекрасную новость!

На другой день Егор выглядел смущенным. Вчера они с Лыко вым засиделись у Крухляковских допоздна. Гонората обрабатывала парня весьма настойчиво. Она с ахами и вздохами выслушала рассказ о его подвиге. Обнаружила между делом общих знакомых. Пригласила гостя на пирог «через недельку». Тонко польстила Лыкову, угадав в нем высший для Егора авторитет. Барышня действовала умно и изобретательно. Коллежский асессор пытался улизнуть, бросив помощника на съедение, но поймал его умоляющий взгляд и остался. Чета Крухляковских подыгрывала дочке по мере сил. Пан Тадэуш назвал доход, который ежемесячно собирает с жильцов (восемьсот рублей!), и повторил, что он пойдет цурке в приданое. А пани Ванда намекнула, что это еще не все подарки будущему зятю…

Когда полицейские на последнем извозчике разъезжались по домам, Егор признал: барышня интересная. Но уж больно обеспеченная по сравнению с ним, голодранцем. Лыков

в ответ рассказал ему историю своей женитьбы. Как он несколько лет не решался предложить руку богачке Вареньке Нефедьевой. Как угодил потом в Забайкалье и сцепился там с уголовным «губернатором» края по кличке Бардадым.[38] Разгромил его заимку и обнаружил в ней потайную комнату, в которой чеканили фальшивую монету из ворованного золота. Комната была набита этим металлом, как пещера Али-Бабы… Лыков сдал находку по команде и получил треть ее стоимости — сто тысяч рублей. Вскоре после этого он выехал в Нижний Новгород свататься.

— Учись, Егор! — назидательно закончил свой рассказ коллежский асессор.

— Чему же я здесь могу научиться? — удивился парень. — У нас в Варшаве пещер Али-Бабы нет. И я не вы. История эта не про меня…

— Пещер, наверное, нет. А вот история про тебя. Я имел в виду, что надо быть настойчивым. Предприимчивым. Не отступать. И тогда воздастся.

— Ага! Через десять лет службы повысят из коллежских регистраторов в губернские секретари!

— Конечно, если станешь сидеть сиднем. И не окончишь университета.

— Алексей Николаевич! Какой мне университет? Я существую жалованьем! Мне невозможно учиться, денег на это нет.

— Экстерном учись, как я.

— Опять как вы! Но я же не вы, во мне нет вашей силы и энергии!

— Кто тебе сказал про энергию? Сам так решил? Заранее записал себя в неудачники? — рассердился Алексей.

— Но я здесь один, никому нет до меня дела…

— Значит, надо сидеть сложа руки и рефлексировать? А по-моему, успех дается только с боем. И это нормально. Иначе и не бывает. Ты не кривись, а слушай! Дело не в обстоятельствах, а лишь в тебе самом. Пойми: жизнь требует постоянных и настойчивых усилий. Неустанных! Банально, конечно. Но справедливо. Вот ты служил два года без чина. Чего-то ждал, кое-как учился полицейскому делу. Навыков особых нет, агентуры своей нет. Зато есть оправдание, что тебе не помогали. Случайно появился я, ты проявил инициативу и вот уже на заметке у обер-полицмейстера. Скоро получишь чин. И не во мне дело, а в твоей инициативе. Лыков уедет, но для тебя ничего не должно измениться. Ни-че-го! Понимаешь? Учись, колотись, развивайся, тащи сам себя за волосы вверх. Никого не бойся. И так живи всю жизнь. Тогда тебе будет все равно, как к тебе относится очередной начальник. Ты станешь таким специалистом, что всегда найдешь место, которого достоин.

Иванов задумался и не нашел тогда что возразить. Теперь он, подумав ночь, сочинил, похоже, целую речь. Но Алексей пресек ее с первых слов:

— Некогда лясы точить, поехали на Бураковскую!

— Зачем?

— Хочу там все обыскать.

— В притоне Яна Касъера? Там уже паслось наше отделение! Вверх дном перевернули. Что вы рассчитываете найти после этого?

— Сам не знаю. Но… Давай обсудим.

Лыков усадил помощника на стул, закрыл дверь и пояснил:

— Меня смущает находка часов Емельянова.

Егор тихонько ойкнул, но промолчал.

— Очень уж кстати она случилась, — продолжил мысль сыщик. — И словно бы дала

ответы на все вопросы. Но улика одна-единственная, и связь Гришки со смертью пристава строится лишь на ней.

— Вы считаете, что часы подбросили? — насторожился помощник. — Но кто и зачем?

— Я допускаю это. Требуется найти дополнительные доказательства связи Худого Рта с убийством Емельянова. Вот их и будем искать в притоне. Возьмем в участке понятых и нагрянем неожиданно. Вдруг что найдем?

Через полчаса они уже въезжали в знакомые ворота. Два дня назад здесь гремели выстрелы, кричали и дрались люди. Сейчас все было тихо, как на погосте. Комнаты прибраны, никаких следов погрома. Только окно, разбитое Егором, не успели еще застеклить и затянули парусиной.

Полицейских встретил зять Яна Касъера, некий Малиняк. Он хорошо помнил Лыкова по налету и держался угодливо. Дочки старого взломщика, одетые в тряпье, с постными скорбными лицами жались по углам. Коллежский асессор велел всем, кто есть в доме, собраться в большой гостиной. С прислугой набралось пять человек. Егор остался их караулить. Лыков в сопровождении Малиняка и понятых принялся тщательно осматривать строение от подвала до чердака. Дом был большой, и обыск затянулся. Алексею не попадалось ничего, что указывало бы на связь хозяина с убийцами офицеров. Он не отчаивался и не халтурил, смотрел внимательно. Наконец в нужном чулане под рукомойником внимание сыщика привлекла мыльница. Заурядная вещь, дешевая поделка из «польского серебра». Лежит на своем месте. Но Лыков давно выработал в себе привычку доводить все до конца. Поэтому он выбросил обмылки, поднес предмет к свету и перевернул. На днище мыльницы чем-то острым, видимо ножом, были выцарапаны две буквы: «Яш».

— Что это? — спросил коллежский асессор.

Малиняк съежился еще больше:

— Не зна. То зна пан Новец.

— Я забираю ее с составлением протокола обыска.

Алексей облазил все до последней застрехи, но не нашел более ничего интересного. Однако находка в чулане стоила потраченного времени. «Яш»… Как уж там фамилия пропавшего подпоручика? Яшин. Не его ли вещь? Вот и новый поворот в розыске! А заодно причина, чтобы не уезжать из Варшавы.

Яшин, Яшин… В суете, которой отличался этот розыск, у Лыкова не дошли до него руки. В день приезда случился скандал с офицерами. На следующий день обнаружили труп Сергеева-третьего. Ночью полиция пошла на штурм «мельницы». Гришка Худой Рот словил пулю, а в его портках оказались часы пристава Емельянова. И все вроде бы склеилось. Молодец, Лыков! Сделал дело, езжай домой! И не придерешься. Но вот теперь эта вещица из мельхиора, возможно, перевернет картинку. Черенков не нашел в свое время оснований для розыска. Нет трупа — нет и дела. А если мыльница даст ниточку и выведет на новые улики? Вонифатий Семенович — разумный человек, он захочет узнать правду. Вдруг было три убийства, а не два? Пусть откроет дознание. А там видно будет…

Быстро составив протокол, Алексей распустил публику. Когда полицейские вышли на улицу, он показал мыльницу Егору.

— Не зря приехали. Смотри!

— Ух ты! «Яш». Это чья-то подпись?

— Полагаю, что подпоручика Яшина.

— Не может быть! Как вещь сбежавшего подпоручика могла оказаться в доме Яна Касъера?

— Ты уверен, что он сбежал?

— Все так говорят. Дело даже не открыли!

— Но что, если его убили, а труп спрятали? О чем тогда наша находка?

Иванов подумал и ответил:

— Она указывает, что все преступления против офицеров сходятся на Яне Новце.

— Правильно. Он тогда не рядовой притонодержатель, а соучастник убийств. Укрыватель, недоноситель, а то и глава всего дела.

— Ага! — повеселел коллежский регистратор. — Если это так, то следствие не закончено. По вновь открывшимся обсто ятельствам заводится новый розыск…

— Правильно.

— …и ваш отъезд из Варшавы отменяется!

— Да, если мы с тобой не ошиблись в подозрениях. Мыльница могла принадлежать кому угодно, не обязательно Яшину. Поэтому сначала покажем ее Нарбутту с Гриневецким. Вдруг она уже встречалась им во время первого обыска? И Ян Касъер дал по ней объяснение. Купил-де на Толкучем рынке у неизвестного лица… Или того хуже: мыльницу подбросили в дом, как подбросили часы.

Они поехали на Сенаторскую. Все уже привыкли, что Иванов ходит за своим временным шефом как привязанный. Витольд Зенонович, оказавшийся, несмотря на замкнутость, остроумным человеком, окрестил Егора «полицейские силы, подчиненные Лыкову». И еще «летучий отряд Лыкова». Егор не возражал.

У Гриневецкого сидел Нарбутт и диктовал рапорт обер-полицмейстеру. Эрнест Феликсович старательно, как школьник, записывал.

— Господин Лыков и его летучий отряд! — ухмыльнулся титулярный советник. — Вы чего такой возбужденный, Алексей Николаевич? Домой уезжаете? По невским гранитам соску чились?

— Приказа из Департамента пока нет, — ответил Лыков. — Но я пришел не с этим. Вот что мы с Егором Саввичем обнаружили сейчас в доме Яна Новца. Поглядите на днище.

И он вручил собеседникам мыльницу. Те внимательно ее осмотрели, но высказались скептически.

— Ну и что? — пробурчал Гриневецкий. — Дешевка. Таких полно в домах среднего достатка.

— Вы увязываете ее с тем картежником, которого Петербург поторопился записать в жертвы? — нахмурился Витольд Зенонович.

Надворный советник на этих словах возмущенно фыркнул:

— С Яшиным, что ли?! Вот прощелыга! Сбежал, так все вздохнули с облегчением. Ни служить не умел, ни с людьми разговаривать.

— Тем не менее я должен проверить, — твердо заявил Лыков.

— Разумеется, — согласился Нарбутт. — В делах с убийствами все нужно проверять досконально. У вас особые полномочия. Наше дело — помогать, ваше — вести розыск. Сейчас поедете в следственную тюрьму?

— Да.

— Новца трясти?

— Сначала Гришкиных подручных. Самый простой способ все вызнать — это их

допросить. Как и за что убивали Емельянова. Как подловили Сергеева-третьего. Что это за красивая брюнетка, что увезла штабс-капитана из ресторации.

— Да, хорошо бы. Только мой опыт показывает, что бывалые уголовные ничего не скажут.

— Мой тоже, — подтвердил Лыков.

— Тогда прихватите, пожалуйста, с собой Степковского. Я обещал дочкам Яна Касъера, что перешлю в тюрьму пояс из собачьей шерсти. У старика больная спина.

— Эко вы ласково с бывшим громилой! — удивился Алексей.

— У нас в Варшаве так принято.

— Отдайте пояс мне, я сам вручу.

— Да там еще что-то на словах. Какие-то бытовые неурядицы, требующие разрешения главы семейства. Не знаю, что именно, — с дочерями разговаривал Степковский.

— Ну хорошо, пусть он спускается к дежурной пролетке, скоро поедем.

Старший агент Степковский, высокий основательный мужчина с ухоженными усами и твердым взглядом, вызывал у всех невольное уважение. Лыков знал, что этот человек воевал с турками и имеет Георгиевский крест. Одного возраста с Витольдом Зеноновичем, Степковский, видимо, помогал тому негласно руководить отделением.

Нарбутт пошел предупредить старшего агента. Лыков на минуту отлучился в клозет, а когда спустился к подъезду, там его ожидал курьер. Оказалось, коллежского асессора срочно вызывают к обер-полицмейстеру.

— Пан Степковский, это может быть надолго, — решил отпустить поляка Алексей. — Вы не ждите нас, езжайте один, а мы найдем извозчика.

Лыков поднялся на третий этаж. Толстой встретил его приторно-благожелательно.

— Господин камер-юнкер! Когда вы намерены возвратиться в Петербург?

— Когда получу приказ из Департамента, ваше превосходительство.

— Я только что послал телеграмму Дурново. Обрисовал ваше участие в деле с самой положительной стороны…

— Благодарю, ваше превосходительство.

— …и сообщил, что считаю вашу командировку исполненной.

Лыков промолчал.

— Вам ведь, помимо розыска, поручено еще кое-что?

— Да. Составить рекомендации по улучшению деятельности варшавского сыскного отделения.

— Прошу не обойти вниманием и прислать мне для ознакомления экземпляр вашей записки.

— Непременно, ваше превосходительство.

— Можете идти.

Раздосадованный этим пустым разговором, Лыков снова вышел на подъезд. Дежурная пролетка еще не вернулась. Сыщи ки поймали извозчика с биржи и отправились в тюрьму за свой счет.

Варшавская следственная тюрьма помещалась на Дзельной, 24. В этом месте в нее упиралась улица Павя, поэтому в народе тюрьму прозвали «Павяк». На кордегардии Лыков

предъявил заверенную карточку.[39] Утром сыщику с боем выдали ее в канцелярии обер-полицмейстера. Прежде чем допрашивать налетчиков, он решил переговорить со смотрителем тюрьмы. Полицейских провели в кабинет коллежского секретаря Молчанова. Тот первым делом спросил:

— Это не вы наших хлопцев замели?

— Каких «ваших»?

— Ну, в среду доставили. Под впечатлением ребята! У двоих головы разбиты.

— А нечего на камер-юнкеров с кулаками бросаться!

— А маза ихнего, говорят, вы как буряты белку — в глаз?

— Пришлось, — уже не ерничая, ответил Лыков. Со смертью он не шутил.

— А и черт с ним! — так же кратко резюмировал Молчанов. — Желаете теперь остальных допросить? С кого начнете?

— С самого молодого, конечно. Надеюсь, два дня одиночки подготовили почву для беседы.

— Откуда одиночки? — удивился смотритель. — Они сидят в общей камере, все трое.

— Как в общей? — воскликнул Алексей. — Эх! Зачем в общей?

— Указание титулярного советника Нарбутта.

— Черт! Теперь их без толку допрашивать!

— Почему? — не понял Егор.

— Потому что они уже сговорились. И будут теперь валить все на мертвого Гришку. Знать не знаем, ведать не ведаем… Эх, Витольд Зенонович! Опытный ведь человек. Для чего он так сделал?

— А потому — поляк! — неожиданно сообщил Молчанов.

— Поясните вашу мысль.

— В рассуждения высокого разума господина Нарбутта я войти-с не могу-с! Умишком не вышел! Но не зря, видать, его из начальников отделения турнули…

— Понятно. Прикажите привести арестованных.

Начался рутинный допрос. Лыков вызывал уголовных по очереди и спрашивал одно и то же. Иванов стал было записывать ответы, но скоро прекратил это бесполезное занятие.

Алексея интересовали подробности обоих убийств — ротмистра Емельянова и штабс-капитана Сергеева-третьего. Особенно он напирал на последнее преступление. Где гайменники налетели на свою жертву? Кто нанес смертельный удар? Кто отвозил умирающего на свалку?

Все трое ответили одинаково: это не мы! Гришка действовал один, а остальные сидели в притоне и целыми днями дулись в карты. Скучали да мечтали в Россию вернуться! Потому — в Польше русскому фартовому швах…

Махнув рукой, коллежский асессор велел смотрителю изготовить со всех троих фотографические портреты и отослать их в петербургское сыскное для опознания. Три варшавских узника явно давали о себе ложные сведения. Это старая уловка уголовных — врать и путать следы. По виду ребят ясно, что они рецидивисты. За Гришкой числилось много кровавых дел в столице. Если фартовых опознают, то вытребуют в Петербург и там закатают по полной…

Лыков был раздражен неудачей, хотя другого и нельзя было ожидать. Опасения Нарбутта подтвердились. Перед допросом Яна Касъера требовалось собраться с мыслями, и Алексей вывел помощника на улицу. Они сели в пийяльне[40] и выпили по пиву; сыщик был задумчив.

Вдруг он скомандовал:

— Айда на телеграф!

— Зачем?

— Отобью Дурново экспресс, что розыск законченным не считаю и остаюсь в Варшаве.

— Ух ты! А для чего?

— Сам пока не очень понимаю. Но что-то не так. Слишком уж просто все разрешилось.

— Чего же простого? — возразил помощник, хотя, видимо, обрадовался решению шефа. — По штабс-капитану мы имеем свидетеля. Новец-младший на большого актера не похож. На «мельницу» он нас вывел. В том, что Сергеева зарезал Гришка, сомнений нет. Вот часы Емельянова — да, слабая улика. Они могли оказаться у маза случайно. В карты выиграл или купил… Необязательно, кстати, что и у убийцы! Кто-то так же, как давеча Эйсымонт, обобрал труп пристава, лежащий под забором. Но здесь тупик. У Гришки уже не спросишь.

— Зато спросишь у Яна Касъера, — пробурчал коллежский асессор. — Идем обратно в «Павяк».

Когда сыщики вернулись на Дзельную, Молчанов собирался в магистрат. Услышал требование, дал команду вызвать Новца и удалился. А Лыкова ожидал второй сюрприз. Оказалось, что дядя Янек томится в одиночной дворянской камере, а питание получает из ресторана. И это тоже сделано по распоряжению Нарбутта.

— Что все это значит? — спросил Алексей у Иванова.

— Вообще-то здесь так принято. Люди стараются ладить. При аресте могут и пострелять друг в дружку. А встретившись случайно на улице, сыщик и вор вежливо раскланиваются. Поляки — такой народ.

— Или Витольд Зенонович выстраивает с Янеком особые отношения, — предположил Лыков.

— То есть хочет сделать его осведом?[41] Это стало бы большой удачей! Ян Касъер — фигура, он много знает такого, что интересует сыскную полицию. А Нарбутт — сыщик от бога! Он на голову выше того же Гриневецкого, который формально его начальник.

— Что за человек пан Нарбутт? Всегда застегнутый, держит дистанцию. Такому в душу не заглянешь.

— Да, он закрыт для всех. Кроме Гриневецкого и старшего агента Степковского. Витольд Зенонович очень справедливый и порядочный. При этом большой патриот, не переваривает русских. Чего и не скрывает. Жаль, конечно. Именно с такими поляками и надо сотрудничать.

— И договариваться.

— И договариваться.

Надзиратель ввел притонодержателя. Дядя Янек выглядел вполне благополучно. В домашней куртке из полубархата со щегольскими бранденбурами, он походил на зажиточного помещика, а не на арестанта. К Лыкову поляк отнесся без интереса. Не то чтобы высокомерно, но с безразличием.

— Вы принимали у себя убийцу русских офицеров, — жестко начал коллежский асессор. — Теперь за это придется ответить.

— Пусть сперва на суде докажут, что я знал об этом.

— Ну, если докажут, — недобро усмехнулся Лыков, — тогда двенадцать лет каторги с навечным поселением в Сибири. Варшаву ты… вы больше не увидите. Никогда.

Новец-старший лишь молча пожал плечами.

— Но если вы поможете розыску, прокурор учтет это на суде.

— Я держал подпольный игорный дом. Давал людям немножко развлечься и имел с этого скромный доход. Вот за это и отвечу. А про дела убийц спрашивайте у них самих. Да еще у Гришки, которого вы же и застрелили…

У притонодержателя была твердая позиция. С такой не сбить! Все арестованные на Бураковской подтвердят: свечи менял да бутылки разносил… Но где-то в броне Яна Касъера есть щель. Ежели он был в курсе кровавых дел своих клиентов, как это обнаружить? Вот сейчас покажу ему мыльницу и посмотрю, что он запоет, решил Лыков. К такому обороту старый громила вряд ли готов…

Он выложил предмет на стол и спросил резко:

— Ну, а что вы скажете об этом?

Старик повертел мыльницу в руках, наморщил лоб, что-то вспоминая.

— Знакомая вещь. Не в устэмпе взяли?

— Да, в нужнике, — ответил Иванов, одновременно пояснив шефу вопрос.

— Жилец один забыл, я и пристроил к делу. А что?

— Какой жилец? Когда поселился и когда съехал? — настойчиво потребовал Лыков.

— Да князь у меня жил. Кавказский князь. Две недели, в прошлом году. Месяца не помню, но зимой.

— Как ему фамилия?

— Яшвиль. Князь Яшвиль, отставной гвардейский поручик. А что? Пустяковая штука, пять грошей стоит. Не выбрасывать же…

Лыков почувствовал себя в одночасье обманутым. Было очевидно, что Новец говорит правду. Род имеретинских князей Яшвилей слишком известный. Приезд его сиятельства в Варшаву легко проверить. А отметки в домовой книге укажут, останавливался ли он в доме на Бураковской. Вся идея с пропавшим Яшиным рухнула на глазах. И в то же время старый медвежатник явно что-то скрывает… Убийца штабс-капитана был у него в притоне. Часы… Если их подбросили, удобнее всего было это проделать именно Новцу Ну, дядюшка, найдем и на тебя управу! Рано ты успокоился…

Лыков отослал арестанта в коридор и вызвал помощника смотрителя. Вошел дюжий малый сурового вида.

— Поляки среди тюремной стражи есть?

— Никак нет, одни русские.

— В коридоре ошивается Ян Новец. Немедленно перевести его в карцер, самый загаженный и холодный.

— Есть!

— Из пищи давать лишь хлеб и воду. Довольствие из ресторана запрещаю.

— Давно пора! — с чувством произнес тюремщик. — А то я дома так не кушаю, как этот шильник! А только, ваше высокоблагородие, ежели он жалобу какую настрочит? Плохое содержание там и прочее… По закону Новец токмо подследственный…

— Жалобу принять, ходу ей не давать, передать мне.

— Вот это правильно! — заявил помощник смотрителя. — А то поляк поляка покрывает, а ты молчи да потакай… Устроили из темницы санаторию! Степковский вон пояса из собаки привозит… Сделаю, как вы велели. Можем и тово… устроить ему сладкую жизнь. Помочь розыску, так сказать, ежели не сознается. — И добавил осторожно: — Опыт такой имеем…

— Нет, — ответил сыщик. — Если я найду улики, то сидеть он будет не у вас, а в Цитадели. Там, чай, свои мастера имеются?

— Ого-го! Лучшие во всей Варшаве! Так отлакомят по спине, что все расскажет!

— А вы сделайте вот что. Когда нашего барина как следует припрет, он постарается передать на волю записку…

— У нас это не дозволяется! — строго перебил Лыкова тюремщик.

— Нигде не дозволяется. И везде в заводе.

— Но…

— Молчите и слушайте!

— Есть!

— Вы плохо прочитали мои бумаги. Я чиновник особых поручений Департамента полиции. Особых! Меня не интересуют ваши маленькие гешефты. Министр граф Толстой командировал меня в Варшаву не для этого, а для поиска убийц русских офицеров.

Помощник смотрителя мрачно гонял по круглому лицу желваки.

— По всей империи есть арестантская почта, и у вас, конечно, тоже. Повторяю: меня это не интересует. Но когда Ян Новец — и только он! — попытается отослать на волю записку, эта бумага должна оказаться у меня. Я полностью доверяю вам и смотрителю, господину Молчанову. Вам лучше знать, как именно исполнить поручение. Повторю: речь идет об убийцах наших офицеров.

В мрачных недоверчивых глазах тюремщика что-то мелькнуло. Лыков протянул ему руку, и тот пожал ее.

— Так что… исполним, ваше высокоблагородие. Только уж вы… не во вред…

Глава 7

Паутина

Сыщики вышли на улицу, и Егор тут же набросился на начальника:

— Алексей Николаевич! Я ничего не понял! Что за письмо должен передать Новец и кому? Разъясните, ради Христа!

— Да я и сам пока наугад бью, — признался Лыков. — Но кто-то ловко навесил Гришке убийство пристава Емельянова.

— Кто?

— Говорю же: пока не знаю.

— А зачем?

— Чтобы я уехал. Прекратил розыск и вернулся в Петербург. В лаврах героя, который пришел, увидел, победил.

— Так вы подозреваете Гриневецкого? — ахнул Егор.

— Ты что, с бани съехал? Зачем это ему? Тут проделка фартовых. Валят с больной головы на здоровую. А Гриневецкий с Нарбуттом делают вид, что верят. Им важно, чтобы ревизор поскорее уехал, а они сами потом разберутся, без посторонних.

— Стойте! — Иванов даже схватил Алексея за рукав. — А вдруг это политические убийства? Новые польские повстанцы! Надо срочно жандармов известить.

Сыщик рассмеялся.

— Политические убийства требуют немедленной огласки. Так, мол, и так, наша партия пришибла царского сатрапа. Иначе какой в них смысл? Здесь же все тихо.

Егор задумался.

— А Ян Касъер при чем?

— Он что-то знает, но ему велено молчать.

— Кем велено?

— Убийцами, конечно.

— Не сходятся концы.

— Пока да. Но соберем улики, и концы сойдутся.

— Нет, тут серьезная неувязка! Вы говорите: на Гришку навесили чужое преступление. Но никто же не мог предположить, что вы застрелите его при аресте! Что я побегу не на лестницу, а в глубь квартиры, где и попаду ему в руки. Этого я и сам от себя не ожидал…

— Часы в кармане Гришки — единственное, что связывает его с убийством пристава Емельянова. Их нашел Яроховский. Если он и подложил эти часы, то зачем?

— Чтобы вы быстрее уехали! Сами только что сказали.

— Слишком надуманно. Тогда выходит, что вся головка варшавской сыскной полиции знает убийц и покрывает их. Как такое возможно? Фантасмагория. Вероятнее другое. Убийцы Емельянова узнали от Яна Касъера, что его племянник разжился на свалке от трупа офицера. Дальше им оставалось лишь сунуть Гришке в карман часы. Или в карты проиграть. А потом смыться, не дожидаясь облавы.

— Значит, младший Новец играл перед нами спектакль?

— Да, и довольно ловко.

— Ну не похож он на Щепкина!

— В тебе говорит неопытность. Мало ты еще общался с уголовными. А я уж нагляделся всех мастей! Поверь, среди фартовых много лицедеев. Сам род их занятий часто требует известного артистизма. Еще слушая рассказ Эйсымонта, и потом, когда он так запросто согласился написать записку дяде… Тогда я уже почуял неладное. Но затем решил, что померещилось.

— Но если бы мы захватили Гришку живым? Ну, отыскали у него в кармане часы. И что с того?

— Это был бы его конец. В глазах и прокурора, и суда. Тем более здесь, в Варшаве! Русский убил русского… Все остались бы довольны.

— Но где улики?

— Часы и стали бы уликой.

— Так одних часов мало! Ваши же слова!

— Для суда достаточно. Почему не поверить? Потому, что Гришка сказал, что их ему подбросили? Уголовные все так говорят. Знакомая песня. Штабс-капитана Сергеева зарезал точно он. Ну, значит, и Емельянова тоже. Нет, задумано было хорошо. Попадись Худой Рот живым, никто бы не поверил ему, что он эти часы, допустим, выиграл в карты… И то, что он замолчал навеки, — только нежданная премия. Осудили бы наверняка. Но ребята сделали одну ошибку.

— Недооценили сыщика из Петербурга?

— Нет. По крайней мере, я им не мешал. И купился так же, как и все. Ошибка в другом. Настоящие убийцы пристава рано успокоились. Они подумали, что все забыли о смерти подпоручика Яшина.

— Опять Яшин! Почему вы так уверены, что его убили? Что он не сбежал, например, от кредиторов?

— Доказательства у меня отсутствуют. Формально варшавская полиция права: нет трупа — нет убийства. Но я понимаю теперь, что недоработал. Скоротечный розыск. Ссора с Сергеевым, штурм притона, часы — всего за сутки! Такая кутерьма! Одним махом всех побивахом… Пора домой возвращаться. И только в глубине мозга что-то свербит и противится. Когда я нашел мыльницу с буквами «Яш», то понял, что меня беспокоит. Пропажа подпоручика. Она одна не вписывается в красивую картинку. И хотя мыльница оказалась не его, свое дело она сделала — напомнила об этой фамилии. Поэтому, Егор, мы теперь занимаемся Яшиным. Где материалы по делу?

— Нигде. Следователь не открыл дознания. Яшин просто числится безвестно сгинувшим.

— Когда он пропал?

— В феврале, а числа не помню. Никто и значения не придал. Он молодой был. Только-только пришел в полицию и полгода не прослужил. Ничем себя не проявил, приятелей не завел. Так, пустое место.

— Значит, надо идти к его участковому приставу, расспросить его.

Иванов наморщил лоб, силясь что-то вспомнить.

— Яшин служил в Вольском участке… Там сейчас новый пристав, он нам не помощник. Если кого и спрашивать, то Бурундукова.

— Это что за гусь? — рассмеялся Лыков. — Фамилия какая-то… зоологическая.

Письмоводитель обиделся.

— Капитан Амвросий Акимович Бурундуков вовсе не гусь, а очень даже приличный человек! Владимира с мечами за войну с турками имеет! Сейчас он пристав Повонзковского участка, заместо убитого Емельянова. А в феврале был старшим помощником пристава Вольского участка. Именно Бурундуков учил Яшина полицейскому делу. Если кто и расскажет нам о пропавшем, так это он! Кстати, и покойному ротмистру Емельянову он был товарищ. Приходил к Гриневецкому, скандалил, что сыскное плохо его убийц ищет.

— Вот как?

— Да. Правда, он тогда выпимши был…

— И часто твой Бурундуков выпивает? А то сейчас явимся к нему, а он нам пьяную блажь выкинет.

— Нет, Амвросий Акимович не из таких. У него принцип: пей, да дело разумей! Говорю же: хороший дядька!

Лыков и сам уже вспомнил немолодого сутулого капитана с боевым Владимиром на кафтане. Он явился на «мельницу», когда все уже было кончено, и руководил оцеплением.

Спокойный и немногословный, пристав понравился Алексею. Он не лез на глаза начальству, не суетился и делал все методично и правильно. Капитана и коллежского асессора просто не успели познакомить. Лыкова с головной болью увезли домой, а пристав остался.

— Давай доложимся Эрнесту Феликсовичу и поедем к Бурундукову.

Когда сыщики ввалились к Гриневецкому, там все еще сидел Нарбутт. Руководство пило кофе. В вестибюле ратуши стоял киоск, в котором работала знаменитая кофеварка[42] пани Михалина. Оттуда в сыскное носили этот напиток с утра до вечера.

— А, полицейские силы, подчиненные Лыкову! — съязвил титулярный советник. — Налить вам чашечку?

— А чаю у вас нету?

Нарбутт виновато развел руками.

— Тут его не пьют, увы. Пиво есть в бутылке. Не желаете? Ну, тогда терпите до дома.

— Да я пока уезжать не собираюсь.

— Почему? — удивился Витольд Зенонович. — Приказа надо дождаться? Понимаю. После праздников придет.

— Приказа не будет. Расследование обстоятельств смерти пристава Емельянова еще не закончено.

— Как не закончено? — в один голос вскричали оба пана. А Гриневецкий через секунду добавил:

— Но обер-полицмейстер уже доложил министру, что убийцы офицеров отысканы. При вашем активном участии. Чего же еще расследовать?

— Обер-полицмейстер поторопился. И потом, указанное дело не подведомственно местной полиции. Его веду я. И только мне решать, когда прекращать розыск.

— У вас выйдет тогда конфликт с генералом Толстым, — осуждающе покачал головой надворный советник. — Он сочтет ваши действия самоуправством и вторжением в свою компетенцию.

— Эрнест Феликсович! — рассердился Лыков. — Вам что важнее — поймать убийцу или поберечь самолюбие генерала?

— Поймать убийцу.

— Вот этим и будем заниматься. А ваш «маленький» Толстой пусть пока спишется с

«большим» Толстым. И у него выяснит границы своей компетенции.

— Хорошо, тут мы поняли, — примирительно сказал Нарбутт. — Мы не поняли другое. Почему вы решили, что требуется продолжить розыск? Гришка Худой Рот убит. У нас есть свидетель его участия в смерти штабс-капитана Сергеева. На теле уголовного обнаружены также часы, принадлежащие приставу Емельянову. Что вас не устраивает?

— Витольд Зенонович, вы опытный сыщик. Отвечаю вопросом на вопрос. Вам самому не кажется, что одних часов мало, чтобы счесть Гришку убийцей еще и ротмистра Емельянова?

Паны переглянулись, и Лыков не понял, что они хотели сказать друг другу.

— Мало? Часов? Ну, это как поглядеть…

— А как нужно глядеть, чтобы ими удовольствоваться?

— Единственным абсолютным доказательством было бы признание самого преступника, — начал Витольд Зенонович. — Но благодаря вашему меткому выстрелу оно теперь невозможно. Кстати, я до сих пор под впечатлением! Где вы этому научились? Так вот. За смертью Гришки мы вынуждены оперировать второстепенными фактами. Его головорезы никогда не сознаются. Более того, они отрицают даже свое участие в убийстве пограничного штабс-капитана. И мы не сумеем на суде доказать их вину. Ян Касъер вообще отделается арестным домом. У нас только косвенные улики! И часы в таковом качестве вполне сойдут. Это серьезное дока зательство.

— Соглашусь, что серьезное. Но недостаточное.

— Послушайте, Алексей Николаевич! — взволнованно заговорил Гриневецкий. — Почему вы сомневаетесь в часах? У вас есть какие-то подозрения?

— Я допускаю, что их могли подбросить Гришке.

Надворный советник встал.

— Часы покойного пристава обнаружил мой подчиненный губернский секретарь Яроховский. Вы его обвиняете? Извольте объясниться!

Лыкову тоже пришлось подняться.

— Нет, конечно. Франц Фомич вне подозрений. Я подозреваю тут хитрость уголовных.

— По-прежнему ничего не понимаю!

— Давайте все же присядем. Так лучше… Я поясню. На мой взгляд, находка часов Емельянова никакая не улика. Она единственная, других нет, и все ваши выводы о причастности Гришки строятся исключительно на ней. Но что, если часы подброшены?

— Кем, черт побери? Яроховским?

— Настоящими убийцами Емельянова.

— Вот как? И кто они?

— Пока не знаю. Могу лишь высказать предположение.

— Уж извольте!

— Изволю, изволю. Вы, Эрнест Феликсович, успокойтесь. Иначе ясность понимания к вам не вернется.

— Я спокоен, господин коллежский асессор. Давайте ваши предположения.

— Эйсымонт Новец сказал нам неправду…

— Что вы говорите? Значит, штабс-капитана Гришка тоже не убивал? Ну вы даете!

— Новец сказал не всю правду. Сергеева-третьего Гришка Худой Рот действительно зарезал. Но в одном доме решили это использовать. И повесить на русского уголовного свой грех.

— Что за «один дом»? — раздраженно фыркнул начальник отделения. — У вас догадки

или домыслы?

— Помолчи, Эрнест! — приказал ему Нарбутт. — Я, кажется, понимаю.

— Такой серьезный обман сыскной полиции, с подставным свидетелем, с облавой на «мельнице», где попались несколько воров… Это не мог замыслить ни рядовой преступник, ни даже маз. Тут видна рука крупного деятеля…

— Велки Эугениуша, — закончил за Лыкова его мысль Нарбутт.

— Да. И Ян Касъер тоже выполнял его поручение. Полагаю, он и подбросил часы Гришке накануне облавы. Или в карты проиграл. Или продал.

— Чепуха! — возразил Гриневецкий. — Если бы мы взяли Гришку живым, он сразу указал бы нам на истинного владельца часов.

— И ты бы ему поверил? — живо отреагировал Нарбутт. — Я — нет.

— Ну… дядя Янек выставил бы свидетеля, который давно наблюдал этот трофей у Гришки, — подхватил Алексей.

— А могло быть еще проще, — вторгся в высокий разговор не имеющий чина.

— Ну-ка, поучите старших, докажите! — добродушно ухмыль нулся Нарбутт.

— Дочки Яна Касъера могли незаметно сунуть. Я, когда там прислуживал, нагляделся. Семейное дело!

— Что, они оказывали горизонтальные услуги?

— В наилучшем виде. Игорно-публичный дом.

— Это что-то новенькое, — констатировал Витольд Зенонович. — Ай да Янек! Соглашусь, в таком случае часы можно было подбросить без помех. Но кто же теперь в этом сознается? Мы опять возвращаемся в область догадок.

Гриневецкий сменил раздражение на сдержанный скептицизм.

— Не уверен, не уверен… Почему вы сомневаетесь в Гришкиной причастности? Кто убил одного, убьет и второго.

— Уж больно все сошлось. Так, словно это было нужно. И понятно кому…

— Вы полагаете, что пристава Емельянова приказал устранить Велки Эугениуш?

— Да. Видать, сильно он мешал вашему «ивану».

— Так-так… — начал рассуждать вслух надворный советник. — Тот же Эугениуш велел заранее поселить в Варшаве несколько русских головорезов. С намерением использовать их как подставные фигуры. Витольд, я правильно понял нашего гостя?

— Да. А что? Это похоже на многоумного пана Эугениуша!

— А потом «иван» стал ждать, — продолжил рассказ Лыков.

— Ждать? Чего?

— Второго убийства, которое мы должны были непременно раскрыть. В чем нам и помог «свидетель» Эйсымонт Новец. Вот семейка!

— А если бы это второе убийство не состоялось? — спросил Нарбутт. — Гришка не кукла, которую можно дергать за ниточ ки. Он мог и сбежать из города.

— Гришка не кукла, — согласился Алексей. — Он патентованный душегуб. И резать людей — его главное занятие. Рано или поздно он бы кого-нибудь прикончил в Варшаве, как делал это в Петербурге.

— Но почему не предположить другое? — возразил Гриневецкий. — Что Велки Эугениуш привез из столицы банду убийц, чтобы те убрали неудобного пристава?

— Если бы Худой Рот зарезал здесь полицейского офицера, стал бы он после этого два месяца спокойно жить в Варшаве?

— Э-э…

— Вряд ли. Сделал дело — гуляй смело. Подальше отсюда. А если бы вдруг громилы попались вам? И на допросе назвали бы заказчика? Зачем «ивану» такой риск? Нет. Гришка — подставное лицо. Ложный след. Притом что он действительно убийца — но не Емельянова.

— Не слишком ли сложно? — недоверчиво спросил Эрнест Феликсович.

— А на мой взгляд, вполне правдоподобно, — возразил ему Нарбутт. — Но недоказуемо. Это иногда бывает в сыске. Ты все знаешь, а улик не собрал. И ничего не можешь поделать.

Титулярный советник слово в слово повторил одну из сентенций Благово. Уезжая в Петербург из Нижнего Новгорода, Павел Афанасьевич не завершил одно дело. Некий Лельков достоверно отравил свою жену, чтобы сочетаться потом с ее сестрой. И остался на свободе. Как он там сейчас? Поймали ли его нижегородские сыщики?

— Мы с Егором Саввичем попробуем подобраться к разгадке с новой стороны. А именно — займемся пропажей подпоручика Яшина.

— Кстати, а что с вашей находкой? — вспомнил Витольд Зенонович. — Чья оказалась мыльница?

— Касъер опознал ее как забытую одним его жильцом. Неким князем Яшвилем. Оттуда и буквы на днище.

— Князь Яшвиль? — вскричал Нарбутт. — Лев Владимирович? Помню этого кавказского человека! Редкий… пустозвон? Так, кажется?

— Так. Вы с ним встречались?

— Да, в декабре. Бывший лейб-гусар, вышедший в отставку и ищущий приложение своему длинному языку. Он хвалился мне, что его прадед сбил с ног несчастного императора Павла Первого. А уж потом налетели другие заговорщики и задушили государя.

— Да, нашел чем хвалиться… — пробормотал Алексей. — Но я должен все же проверить отметку о прописке князя по домовой книге.

— Книга у Степковского, мы забрали ее при обыске. Но поче му вы снова вернулись к подпоручику?

— Возможно, его тоже убили.

— Убили? — опешил Эрнест Феликсович. — Это младшего помощника Вольского пристава?

— Его самого.

— Ох, свалились на мою голову несчастья… Решили варшавской полиции статистику испортить? Начали уже убийства выдумывать? Совесть надо иметь!

— Почему вы так легко списали эту пропажу?

— Яшин ваш и двух месяцев не прослужил! Молодой, а уже развращенный.

— Да он картежник! — поддержал друга Нарбутт. — Из полка выгнан за игру.

— Из какого полка, не помните?

— Нет, но можно найти формуляр в канцелярии. Мы провели дознание, по итогам которого следователь отказался открывать дело. Очевидно, что мальчишка просто сбежал. Вероятнее всего, от кредиторов. Вещи были загодя вывезены из квартиры и отправлены на вокзал. Накануне Яшин занял денег у капитана Бурундукова, который его учил. Совсем бессовестный! Жалованье в полиции небольшое, у капитана четверо детей, а он выманил сумму и скрылся…

— Я должен все проверить еще раз, — упрямо заявил Лыков.

— Ваше право. Начать лучше с того же Бурундукова, — вежливо посоветовал Витольд Зенонович.

На этом они расстались. Лыков внимательно пролистал домовую книгу владения Новца на Бураковской. Действительно, князь Лев Владимирович Яшвиль прожил там две недели в декабре прошлого года. Записи об этом, с пометкой помощника пристава Повонзковского участка, внушали доверие. Расположение записей, цвет чернил и мастики — все было в порядке. Правда, между отметками оставалось много места и при желании имелась возможность вписать что-то между строк. Но это легко проверить в самом участке.

Алексей и его «летучий отряд» отправились на Гусью. Повон зковское управление располагалось всего в ста саженях от квартиры сыщика.

Коллежский асессор на своем веку повидал не одно полицейское присутствие. То, что он обнаружил на Гусьей, оказалось из того же ряда. Грязно, как-то по-особенному неуютно, пахнет дешевым табаком. Казенная мебель сильно разнилась с элегантной обстановкой в сыскной полиции. Одно удивило Алексея: в коридорах и в комнатах были расставлены стулья. Такое он встретил впервые.

— Здесь в штате есть поляки? — спросил Лыков у Егора.

— Нет, только русские. В Замковом и Соборном участках служат несколько человек, а так все наши.

— Тогда, может, нам хоть чаю нальют… — размечтался сыщик, и надежды его тут же оправдались. Узнав, кто к нему пришел, капитан выскочил в приемную и обрадованно забасил:

— Вот хорошо! А то я уж сам собрался на Сенаторскую. Прохор! Самовар, живо!

Бурундуков являл собой замечательный образчик русского служивого человека. Неглупый, ответственный, добродушный в быту и строгий в делах, он правил в участке крепко, но без тиранства. Лыков слышал в приемной польскую речь, но никто не кинулся составлять за это протокол. Люди в коридорах не выглядели зашуганными. Поляки, евреи и немцы — русских не было ни одного — сдавали на прописку паспорта, требовали справки, писали заявления; шла рутинная работа. Беседу пристава с гостями часто прерывал канцелярист со срочными бумагами. Но все крутилось тихо и размеренно, и это была деловая монотонность, не мертвая…

Лыков начал разговор со стульев, так его поразивших.

— Никогда не видел подобного в полицейском присутствии!

Бурундуков неожиданно смутился.

— Ну… у нас иногда бывает людно… Что ж им стоять?

— Везде бывает людно, а стулья только у вас. Как удалось подписать ассигновку?

Капитан окончательно смешался.

— Так вышло. Тетушка померла и оставила некоторую сумму…

— Что? Вы купили стулья из собственных средств?

— Иначе никак! — стал оправдываться пристав. — Трижды входил с рапортом. Отказали! А неловко. Заходишь в участок — они стоят. Есть и пожилые, и безногие. А тут тетушка преставилась…

— От своих четверых детей отобрали?

— А что было делать?

— Ну, Амвросий Акимович, мы с вами сработаемся, — с чувством произнес Лыков.

Тут как раз внесли самовар. Алексей налил в чашку крепкого ароматного чаю и аж зажмурился от удовольствия.

— Синьхуан розовый? Вот спасибо. Плохо в Варшаве русскому человеку — только кофей

предлагают.

Бурундуков польщенно улыбнулся в усы:

— Да, у нас в участке с этим строго. Сам люблю и других поощряю. Как соскучитесь по чайку, приходите — будем рады!

— Ох, я ведь могу и зачастить! Спасибо!

— Вам спасибо, Алексей Николаевич. Это ведь вы застрелили главаря? Который Валериана Емельянова зарезал… Товарищ мой был. Выходит, и за меня отомстили. Я же сам пытался убийц искать! Да куда там — дел невпроворот… А сыскные — Егор не даст соврать — не больно и старались. А вы приехали и враз всё раскрутили. Это я понимаю — сыщик!

Лыков отставил чашку и сказал, понизив голос:

— Ничего я не раскрутил. Да и нельзя раскрыть сложное преступление за сутки. Враки это.

— Как так? — опешил пристав.

— Мы к вам, Амвросий Акимович, для того и пришли. Я считаю, что Гришка — тот, кого я застрелил, — пристава Емельянова не убивал.

— Но часы! У него же нашли часы! Мне их показали — это Валериана вещь.

— Часы, скорее всего, подбросили.

— Кто?

— Настоящие убийцы вашего товарища.

И Лыков рассказал приставу, почему он не верит в улику с часами. В Амвросии Акимовиче пробудился полицейский офицер. Он поразмышлял чуток, потом согласно кивнул:

— Да, надо разобраться. И я тоже тогда удивился: как все ловко сошлось! Но дел же невпроворот, подумать некогда. Опять-таки, сыскным виднее… А тут вон что! Сейчас и я вижу натяжку. Но Гриневецкий с Нарбуттом что на это говорят?

— Их бы, конечно, очень устроило, чтобы я собрал манатки и уехал.

Бурундуков насторожился.

— Вы их в чем-то подозреваете?

— Никакого заговора тут нет. Просто местным никогда не нравятся проверяющие из столицы. Мало ли какой рапорт они потом подадут министру? Вот паны и торопятся вернуть меня к жене.

— И все?

— И все. Они умные люди, особенно Витольд Зенонович. Уж этот никак не мог поверить в мой столь быстрый успех! Но решил сплавить гения сыска. И разобраться потом сам. Думаю, логика была такая: поляков должны ловить поляки.

— Очень возможно, — заявил Бурундуков. — Про Нарбутта вы верно сказали. Этот зрит на два аршина! Все уголовные его боятся. Бугай Гриневецкий при нем навроде приложения с картинками. Но дальше-то что? Как ловить Большого Евгения?

— Никак. Такие люди сами уже давно не совершают ничего противозаконного. У них на это есть исполнители. Их и будем искать.

— Ага… Вы, значит, надеетесь, что они где-то наследили?

— Да. Требуется изучить обстоятельства смерти пристава Емельянова еще раз, свежим взглядом. Тут вы нам и будете полезны.

— Завсегда! — сверкнул глазами Бурундуков. — Значит, Валериан не отомщенный? А я-

то, дурак, обрадовался. Располагайте мною!

— Очень хорошо. Мы начнем с исчезновения подпоручика Яшина.

— Сашки? На что он вам сдался? Пустой человек! Денег у меня занял, стервец. Семьдесят пять рублей! Чуть не месячное жалованье. Супружница до сих пор корит… Нет, это у вас зряшная затея!

— И все же, Амвросий Акимович. Расскажите нам об этом пустом человеке. С самого начала!

Бурундуков вздохнул, вынул из стола турецкую трубку — явно трофей с войны, — набил ее табаком и раскурил.

— С самого начала… Эхе-хе… Начало было такое. Прислали нам в Вольский участок нового офицера. Я в то время служил старшим помощником пристава и тащил, можно сказать, всю фуру один. Пристав болел и на службе не появлялся. Он теперь в отставке… Ну, и явился к нам Сашка Яшин, только что выброшенный из полка.

— Из какого именно?

— Полк у него был хороший, 32-й пехотный Кременчугский.

— За что выбросили? За карточные долги?

— Нет, что вы! — удивился капитан. — Он карт как огня боялся! Юнкером еще проиграл шесть тысяч. Отцу пришлось под векселя денег занимать, за дурака-сына расплачиваться. С тех пор как отрезало.

— Странно. Мне в сыскном говорили, что Яшин был картежник. И сбежал, скорее всего, от долгов.

Амвросий Акимович невесело усмехнулся:

— Если и были у него долги, то лишь мои три четвертных билета. Никто другой не доверил бы Сашке ни копейки. А в карты он совсем не играл! И как я тогда поддался? Старый дурень! Яшин прибежал вечером ко мне на квартиру, чуть не плачет. Спасите, говорит, надо позарез! Лица на нем не было. Просил сто. Я поостерегся. Да и накладно, имея четверых детей, такие суммы одалживать. Вынес ему семьдесят пять, тайком от супружницы. Он мне чуть руки не целовал! И вот итог… Стыда во лбу нет у людей. Я, признаться, первые месяцы ждал. Думал, не может такого быть, заест парня совесть и пришлет он мне эти жалкие три билета. Или хоть часть. А теперь уж и рукой махнул. Наука!

— Когда это произошло?

— В ночь перед его пропажей.

— Вы даже не допустили мысли, что подпоручик пал жертвой преступления. И сейчас не допускаете. Почему?

— Да кому он был нужен? Ведь щенок, чистый щенок, хотя и с норовом. Грабить? Так у него и взять было нечего. Столкновение по службе? Но он ничего не решал. Я же говорю: пустой малый. Из таких, знаете, ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса. Но при этом склочный. Вот нельзя таким людям власть давать, особенно полицейскую! Сам никто и звать никак, но сделался помощником пристава и тут же настроил против себя обывателей.

— Чем же? Только вы сказали, что Яшин по службе ничего не решал.

— Сама его должность предполагает решение многих вопросов. Но сначала надо научиться! А этого-то Сашка и не хотел. Отлынивал, водотолчу разводил. Но обывателя, стервец, прямо дразнил! Нарочно, со зла. Поляков ненавидел. Как заступил на должность, тут же и начал. Очень Яшину нравилось, что он служит именно в Вольском участке. И всем приходящим панам он объявлял, что вышел из Кременчугского полка. А полк этот получил

Георгиевские знамена в августе 1830 года, в Польское восстание, именно за штурм пригорода Воля. И он, Яшин, будет теперь в участке поддерживать славные традиции полка! Вот. Для чего он это делал? Злой был, злой. Старался, где можно и нельзя, притеснять население. Я его осаживал не раз, и убеждал, и просил, и требовал. Хоть кол теши… Власть, конечно, должна применять строгость. Но разумную! По необходимости! А тут… без нужды раздражать поляков… Для чего? А ему нравилось.

— Что, если его убили именно за это? А тело спрятали?

— Сказка, — уверенно ответил Бурундуков. — Поляки сейчас тихие. Готовятся, конечно, — я же вижу! Но не сегодня и не завтра. Силенки копят. Да и фигура Яшин был мелкая, по правде сказать — ничтожная. И вещи он аккуратно все загодя с квартиры вывез. Нет, тут что-то другое. Может, любовь завелась у дурака? Случается и не с такими.

— А он ветреный был человек?

— У-у! В голове не ветер, а ураган гулял! Никогда не знаешь, что он выкинет через час. Его ведь из полка за что выбро сили? Он ксендза оскорбил!

— Каким образом?

— Подробностей Сашка не рассказывал. Знаю только, что по пьяному делу. Кременчугский полк стоит в Варшавской губернии побатальонно в разных местах. Ну, наш намулындился и поперся в костел. Зачем? Видать, скандалу хотелось. И вышел у него славный скандал! Говорили даже, что он ударил ксендза. С дурака станется! Да… Уж на что в нашей армии поляков не любят и даже иной раз приветствуют злые шутки, но тут командование смутилось. Все же священнослужитель… И указало Сашке на дверь.

— Как же обер-полицмейстер Толстой взял на службу такого офицера? С его-то мировоззрением.

Бурундуков нахмурился.

— Видать, кому-то на самом верху Сашкина проделка понравилась. И они добились того, что генерал-адъютант Гурко подписал отношение к президенту Варшавы. Толстому пришлось взять скандалиста. С испытательным сроком. И когда тот срока не выдержал и сбежал, все вздохнули с облегчением.

— Понятно. — Лыков отодвинул чашку и встал. — Хороший у вас чай. Буду заходить!

— Уже все? — встревожился пристав.

— Дел у вас много, пора нам и честь знать.

— Но… я должен вам чем-нибудь помочь. За Валерьяна.

— Дайте нам сейчас толкового человека, чтобы провел на бывшую квартиру Яшина.

— Ага. А еще что?

— Я подумаю и составлю план дознания.

Бурундуков молча смотрел на коллежского асессора, потом решился спросить:

— Вы рассчитываете?..

— Да. Я собираюсь доказать, что имело место преступление. Сейчас, правда, будет перерыв. Надо съездить в Германию. Но после праздников я вернусь и обсудим. Нам с Егором понадобится ваша помощь, и не только чайным довольствием.

На этом они расстались. Городовой первого разряда, степенный и услужливый, отвел сыщиков на Крахмальную улицу. Там пропавший подпоручик снимал квартиру у хозяина бельевого магазина. Две крохотные комнатки окнами во двор. Алексей обыскал их с большим тщанием, но ничего не обнаружил. Иванов внимательно наблюдал за действиями шефа — учился. Когда процедура закончилась ничем, он был разочарован.

— Ты ждал фокуса? — усмехнулся Лыков. — Ап! — и мертвец, замурованный в стенку.

— Да я… ну…

Городовой за спиной Иванова деликатно прикрыл усы ладонью.

— Могли же они не заметить какую-нибудь улику!

— Нарбутт не мог. Но вот фокус, если хочешь, я тебе действительно покажу.

— Какой? — взвился Егор. Ну, точно ребенок…

— Есть старый сыщицкий прием, мы сейчас его проделаем. Служивый! Принеси-ка нам воды, полную кружку.

Городовой побежал к хозяйке и скоро вернулся с кувшином.

— Посмотрим…

Лыков в обеих комнатках полил тонкой струйкой старые дощатые полы. Потом присел на корточки и принялся наблюдать. Очень быстро вода ушла сквозь щели. В спальне она стекла к левой стене — там, видно, был уклон, а в гостиной сошлась к середине.

— А теперь неси молоток и гвоздодер.

Дядька снова ринулся к хозяевам, звеня медалями. Через три минуты он притащил киянку и стамеску.

— Вот, ваше высокоблагородие! Что есть. Поляки — беспечный народ… А то могу в участок сбегать!

— Обойдемся этим.

Лыков ловко поддел две доски у стены в спальне. Городовой вырвал их из пола и поставил в угол. На треск прибежал домовладелец. Увидев, как ломают пол, он схватился за голову. Так-так… горячо… Но в дыре ничего интересного не обнаружилось, только сор и мышиный помет. Егор чуть не заплакал с досады. Но городовой уже тащил инструмент в другую комнату; в глазах его горел азарт вандала.

— Разрешите мне, ваше высокоблагородие!

— Валяй. Вот эти две половицы.

Противно взвизгнули выдираемые гвозди, грохнули брошенные на пол доски. Все трое сошлись на середине комнаты. В прогале виднелось вытянутое от окна к двери большое пятно бурого цвета.

Лыков сел, колупнул ногтем и растер в пальцах.

— Кровь!

Не теряя времени, сыщик обыскал остальные помещения и в подвале обнаружил офицерский сундук.[43] Фамилия владельца под крышкой оказалась соскобленной. Хозяин дома затруднился ответить, откуда у него эта вещь, и держался нервно. Лыков отвез его на квартиру к следователю. Черенков выписал ордер, и поляк угодил на Дзельную. На первом допросе он повторил известную историю о пропаже своего жильца. Кровь под половицами куриная — как-то раз пан резал в комнате птицу. Сундук не помнит чей — куплен давным-давно на барахолке. Владелец бельевого магазина кого-то боялся. Настолько сильно, что даже готов был сидеть в тюрьме, лишь бы не называть имен…

Уже по пути на вокзал Алексей заглянул в Повонзковский участок. Бурундуков знал об аресте домовладельца.

— Хозяин молчит?

— Да. Говорит, курицу резал, оттуда и кровь под полом.

— Но вы ему не верите?

— Нет. Вот съезжу в Германию на полтора дня, а когда вернусь, начну говорить с паном

всерьез. Что-то он скрывает… Но я к вам по другому делу. Мы с Егором нашли в доме у Новца мыльницу с нацарапанными на ней буквами «Яш».

— Да вы что? Сашкина мыльница?

— Похоже, что нет. Новец утверждает, что ее забыл князь Яшвиль, жилец. Не припоминаете князя?

— Отставной лейб-гвардии поручик? Был такой.

— Он действительно снимал квартиру на Бураковской? В домовой книге отметка об этом есть, но я хочу сделать встречную проверку. У вас ведь тоже ставится полицейская явка?

— Так точно. Помощник пристава делает метку в домовой книге и заносит соответствующую запись в участковый журнал. Оба раза, при въезде и выезде жильца.

— Поручите, пожалуйста, проверить, когда именно князь Яшвиль селился на Бураковской.

Глава 8

Находка

Алексей прибыл в Бад Вильдунген в четыре часа пополудни. Снял номер в той же гостинице «Фридрихштайн» и заторопился к Благово.

Отец-командир порадовал цветом лица и настроением. Он уже сидел в кресле, рядом стояли костыли. Раненый читал какой-то юмористический германский журнальчик и при этом морщился со знакомой Лыкову брезгливостью. Так всегда бывало, когда Благово обнаруживал глупость или пошлость. На тумбочке теснились заварной чайник, стакан в бисерном подстаканнике и жестянка «хокусина». Увидав гостя, действительный статский советник отбросил журнал и пробурчал:

— Куда катится мир? Скоро нам в журналах голую жопу нарисуют!

Алексей молча прошел в комнату, по-хозяйски налил себе в начальственную посуду чаю, со вкусом выпил и сообщил:

— Тоска в этой Варшаве. Они там чаю не пьют! Русскому человеку нелегко. Ох нелегко…

— Садись, русский человек, — благосклонно кивнул вице-директор. — Поди, извелся весь без моего мудрого руководства?

— Есть маленько…

— Но хоть справляешься?

— Вчера пятно крови отыскал, которое тамошние Лекоки не заметили, — похвалился Лыков. — Очень они на меня за это осерчали.

— Ну, это потом обсудим. Ты с Рачковским говорил, я знаю. Значит, опять этот Ример.

— Он, собака.

— Что делать будем?

Благово посмотрел на ученика усталым тревожным взглядом.

— А что тут сделаешь? — пожал тот плечами. — Улик никаких. Опять же, тайный советник! Вхож во все двери. Ну и черт с ним! Надо возвращаться домой. Я приехал за вами. Завтра перебираемся в Кассель, оттуда до Берлина по русским меркам рукой подать. Через сорок восемь часов будете Василия Котофеевича Кусако-Царапкина по избе гонять. А то он без вас совсем обленился. Жрет — больше собаки сделался! Его уже люди пугаются. Таких котов, говорят, не бывает…

Павел Афанасьевич зажмурился от удовольствия.

— Да, славное животное… Он ляжет мне на рану, заурчит, и все пройдет. — Но тут же очнулся: — Ты не ответил на мой вопрос. Что делать? Нельзя же от этой твари всю жизнь прятаться!

Лыков обернулся — дверь в палату была прикрыта — и сказал:

— Прятаться от Римера больше не нужно. Я его убил.

Благово молчал несколько секунд, потом спросил шепотом:

— Когда?

— Сразу, как приехал в Петербург. Решил не откладывать.

— Подробности!

— Все получилось с ходу и как нельзя лучше. Переоделся курьером, взял справку в адресном столе и к ночи принес срочную депешу. Швейцар пропустил. Видать, там это обычное дело… Ну, вошел в квартиру. По справке в ней значилось три человека мужской прислуги. Так оно и оказалось.

— Ты их перебил?

— Что я, изверг, что ли? Помял чуток, чтобы под ногами не путались. Одного Римера кончил. Кукольник хренов! Чуть со страху не обделался, денег предлагал, идиот. Забрал я свою записку…

— Какую записку?

— Я вам не рассказывал. После того случая на Симеоновском мосту я послал Римеру предупреждение: в случае рецидивы убью.

— Ты что, совсем сдурел?! Он наверняка показал твою угро зу кому следует!

— Кому, интересно?

— Я их департамента не знаю. Но лавочка международная и влиятельная. Эх, что ты наделал! И со мною не посоветовался… Теперь Лыков для них подозреваемый номер один.

— А и черт с той лавочкой, — спокойно ответил Алексей. — Я за вас любому башку свинчу. Пусть знают!

Он говорил без рисовки, не бравируя, и Благово сразу успокоился. За себя: от его ученика исходила какая-то архинадежная, непробиваемая уверенность. Вице-директор словно укрылся за каменной стеной. И за Лыкова. Понятно, что можно подкараулить и убить любого человека, даже Алексея. Но Ример мертв. Есть ли у него в России такие отчаянные подручные, чтобы сразиться с Лыковым? А из-за границы истребительный отряд не пошлешь. Видимо, покушение было личной местью тайного советника. В особые секреты вице-директор не посвящен. Скорее всего, со смертью Римера до него никому не будет дела…

— Ну, попробуем жить спокойно. Если получится. А что наше сыскное? Виноградовские люди, поди, ночей не спят. Пришибли особу третьего класса! Прислуга ведь дала твои приметы. Ты подготовился?

— Еще бы! Такую бородавку присобачил! Пусть ищут до второго пришествия… Но на всякий случай я взял командировку в Варшаву на полгода. Только что оттуда приехал.

— Это хороший ход, — одобрил Благово. — То-то ты на чай налег, я и не понял сперва. Ну, и во что ты вляпался в этой Варшаве? Я же вижу, что вляпался.

— Позже расскажу. Сейчас надо вещи собрать, билеты купить — а у нас две пересадки. Потом известить Департамент. Я сойду в Варшаве, и кто-то из наших должен сменить меня подле вас. Вы, Павел Афанасьич, тоже времени не теряйте. Возьмите удокторишек последние рекомендации. Пусть и лекарства какие выпишут. Дилижанс до Касселя в час пополуночи. Ехать сорок пять верст. Сдюжите?

— Конечно. Надоело мне здесь, домой хочу. Подай-ка костыли.

И они расстались, занявшись каждый своей частью сборов.

В дилижансе поговорить не удалось. Лыков выкупил четыре места, чтобы раненый мог лежать. Но соседи тем не менее сидели поблизости, и он не решился рассказывать о своих делах. Вдруг кто-то знает русский? Когда же в четыре часа утра они сели в поезд, сил на разговоры у Благово уже не было. Лишь днем, на берлинском вокзале, Алексей изложил Павлу Афанасьевичу ход розыска. Тот слушал, задавал уточняющие вопросы и все больше

мрачнел. Коллежский асессор завершил свой рассказ и спросил требовательно:

— Ну?

— Не запряг, — вяло отмахнулся Благово.

— Так кто убийца-то?

— Перестань паясничать. Я не Господь Бог и даже не Путилин. В этой истории тебе придется разбираться самому.

— Это отчего же?

— Привыкай. Меня скоро не будет. Ты должен теперь полагаться только на себя.

Алексей молча смотрел на учителя, не решаясь спросить. Тот заговорил сам:

— Я скажу один раз, и больше к этому возвращаться не будем. Но скажу честно.

— Хорошо, — ответил Лыков, и у него заломило в затылке.

— Мой век, Алексей, кончается. Сил мало. Почти уже не осталось… Я ухожу. Вы с Варенькой — мои дети и, как дети, меня радуете. Держитесь друг за дружку, и все у вас будет в семье хорошо. А вот служба… Служба — другое дело, тут все может случиться. Ты закончил экстернат и не имеешь теперь препятствий в чинопроизводстве. Препятствия есть в твоем характере. Ты независимый человек, на Руси таких не любят. Тут уже ничего не поделаешь, себя не изменишь, да и не дай бог тебе себя менять. Цельный, честный, решительный человек. Таким и оставайся.

Пока что в Департаменте у тебя положение крепкое. Цур-Гозен — славный немец, не двуличный. Дурново — умница, ты ему нужен. Плеве тоже тебя помнит. С нашего ведомства больше спрашивают политику, уголовный сыск всегда будет на задах. Вот и хорошо. Тут тебе замены нет. Со временем ты должен занять мое место — стать вице-директором по криминальным делам. В политику не суйся!

Алексей слушал, а голова болела все сильнее.

— Еще запомни такую вещь. В Департаменте надо создать новое делопроизводство, ответственное за уголовный сыск во всей России. С подчинением ему отделений на местах.

— Их же раз-два и обчелся!

— Это сейчас. Наша власть близорука, увы. Деревня трещит по швам. Худшие элементы из крестьянства хлынули в город. Последствия ты знаешь: за двадцать лет количество умышленных убийств удвоилось. А скоро удесятерится! Вот тогда мои предложения окажутся к месту. Поручаю их тебе. Сам не успею. В домашнем кабинете, в левой тумбе стола лежит папка из синего сафьяна. Там все: записка, обоснование, денежные расчеты, примерные штаты по разрядам городов, проект инструкции… Читай, думай, правь, если я где ошибся. Ты уже опытный человек, сыскную службу изучил. Лет через десять начинай двигать мой проект. Наш проект. Лыков только вздохнул.

— Заканчивай скорее свои варшавские дела и возвращайся в Петербург. Я проведу тебя, пока ноги ходят, по некоторым своим знакомым. Черевин, Победоносцев, Ламздорф, Абаза, еще кое-кто. Надо, чтобы они тебя запомнили. Отдельный разговор — Плеве. Вячеслав Константинович — будущий министр внутренних дел. Сильный будет министр! Не теряйся с его горизонта.

Теперь о Римере. Теоретически его зарубежные друзья могут быть опасны. Пока тебя выручает маленький чин. Ты не сановник, не вхож к государю — и хорошо. К тому времени, когда выслужишь белые штаны, они о тебе забудут. И вообще, не рвись на высокие должности. Там одни интриги, а ты к ним не приучен.

— А для вас есть опасность?

— Добить меня? Зачем? Покушение было личной местью Римера. Маленький человек с большим самолюбием. Сейчас он дает показания чертям… Никто от кукольников ко мне не явится. Подумаешь — вице-директор департамента, который шесть месяцев в году в отпуску по болезни.

— Я у этого чувырла выгреб из секретной шкатулки все, что там лежало, — сознался Лыков. — Зря?

В глазах Благово впервые за всю беседу вспыхнул интерес.

— А вот это любопытно! Что в бумагах?

— Я посмотрел, но мало что понял. Большая часть на немецком языке, остальные на английском и французском. Последние я чуток разобрал. В них о Танжере и Абиссинии.

— Какое дело было Римеру до Абиссинии? — усмехнулся Павел Афанасьевич. — Но это хорошо, что ты стащил бумаги. Займусь ими на досуге. Вдруг отыщу парочку секретов? Будет чем обороняться. Где ты их спрятал?

— В папке синего сафьяна, в левой тумбе стола.

И Лыков захихикал.

— Вот стервец! Ты и в Нижнем Новгороде в мой стол лазил. Помнишь? Когда разыскивал убийц провизора Бомбеля.[44]

Сыщики довольно рассмеялись — вспомнили старые добрые времена. Потом Благово вперил в Лыкова строгий взгляд.

— Значит, ты прочел мою записку о преобразовании сыскной полиции в империи?

— Да.

— И… что скажешь?

— Кое-что я бы дополнил, но по сути все верно. Очень верно, в самую точку. А то действуют кто во что горазд, без всякого общего руководства! Ни картотеки нет единой, ни учебных пособий. Стоит мазурику сменить место жительства — и гуляй смело! Никто тебя не ищет… Сейчас Государственный совет реформу не пропустит. Хотя уже назрело, да и действовать надо упреждающе, но вельможи этого не понимают. Вот лет через десять, когда петух в задницу клюнет, — тогда можно предлагать.

И Павел Афанасьевич сразу успокоился. Мнение ученика, оказывается, было для него важно.

Между тем уже подали международный экспресс. Торопясь закончить беседу, Благово сказал:

— Я тоже считаю, что Яшина убили. Труп или закопали, или бросили в Вислу. Проверь полицейские донесения о неопознанных телах от Варшавы и до германской границы. Висла зимой замерзает?

— Не знаю.

— Узнай. Можно и пруссакам запрос послать. Там полиция ответственная, ничего не пропускает.

— Сделаю.

— Дальше. Ты заметил, что объединяет всех трех покойников?

— Конечно. Они изводили поляков и вызывали у них чувство ненависти.

Благово погрозил ученику пальцем:

— А не зря ты девятый год возле меня ошиваешься! Кое-чему я тебя научил. Не ошибся тогда, в Нижнем.

— Так кто они?

— Ты уже догадался о самом главном. Ищи в этом направлении.

— Новые польские повстанцы, как предположил Егорка? Но ведь нет никаких прокламаций, воззваний к народу, заявлений о наказании сатрапов! Все поляки будто бы заняты созидательным трудом. Терроризм вышел из моды!

— В Петербурге тоже было тихо. И вдруг государя пытались взорвать.

Лыков задумался.

— Беспокойный одиночка? Хочет выбить искру, из которой потом разгорится пламя?

— Да. Всегда найдется политический авантюрист, которому не хочется заниматься созидательным трудом. Некогда ему, понимаешь! Ему надо быстро и с кровью.

— Но почему нет заявлений?

— Что-то этим людям пока мешает. Или там отсутствует единство, или «конструктивные силы» не дают разгореться пламени. Сходи к жандармам, поговори с ними. Есть ли бывшие боевики, что вернулись, отбыв наказание, но не успокоились. И еще учти: такие ветераны-фанатики очень нравятся молодежи. Ну, бери вещички!

В девять часов пополудни Лыков стоял на дебаркадере и махал своему учителю шляпой. Тот уезжал в Петербург под конвоем Скибы. Максим Вячеславович успел рассказать, что версия Алексея насчет обиженного слуги не подтвердилась. Все окружение Римера не менялось при нем много лет. Сыскные приуныли и уже откровенно тянут время. Общеизвестно: если сразу после преступления след не найден, то дальше может помочь лишь случайная удача. Тут ее не предвиделось.

Лицо Благово поехало вместе с вагоном и скоро исчезло из виду. Коллежский асессор повернул к бирже извозчиков, как вдруг его окликнул мелодичный женский голос с приятным польским акцентом:

— Пан Лыков, если я правильно запомнила?

Алексей торопливо сдернул шляпу. Перед ним стояла дама, из-за которой в тот раз он сцепился со штабс-капитаном пограничной стражи.

— Пани Малгожата! Какая встреча! — Оглядевшись по сторонам, сыщик спросил: — А где же ваш седовласый спутник? Внушительный мужчина…

— Ха-ха! Вы тоже его испугались? Это правильно, его надо бояться. Хотя, судя по тому, что я видела у Владека, вы не из пугливых.

— Этот пан ваш муж?

— Ну, сразу и открыли свой интерес! Но хорошо, я отвечу… чтобы не мучить приятного пана. Нет, мой муж проживает в Париже. Он уехал. Насовсем. Богатый бездельник. Ая… как это у русских? — соломенная вдова.

— Но страшный человек скрашивает ваше одиночество?

— Да. И не он один! Католическая церковь разводы не дает. Супруг высылает мне достаточное содержание, и я ни в чем не нуждаюсь… кроме развлечений, конечно! Так и быть, я выдам вам все свои секреты. Седовласый пан Олех только что уехал по делам в Петербург. Это его я провожала. И теперь некому меня развлекать.

У Лыкова голова пошла кругом. Вот оно! Польки славились в империи своей красотой — и свободными нравами. Ах, эти паненки… Сыщик уже десять дней как в Варшаве и только облизывался на их изящные профили и гибкие станы. Как там сказал мудрый Гейне? «Польки — ангелы земли; ангелы — польки неба». Неужели сейчас эта красивая женщина его интригует? Но пора уже было что-то сделать, а ничего приличного не приходило на ум.

Пани Малгожата, так и не дождавшись, сама взяла русского увальня под руку. Они пошли к выходу вместе. По дороге сыщик опомнился и купил у торговки букет фиалок. Пани приняла его, поблагодарив легким кивком головы. Тут подъехал осанистый извозчик, почему-то в черкеске с газырями.

— Это ваш? — удивился Лыков. — Что за джигит?

— Его зовут Марек, и он возит меня, когда нужен экипаж. Марек воевал на Кавказе. С тех пор любит щеголять своей горской одеждой.

— Для полноты костюма не хватает кинжала, — тоном знатока заявил коллежский асессор. Фурман презрительно скривился, а красавица рассмеялась:

— У него есть кинжал, конечно! Где-то в ящике. Полиция не разрешает полякам ходить по городу с оружием. Это только вам позволено. Но… куда мы едем? Я могу подвезти вас до дома.

Алексей стоял как завороженный и любовался прекрасной полькой. Она обладала какой-то особенной красотой, не холодной и недоступной, а теплой и живой. Хотелось взять лицо Малгожаты в ладони, коснуться ее щеки, потрепать русые волосы…

— Ну, что же вы молчите? — Малгожата снова рассмеялась. Какой дивный смех. Словно серебряный колокольчик. Баналь но, наверное, но больше не с чем сравнить… Наконец Лыков опомнился:

— Да, спасибо, я буду рад проехаться с вами куда угодно!

Он усадил даму, забрался в пролетку и сказал Мареку:

— Пожалуйста, Гусья улица, дом двадцать четыре.

Экипаж весело покатил по пражским мостовым, затем по асфальтированной Александровской. Опять открылся вид на Варшаву, от которого захватывает дух… Ах, какой город! Любуясь им, Алексей незаметно поглядывал и на свою спутницу. Та не отрывала взгляда от панорамы. Щеки ее порозовели, губы что-то шептали. Экзальтированная патриотка? Но эта раскованность, смелость в знакомстве с мужчинами… Столичные приятели сыщика любили чесать языки о темпераменте полек, их изящной легкомысленности. В глубине души Алексей мечтал стать героем любовного приключения и проверить эти слухи. Но как? И когда? И вот теперь он едет с молодой прекрасной пани. Вечер. Дел никаких нет. Она свободна, а у него пустая квартира. Черт! Дураком надо быть, чтобы не попытаться заманить Малгожату к себе! Когда еще случится такая возможность? И этот Олех сейчас в поезде — один к одному! А Варенька? Она ведь тоже слышала о польках. И спросит его по приезде, и будет смотреть прямо в глаза… Как тут соврешь? Но Лыков понимал, что сейчас сделает все, чтобы Малгожата поднялась в его жилище.

Они ехали молча, и какое-то напряжение, подобно электрическому, возникло между ними. Полька перестала интересоваться пейзажами и глядела только на своего спутника. Глядела внимательно, серьезно и при этом не уловимо порочно. И эта порочность не отталкивала Лыкова, а приманивала. Он чувствовал, как его затягивает в дикий водоворот, а он пропадает в нем с удовольствием… Но что сделать в квартире? Как подойти, начать расстегивать крючки на платье? Дома нет ни конфет, ни хорошего вина, одна водка. Польки ведь такие балованные. Он же опозорится! Но лавочки и магазины давно закрыты. Заказать в ресторане навынос? Но как тут это делается?

— Нет, — сказала вдруг Малгожата. — Мы едем прямо к вам. Хочу посмотреть, как вы живете.

— Но…

— Я знаю, что у вас дома нет шампанского и фруктов. Но мы найдем, чем занять время.

— Вы читаете мои мысли? — простодушно спросил Лыков, пораженный ее словами.

— Это несложно, — усмехнулась полька. И сделалась похожа на прекрасную ведьму, которой хотелось подчиняться и подчиняться…

А как она держала букет! Русские женщины не умеют так управляться с цветами. И какие изящные маленькие руки, холеные, как полированный мрамор…

Когда они подъехали к дому, Лыкова уже била мелкая дрожь. Никогда еще такого с ним не было! Сыщик спрыгнул с подножки, толкнул дверь и впустил Малгожату в подъезд. Там их поджидал величественный керовник.

— Добрый вечер, пан Влодзимеж! — не своим, сиплым голосом поздоровался Алексей.

— Добжий вечер, пан Лыков! — услужливо поклонился поляк.

— Какая чудная лестница! — непринужденно восхитилась Малгожата. — Нам наверх?

— Да, на третий этаж, — сообщил Лыков и почувствовал, что краснеет.

В квартире все совершилось мгновенно и очень бурно. Полька не стала тянуть время. Когда она расстегнула лиф, Алексей еще стыдился перед Варенькой. Но когда сбросила десу,[45] позабыл все на свете…

Через полчаса Лыков направился в ванную комнату, как вдруг в дверь громко заколотили. Раздосадованный любовник на цыпочках прокрался в шинельную. С площадки раздался встревоженный голос Егора:

— Алексей Николаевич! Я знаю, что вы там! Откройте! Очень важные новости!

Лыков прошипел в щелку:

— Уйди и вернись через час.

Но помощник не унимался:

— Очень-очень срочно! Откройте, Алексей Николаевич!

Коллежский асессор накинул халат на голое тело и вышел, прикрыв за собой дверь.

— Что случилось? Чудо ты эдакое…

— Вот! — Егор протянул ему клочок бумаги. — Ян Касъер передал на волю, для своего зятя Малиняка.

— Тут по-польски. Переведи.

— Всего одна фраза: «Срочно переставь поленницу за прачечную».

Лыков подумал секунду и сказал:

— Ух ты! Попался, дядя Янек!

— Что это значит, Алексей Николаевич? На что ему поленница сдалась?

— Это значит, что мы скоро найдем труп подпоручика Яшина.

Иванов захлопал недоумевающе глазами, но потом до него дошло:

— Неужели?..

— Да. Спускайся и жди меня у подъезда, я выйду через пять минут.

— А куда мы?

— К Бурундукову, куда же еще!

Алексей вернулся в квартиру. Малгожата стояла под лампой во всей своей невыносимо прекрасной наготе.

— Куда ты ходил? — удивилась она. — Умойся, мой Геркулес, и мы продолжим. Ах, какое у тебя сложение!

— Оденься, пожалуйста. Ты должна немедленно уйти.

— Почему?

— Срочное дело. Меня вызывают на службу, прислали курьера. Он ждет внизу, начальство велит торопиться.

— Какой курьер, какое начальство?! Алексис, ты меня считаешь за здзиру,[46] которой можно попользоваться и выгнать?

— Малгожата, ты не права! Я сам в расстройстве, я мечтал провести с тобой всю ночь! Но служба…

— Дупек, какая служба вечером воскресенья?

Вдруг она переменилась в лице.

— А-а! Я все поняла! Ты женат и вспомнил о ней, и к тебе пришел стыд? Поздно, шановны, поздно стыдиться. И потом, она далеко, а я — вот я, здесь. Посмотри: разве я не красива? Хуже твоей жоны? Приди, обними меня, и полезем обратно в постель! Ну? Что я делаю не так? Скажи, мой Ахилл, и я сделаю, как ты хочешь!

— Малгожата, я не шучу. Это действительно курьер со службы, и я должен немедленно идти с ним. Оденься, пожалуйста, побыстрее.

Полька рассердилась.

— Шьведне![47] На улице пулноц, и ты выгоняешь меня, як дзивку. Естэж глова не ешть в пожонтку! Жэгнай! Ижд до диабла![48]

Она живо оделась и выскочила на лестницу, красная и некра сивая от злости. Лыков едва поспевал следом.

— Как я смогу тебя найти? — умоляющим голосом спросил он. Малгожата остановилась, подумала и ответила уже спокойно:

— Оставь для меня записку у пана Владека. В том ресторане. Я подумаю, как тебя наказать. Но потом, возможно, прощу…

Чинной парой они спустились вниз. На площадке первого этажа четыре рослых парня, по виду мастеровые, обступили конторщика. Кажется, разговор шел серьезный — лицо у пана Влодзимежа было напуганное. Обсчитал парней при расчете? Лыков под руку с дамой продрался через мастеровых. Те, замявшись, расступились и озадаченно покосились на жильца. Сыщик по привычке отметил это про себя, но думать о таких мелочах было некогда — следовало быстрее нагрянуть к приставу.

Под изумленные взоры Егора его шеф усадил даму в пролетку и откланялся. Малгожата, хмурая и недовольная, уехала. Лыков повернулся к помощнику и сказал:

— Ни слова о ней! А теперь побежали.

Быстрым шагом сыщики отправились в участок. Бурундуков жил над ним, в казенной квартире. Уже через несколько минут Алексей барабанил в его дверь. Амвросий Акимович вышел тут же, словно ждал гостей. Он был в полной форме, даже при сабле и револьвере.

— Алексей Николаевич? Егор? Что случилось?

— Вы и по квартире так ходите? — удивился Лыков.

— До полуночи — всегда. Служба беспокойная. Но вы давай те о деле.

— Вот, — Алексей вынул записку. — Ян Касъер, он же Новец, передает из тюрьмы приказ зятю. Срочно потребовалось перенести поленницу на другой конец двора. Понимаете?

— Нет. Что ж тут такого? Обычное дело. Сейчас как раз подворная уборка идет. Я хожу, гоняю домовладельцев. До Новца, правда, еще не добрался…

Лыков вздохнул и пояснил:

— Полагаю, они хотят спрятать место погребения подпоручика Яшина.

— Да вы что! — ахнул Бурундуков.

— Увы. Возьмите нужное число городовых, пожарные факе лы, лопаты и щупы. Длинные щупы.

Пристав — на нем лица не было — кинулся вниз, в служебное помещение. Через десять минут полицейский отряд со снаряжением выдвинулся на Дикую. Заарендовали двух припозднившихся фурманов и поехали на Бураковскую, где недавно громили игорный дом.

В двенадцатом часу ночи во дворе особняка Яна Новца собралась целая толпа народа. Зять и две дочки хозяина, в домашней одежде, стояли у каретного сарая. Вид у них был очень встревоженный… Городовые воткнули в землю факелы и принялись щупами проверять почву позади бани-прачечной. Бурундуков, Лыков и Иванов застыли вблизи. Что-то зловещее было в этой картине ночных поисков. Что-то страшное вот-вот должно было открыться…

Городовые тыкали старательно, через каждые десять вершков. Они пыхтели от спешки и напряжения — волнение передалось и им. Вдруг в одном месте железный прут во что-то уперся. Немедленно служивые схватили лопаты и принялись там копать.

Несколько минут работы — и в яме что-то показалось.

— Полицейский кафтан! — воскликнул один из городовых.

— И мерлушковая шапка тут! — добавил второй.

Наконец тело откопали и подняли наверх. Смотреть на него был неприятно. Егор отбежал в сторону, его стало рвать. Привычный ко всему Лыков нагнулся над трупом.

— А почерк-то знакомый. Выпустили внутренности, как и Сергееву-третьему.

Бурундуков крестился и шепотом творил молитву.

— Присмотритесь как следует, — попросил его коллежский асессор. — Точно ли это Яшин? Мундир подходит, но мало ли?

Лица у трупа уже не было, лишь запачканные землей волосы обрамляли череп.

— Русые… — пробормотал капитан. — Он это, Сашка.

— Обыщи карманы! — приказал Алексей городовому. Тот истово перекрестился, потом выполнил команду и передал начальству два предмета. Один был полицейский билет на имя младшего помощника Вольского пристава Александра Михайловича Яшина. Сомнений больше не осталось.

Лыков стал разворачивать вторую вещь. Маленький бумажный сверток был в запекшейся крови и раскрываться не хотел. Сыщик порвал бумагу и обнаружил внутри банковские билеты. Он тут же передал их приставу со словами:

— Вот и ваши деньги нашлись, Амвросий Акимович. Три четвертных.

Капитан крякнул и попытался засунуть сверток в карман, но никак не мог попасть.

— В церковь снесу… — пробормотал он, глядя в сторону. — Эх, Сашка, Сашка! А я тебя бранил…

Наконец пристав выяснил, что мешало ему воспользоваться карманом: там лежала какая-то бумага. Он извлек ее, повертел в руках, туго соображая. Потом протянул Лыкову.

— То, что вы просили.

Алексей развернул казенный бланк и с трудом прочитал в свете факелов:

«По наведенным справкам, отставной поручик князь Яшвиль проживал в городе Варшаве с 10 по 23 декабря 1886 года на улице Ставки в доме Журовского. О чем имеется

полицейская явка 5/6 Повонзковского участка. В доме Новца по улице Бураковской указанный Яшвиль не проживал.

Помощник пристава 5/6 Повонзковского участка, причисленный к армейской кавалерии корнет Буйный».

Глава 9

Ежи Пехур

Когда Яна Новца привели в подвал полицейского морга, он сначала ахнул и закрыл лицо руками. Потом отнял руки и сам сделался похож на мертвеца. Вся его высокомерная снисходительность исчезла. Перед Лыковым стоял старый и очень напуганный человек.

— Я не убивал этого юношу, — сказал он. — То правда. Я лишь спрятал тело. По приказу пана Нарбутта.

— Нарбутта? — поразился Алексей.

— То так.

— А кто убивал?

— Ежи Пехур.

— Расскажи все, что знаешь. Ты видел смерть подпоручика Яшина?

— Нет. Его привезли уже мертвого, ночью. Он сильно страдал перед смертью, то было видно. Велели закопать. У меня большой двор, самый большой на всей Бураковской. И нет болтливых в семье. Я закопал.

— Кто такой Ежи Пехур? Сказывай, старая тварь!

— Я скажу то при пане Нарбутте.

— Твоего Нарбутта ждет тюрьма! Говори мне, сейчас же!

— Нет, — сразу замкнулся Новец-старший. — Пожалейте мою семью и не спрашивайте о нем.

— Тебя переведут в Цитадель, и там ты все расскажешь. Лучше сообщи здесь и сейчас. Это зачтется на суде.

— Нет. Если я скажу о Пехуре хоть слово, он казнит всех нас. То страшный человек. А его боевцы[49] — сущие звери. Они молодые, людская жизнь для них не стоит и гроша. Боевцы смотрят Пехуру в рот: что он велит, то и делают. Скажет: прыгайте в Вислу — прыгнут. Покажет пальцем — и они зарежут сто человек. И все за Великую Польшу…

Старик действительно не сказал больше ни слова. Лыков и запугивал, и уговаривал — ни в какую!

Пора было принимать меры. Когда Алексей подъехал к знакомому дому на Маршалковской, минуло два часа ночи. Он принялся энергически колотить в дверь. Через минуту, ни о чем не спрашивая, ему безбоязненно отворили. На пороге появилась рослая фигура Гриневецкого. Он был в халате, голова всклокочена, на заспанном лице — волосяные подусники.

— Алексей Николаевич? Что случилось?

— Дозвольте сначала войти.

Шлепая по полу босыми ногами, Эрнест Феликсович провел Лыкова в гостиную и зажег лампу. Алексей протянул ему лист бумаги.

— Вот, прочтите.

— Хм… Рапорт Буйного? Помню этого молодца.

Надворный советник изучил справку и вернул ее своему временному помощнику.

— И из-за этого вы меня разбудили?

— Вы, Эрнест Феликсович, видать, не поняли. Никакой Яшвиль у Новца никогда не жил. А мыльница, что я обнаружил на Бураковской, действительно принадлежала подпоручику Яшину. Как я и предполагал.

— Ну и что с того? — хлопал глазами не до конца проснувшийся Гриневецкий.

— А то, что титулярный советник Нарбутт меня обманывал. Запись в домовой книге Яна Касъера подделана — им или Степковским по его приказанию. Нарбутт покрывает убийц, а возможно, сам является одним из них. Нужно срочно его арестовать.

— Здрасьте! — тут же встрепенулся начальник отделения. — Витольда Зеноновича арестовать? Он — убийца? У вас что, Лыков, совсем голову снесло?

— Моя голова на месте. А вы следите за мыслью, господин надворный советник.

— Я слежу! Я еще как слежу! Вы давно уже роете под нас яму!

— Так вот. Как видно из справки, Яшвиль у Новца не проживал и мыльницу, стало быть, забыть там не мог. Это понятно?

— Ну, пусть и так. Дальше-то что?

— Я показал находку вам двоим и сказал, что поеду с ней в «Павяк». Нарбутт тут же попросил меня прихватить с собой Степковского. Якобы чтобы тот передал больному старику пояс из собачьей шерсти. Помните?

— Помню. Вы разве тогда не вместе уехали?

— Нет. На подъезде меня перехватил курьер от обер-полицмейстера, и я велел старшему агенту ехать без нас. Видимо, Нарбутт попросил генерала задержать меня на несколько минут.

Эрнест Феликсович иронично хмыкнул, но промолчал. Лыков продолжил:

— Разговор вышел пустой и надуманный. Ну ни о чем разговор! Я тогда еще недоумевал, для чего Толстой его затеял? Теперь ясно. Меня потребовалось задержать, чтобы Степковский успел предупредить Яна Касъера о находке. И выработать общую легенду. По совпадению букв за легенду сошла фамилия Яшвиль.

— Но я же сам помню князя! — рявкнул Гриневецкий. — Он действительно приезжал в Варшаву зимой!

— Приезжал. Об этом и в справке написано. Но в доме на Бураковской князь не останавливался.

— Подумаешь! Какая-то писарская ошибка… Вы мне поясните, почему Витольд Зенонович убийца! Ха! Нарбутт — и убийца… Больной бред!

— Ваш помощник отводил мои подозрения от дома Новца как мог. Приплел Яшвиля, успел обработать хозяина, подделал отметки в домовой книге.

— Зачем?

— Чтобы скрыть факт убийства подпоручика Яшина.

— Опять это придуманное вами убийство! Идея фикс заезжего ревизора! Чтобы говорить так, надо сначала найти труп!

— А я его нашел. Только что, во дворе дома на Бураковской.

Эрнеста Феликсовича словно огрели дрыном по голове. Он выпучил глаза, булькнул горлом и стал ошарашенно озираться вокруг. Обнаружил стул и грузно плюхнулся на него. Чуть отдышавшись, спросил:

— Это точно он?

— В кафтане, с полицейским билетом и деньгами, что взял в долг у Бурундукова. Лица

не разобрать, но рост, сложение и цвет волос — Яшина. Амвросий Акимович уже опознал.

— Ну, раз Бурундуков опознал… Эхе-хе… Но как его убили?

— Распороли живот. Один в один, что и с Сергеевым-третьим.

Гриневецкий некоторое время молчал, смотрел на язычок огня в лампе. Алексей терпеливо ждал. Наконец взгляд надворного советника приобрел осмысленное выражение.

— Теперь поняли, Эрнест Феликсович?

— Кажется, да. Что вы говорили про домовую книгу?

— В ней князь Яшвиль указан как жилец. А в участковом журнале такая отметка отсутствует. Книга же с самого ареста Новца лежала в столе у Степковского.

— Так значит, это его проделка, а не Витольда Зеноновича!

— Вы лучше меня знаете, что это невозможно. Старший агент не та фигура, что может убедить обер-полицмейстера срочно вызвать Лыкова.

— Но…

— И Ян Касъер на мой вопрос, кто велел ему спрятать труп, ответил: Нарбутт.

— М-да… А что он еще сказал? Почему именно ему поручили? И кто, наконец, убийца?

— Убил подпоручика якобы некий Ежи Пехур. Слышали что-нибудь о таком?

— Нет. Никогда и ничего. «Пехур» по-польски — пехотинец. Надо посмотреть в картотеке. И не только в нашей, но и в архиве Военной тюрьмы. Может быть, он оттуда.

— А я считаю, что Ежи Пехур и Нарбутт — одно и то же лицо. И все это время ваш помощник искал сам себя.

— Но подождите чернить Витольда Зеноновича! Как вы быстры на выводы! Сами же сказали, что Касъер называет убийцей другого.

— О котором никто ничего не слышал? И который за полгода казнил в Варшаве трех офицеров, а полиция его так и не нашла? Вот это уж точно бред. Или начальник сыскного отделения занимает не свое место. Вам какое объяснение больше нравится?

Гриневецкий шумно вздохнул.

— Предупреждаю вас, — жестко сказал Лыков, — что вы тоже у меня в подозрении. Если окажется, например, что Нарбутт сбежал по вашей подсказке, переселитесь с Маршалковской на Сахалин!

— Слово дворянина, я ничего не знал!

— А это выяснит следствие. Я понимаю: Витольд Зенонович — ваш друг. Говорят, он вам даже жизнь спас. Мне тоже не хочется верить в его виновность. Но то, что он скрыл убийство подпоручика Яшина, — установленный факт.

Гриневецкий, понурив красивую голову, молчал.

— В вашем отделении измена. Нарбутт, Степковский, полагаю, что и Яроховский… Часы почти наверняка подброшены им. Гришка Худой Рот не убивал штабс-капитана. Все это был ложный след, состряпанный вашим помощником и другом. Для чего?

— Не понимаю… Не понимаю… Витольд — человек чести, он не мог…

— Собирайтесь, и едем к нему домой. Устроим очную ставку с Касъером. Тогда и выясним, мог или не мог.

Титулярный советник жил на другом конце Варшавы, на Францишканской улице. Когда полицейские подкатили к его дому, уже рассвело. Швейцар заявил, что пан Нарбутт в квартире не ночевал. Вчера в девять вечера к нему нагрянул пан Степковский, и вскоре они оба ушли пешком. Вид у панов был очень взволнованный.

Лыков выразительно посмотрел на надворного советника и велел разбудить конторщика.

Взял у него ключ от квартиры Нарбутта, и сыщики поднялись туда. Лыков увидел обычное жилище холостяка, человека без больших денег, но с хорошим вкусом. Беглый обыск ничего не дал. Однако на бюро Алексей обнаружил свежевырезанный каучуковый штемпель с надписью «Помощник пристава». Рядом стояла жестянка с мастикой.

— Вот так они подделали полицейские отметки в домовой книге. Заберите для экспертизы!

Затем сыщики поехали в «Павяк». Эрнест Феликсович хотел лично допросить Яна Касъера. Тот вошел, едва волоча ноги, — за ночь он постарел лет на двадцать…

— Кто убил подпоручика Яшина? — рявкнул надворный советник.

— Я уже сказал тому пану.

— Скажите и мне!

— Убил Ежи Пехур.

— Кто он такой?

Но старик лишь отрицательно мотнул головой.

— А кто зарезал штабс-капитана?

— Не знаю.

— Гришка или нет?

— Нет. Он весь день был у меня перед глазами. Сначала на квартире у Шчуплы Петера, потом на Бураковской.

— Кто же тогда разыграл полицию?

— Сама полиция и разыграла…

— Поясните!

— Пан Нарбутт велел сделать, чтобы подумали на Гришку. Научил Эйсымонта. А мне дал какие-то годжины с ваньцухом[50] и приказал сунуть Гришке в карман. Незаметно. И ждать полицью… Не розумею, для чего. Большого ума чело век, за его мыслями не уследишь…

— М-да… Все хуже и хуже… А кто привез к вам во двор труп Яшина?

— Пан Нарбутт с паном Степковским. Велели закопать и ни о чем не спрашивать. Я много лет знаю пана Витольда. Если он чего велит — нужно делать.

— Даже спрятать труп? — не удержался Лыков.

— Да. Значит, так надо. Еще панове сыщики привезли вещи того юноши. Пожитки с квартиры, чтобы подумали, что он уехал. Я отнес их на Толкучий рынок. Лишь мыльницу, дупек, оставил — а пан Лыков ее нашел. Что мне за это будет?

— Ежи Пехур и Нарбутт — одно лицо? — резко спросил коллежский асессор.

— Какое лицо? — смешался старик.

— Ну, один и тот же человек?

— Верните меня в камеру, я очень плохо себя чувствую…

Курьеры спешно созывали в сыскное отделение весь его состав. Гриневецкий возглавил розыск. Его люди допрашивали дочерей и зятя Яна Касъера, а также владельца квартиры, где жил Яшин. В морге полицейский врач исследовал останки подпоручика. Следователь Черенков открыл дело. Фотограф в темной комнате проявлял снимки могилы и трупа. Весь второй этаж ратуши светился огнями и жужжал, как пчелиный улей. Сыскари копались в архиве, часть агентов пошла по адресам негласных осведомителей. Вопрос задавали один: кто такой Ежи Пехур. Во всей этой суматохе не участвовали лишь Нарбутт и старший агент Степковский — курьеры не сумели их отыскать.

Лыков вспомнил догадку Гриневецкого. Вдруг убийца из дезертиров? Взяв с собой Егора, коллежский асессор поехал в Военную тюрьму. Она находилась на Дикой улице, в здании бывших артиллерийских казарм.

Два часа они рылись в постатейных списках. И не нашли ни одного упоминания о преступнике с такой приметной кличкой. Несолоно хлебавши, усталые и сонные, сыщики вернулись в отделение. Алексей уже и думать забыл, что всего пять часов назад занимался пылкой любовью с прекрасной пани… Казалось, это было с кем-то другим.

К полудню, так и не сомкнув глаз, Лыков заперся в кабинете. Он изучал бумаги, изъятые им из стола Витольда Зеноновича. Егор пристроился сбоку. Вдруг им попалась заверенная копия служебного формуляра Нарбутта. Алексей пробежал бумагу глазами и хмыкнул.

— Что? — встрепенулся сонный помощник.

— Вот, слушай. «С марта 1868 по март 1869 годов отбывал воинскую повинность в 38-м Тобольском пехотном имени Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича полку. Высочайшим приказом от 16 марта 1869 года произведен в прапорщики с причислением в запас по армейской пехоте». Понимаешь? Пехоте!

— Думаете все же, что пан Витольд и есть Ежи Пехур?

— Почти уверен.

— Ян Касъер этого не подтвердил! С его слов, Нарбутт лишь приказал спрятать труп. А убил Пехур.

— Старик врет. Или недоговаривает. Например, он промолчал еще об одной фигуре в этом деле — о Велки Эугениуше.

— Я запутался, Алексей Николаевич, — признался парень. — Мы не можем разобраться, двое у нас убийц или один. А вы уже предлагаете третьего!

— Я сам путаюсь. Вторые сутки на ногах… Пойдем хлебнем кофею и порассуждаем. Здесь мне плохо думается — всех в измене подозреваю.

— Даже Гриневецкого?

— Всех.

Они спустились в общую комнату и поинтересовались, не нашли ли уже Нарбутта со Степковским. Нет, сказали им, не нашли. Гриневецкий отправился на трудный доклад к обер-полицмейстеру и застрял там. Про Ежи Пехура ничего нового.

Сыщики засели в цукерне на углу Белянской и Сенаторской. Спросили сразу целый кофейник, и Лыков начал рассуждать вслух:

— Все три офицера — жертвы одной шайки. И Гришка Худой Рот к этому непричастен. Но выписал его в Варшаву именно Велки Эугениуш. Только он мог так долго укрывать русских гайменников от здешней полиции. Согласен?

— Согласен.

— Зачем «ивану» понадобились наши доморощенные головорезы? Чтобы повесить на них убийство Емельянова. Тут мы имеем обычный конфликт крупного уголовного с полицейским начальником. Пристав стал мешать Большому Евгению и был убит. Логично?

— Да. Пан Строба вписывается логично. Но как здесь оказался Нарбутт?

— Сейчас дойдем и до него. Гибель штабс-капитана Сергеева есть продолжение первого дела. Понадобился новый покойник, чтобы привлечь внимание полиции и сдать ей Гришку. Повесив на него оба убийства. Придумал и организовал это вранье Нарбутт.

— Но зачем?

— Помнишь, что сказал Ян Касъер? «Если пан Нарбутт что велит — нужно выполнять».

Титулярный советник — партнер «ивана» Велки Эугениуша и сам «иван». Только тайный. Негласный вождь уголовной Варшавы. При этом он много лет фактически руководит сыскной полицией при попустительстве безвольного Гриневецкого. И ловит сам себя. Очень сильная позиция! Кого надо — арестовывает, кого надо — отпускает. Строба — официальный вождь, но на самом деле их двое. Рука руку моет! То-то Большой Евгений и процветает. С такой поддержкой… Мотивом для Нарбутта, видимо, стала обида на власть. За несправедливое увольнение.

— Убедительно, — согласился Егор. — А Ежи Пехур?

— Нет никакого Ежи Пехура. А есть еще один ложный след. Фантом, за которым нам предлагают побегать. А главные фигуры в это время заметут след настоящий.

— Ну пусть. Однако убийство Яшина выбивается из ряда. Ротмистр Емельянов был фигура! Пристав Повонзковского участка, одного из самых криминальных. И сильный, умный, настойчивый. А подпоручик? Вздорный молокосос. Чем он мог помешать Велки Эугениушу?

— Сразу не скажу. Но он каким-то образом перешел дорогу двум вождям. Подпоручика списали. Нарбутт обставил его исчезновение как бегство. И все поверили. Измена, кругом измена… Уголовный князек и крупный полицейский чин на пару хозяйничают в Варшаве!

Егор возразил:

— Не верю!

— Во что?

— В то, что Витольд Зенонович — изменник. Не такой он чело век, он порядочный!

— А кроме «не такой», другие доводы есть? Молод еще, чтобы хитрых людей раскусить, вот тебе и весь сказ!

Егор надулся, но других аргументов не привел. Сыщики добили кофейник, пора было заниматься делом.

— А я знаю, где искать Нарбутта, — заявил вдруг парень.

— Я тоже — у Стробы, у Большого Евгения. Поехали к нему домой. Знаешь, где он живет?

— Вся Варшава знает. Угол Железной и Грибной, собственный дом. А вернее сказать, особняк!

Иванов не ошибся в эпитетах. Жилищем «ивана» оказался двухэтажный дворец в стиле итальянского палаццо. Шесть колонн по фасаду, лепнина, каменные львы на входе и почему-то мавританские окна. Сыщики вошли в вестибюль и сразу натолкнулись на рослого дядю с выдающейся мускулатурой, выпирающей из-под сюртука. Лицо у громилы было необычное: смуглое, чуть татарское. И взгляд уверенного и неглупого человека.

— Кто вы и зачем пришли? — спросил силач и, не дожидаясь ответа, потянул за сонетку. Немедленно из задней комнаты вышли еще два бугая и встали по бокам.

— Я полицейский чиновник Лыков, это письмоводитель сыскной полиции Иванов. Вообще-то мы ищем пана Нарбутта, но можем довольствоваться и паном Стробой. Он дома?

Дядя проигнорировал вопрос. Он тщательно оглядел Лыко ва, не обратив внимания на его помощника. Отметив шею и плечи гостя, смуглый смягчил тон:

— Я пан Збышняк, управляющий пана Стробы. Чем вы може те удостоверить, что из полиции?

Лыков протянул ему заверенную карточку. Збышняк изучил ее и сказал, возвращая:

— Я знаю весь состав варшавского сыскного отделения. Там никогда не было никакого

Лыкова.

— Правильно. Я временно командирован. Подпись и печать обер-полицмейстера вас не устраивают?

Управляющий, более похожий на вышибалу, чуть усмехнулся:

— То для галахов. Нет настоящей бумаги?

Лыков хотел показать власть, но пока сдержался и предъявил полицейский билет.

— Вот это другой разговор! — ерничая, сказал Збышняк. — Департамент полиции… чиновник особых поручений восьмого класса… Так! Чин маловат, чтобы лично встречаться с паном Стробой. Передайте мне ваше дело. И я сообщу, когда хозяин сможет вас принять.

— Это что, неповиновение законным требованиям полиции? — угрожающе поднял бровь Лыков — научился у Благово.

— Полиция приучена заранее извещать о своем визите. Пан Строба — занятой человек. Повторяю: вы обязаны сперва изложить ваше дело мне.

— Как вы приучили Нарбутта, я уже осведомлен, — начал потихоньку закипать Алексей. — Но сейчас другое. Идет розыск убийц русских офицеров. Власть на Нарбутте не кончается. Немедленно проведите меня к вашему хозяину. Иначе всю вашу свору закатаю в «Павяк»! Ну?

— Отвал шэ, палант! — огрызнулся поляк и отступил на полшага, принимая боевую стойку.

— Что он мне ляпнул? — поинтересовался сыщик у Егора.

— «Отвали, задница!»

— Десять месяцев арестного дома уже заработал. А еще кое-что от меня сверху сейчас получит… Чего нет в «лестнице наказаний».[51]

— Алексей Николаевич, он же вас нарочно провокирует! Тянет время, чтобы хозяин успел сбежать!

Действительно, на втором этаже слышался топот ног.

Лыкову не хотелось бузить в частном доме, без ордера на обыск. Но паутина лжи, опутавшая сыщика, раздражала его и мешала думать. Лучший способ скинуть напряжение — это набить кому-нибудь морду. Да и «ивану» нельзя дать уйти. И сыщик врезался в шеренгу, преградившую ему путь наверх. Несколько молниеносных, страшных по силе ударов — и все три поляка упали. Алексей ринулся по лестнице на звук шагов. За ним поспевал Егор. На втором этаже обнаружился еще один охранник. Его постигла та же участь… Сыщики наметом пролетели половину этажа. Казалось, они вот-вот догонят беглеца. Но тот знал дом и успел выскочить на черную лестницу. Следуя за ним, полицейские выбежали во двор. Прямо перед их носом на улицу вылетела пролетка с одним седоком. Лицо его скрывала шляпа, но это точно был не Нарбутт.

Разгоряченный погоней, Лыков вернулся в вестибюль. Все четыре пана собрались там. Вид у них был не авантажный. Сильно помятые, охранники уже не помышляли о сопротивлении. Они стояли, вжавши головы в плечи, и ждали своей участи.

Больше всех досталось Збышняку — за фиглярство. Из разбитой губы управляющего хлестала кровь, под глазом набухал синяк. Коллежский асессор подошел, взял его за пуговицу и пододвинул к себе.

— Так как там у вас принято с варшавской полицией?

Трое других охранников отвернулись… Но Лыков уже выпустил пар и не хотел лишнего насилия.

— Хорошо. Вернемся к делу. Пан Строба, видать, вспомнил о срочной встрече и драпанул. А пан Нарбутт в доме?

— Он был здесь вчера вечером, — твердо ответил Збышняк. Управляющий стоял прямо, не пытался вырваться, но сохранял достоинство.

— Где он сейчас?

— Не знаю.

— Ты зачем затеял эту свару? Почему не пустил меня к хозя ину, как я требовал?

— Я выполнял приказ.

— Ладно, — примирился Алексей, отпуская управляющего-вышибалу — Я готов забыть о вашем сопротивлении полиции, пан Збышняк. Вы лицо подчиненное, исполняли свой долг. Передайте пану Стробе, что я хочу с ним встретиться. Чем раньше он со мной поговорит, тем будет лучше для него.

Збышняк поклонился в ответ, почтительно, но не теряя лица. Он начал нравиться Лыкову. Тот уже почти жалел, что погорячился. Зато голова стала ясной и вся злость улетучилась!

Сыщики повернулись к дверям, и тут управляющий сказал им в спину:

— Попробуйте поискать пана Нарбутта в номерах Свенторжецкого на Железной Браме.

— Поедем в номера? — спросил Егор у шефа, когда они оказались на улице.

— Нет. Сначала вернемся в отделение, захватим Эрнеста Феликсовича. Я хочу увидеться с Нарбуттом в его присутствии.

Когда Лыков вошел в общую комнату, то увидел столпившихся под лампой агентов. Они стояли молча и что-то рассматривали. Раздвинув людей, коллежский асессор протиснулся в круг. На полу лицом вверх лежали Нарбутт и Степковский. На них не замечалось никаких следов крови, но оба были мертвы. Присмотревшись, Алексей понял: Степковского убили ударом в левый висок, а его начальника задушили.

В комнате стояла могильная тишина, никто не издавал ни звука. Лыков, тоже молча, прошел в кабинет Гриневецкого. Там никого не было. Он заглянул в туалетную комнату и обнаружил в ней надворного советника. Тот сидел за столом без сюртука и жилета, в одной сорочке. Могучие плечи бессильно обвисли. В огромном кулаке Эрнест Феликсович зажал бутылку старки. Она была выпита на две трети и, судя по отсутствию стакана, из горлышка, по-русски. Жмуд поднял взгляд на вошедшего. По его щекам катились крупные слезы.

Некоторое время сыщики смотрели друг на друга, потом Гриневецкий хрипло произнес:

— Ну?

Лыков отобрал у него бутылку — начальник отделения почти не сопротивлялся, — сел напротив и попросил:

— Расскажите, как он спас вам жизнь.

— Да! Хороший вопрос! — обрадовался Гриневецкий. — Я сам сейчас это вспоминаю. Дело было в восемьдесят пятом. В Праге есть такое плохое место… ну, очень плохое. Ваверская улица. Там злоджьей на злоджье… то есть вор на воре, простые обыватели не живут, только фартовые.

Эрнест Феликсович замолчал и посмотрел на свой пустой кулак. Лыков вздохнул и сунул в него бутылку. В три глотка надворный советник допил ее и убрал в комод, после чего продолжил:

— Мы приехали брать Сигизмунда Боянчека по кличке Лекаш. Он учился на доктора, оттуда и кличка. А вышел в самые жестокие рабуши Варшавы.

— Куда вышел? — не понял Алексей.

— В грабители. Что-то я стал забывать русские слова… сейчас… я соберусь! Так вот. Лекаш убил при налете хозяина экипажного заведения и скрылся. Скандал! Убийство в Варшаве — большая редкость. Зато если уж случилось, то это всегда загадка. Народ трезвый, спьяну никого не режет, кровь льют лишь закоренелые. Искать их трудно. Но Витольд свое дело знает… — Гриневецкий запнулся, но исправляться не стал. — Агентуру всю встряхнул, и скоро мы получили адрес. Явились на Ваверную. Тихо подойти не удалось. Боянчек заперся изнутри и кричит: «А ну, кто смелый, заходи!» Люди боятся. Кому охота на нож лезть? Пришлось мне…

Гриневецкий снова посмотрел на свой пустой кулак, вздохнул и продолжил:

— Выбили мы дверь, а там темно. Боянчек, гувно, загасил лампу. Ну и налетел… из коридора… Зарезал бы непременно, только Витольд догадался. И оттолкнул меня. В последний момент… Лезвие чиркнуло по боку, проскочило мимо — и угодило ему в живот. Витольд меня спас, а сам увернуться уже не успел!

Эрнест Феликсович грохнул кулачищем по столу. Это подей ствовало на него успокаивающе, и он продолжил:

— По счастью, удар был на излете. До брюшины не достал. Но крови вытекло много! Хорошо, у нас Степковский опытный человек… был. И смог остановить кровотечение. Вот такая история. А мне хоть бы что, только сюртук распороли.

— А Лекаш?

— Он в Акатуе.

— Ясно. Эрнест Феликсович, я все понимаю, но вам надо собраться. Погоревали — и будет. Нужно изловить этих тварей. Кто они?

— Вот, — Гриневецкий подтолкнул к Лыкову вскрытый конверт. — Здесь разъяснение. Клянусь, я ничего не знал! Иначе пошел бы с ними.

Алексей вынул лист бумаги, но там было по-польски.

— Что это?

— Витольд принес позавчера. Сказал: вскроешь, если со мной что-то случится. Как я ни просил объяснить, он отказался. Слово с меня взял, что не порву конверт просто так! И вот… случилось.

— Но о чем письмо?

— Ваших офицеров убивал Ежи Пехур.

— Значит, он действительно существует?

— Да. Его настоящее имя — Аркадиуш Млына. Он учился с Витольдом в одном классе гимназии. Во время восста ния[52] Млыне было шестнадцать лет. Мальчишка еще — и ушел воевать с вашими! Он ненавидит русских и убивает их с малолетства. Патриотический психопат… В письме нет подробностей, поскольку Витольд сам многого не знал. Его одноклассник объявился в Варшаве в конце прошлого года. Где он был все это время, что делал — неизвестно. Но когда убили подпоручика Яшина, на теле была записка. Она здесь, в конверте… В ней сказано, что некий «легион смерти» казнил русского негодяя. И что полякам пора подниматься на борьбу. Хозяин дома, где подпоручик снимал квартиру, сразу кинулся к Витольду. Ну, как только боевцы ушли… Адрес Нарбутта есть в календаре, а репутация у него такая, что все в первую очередь бегут к нему. Домовладелец рассказал о преступлении и описал убийц. Он думал, что начнется розыск. Но Витольд решил скрыть как само убийство, так и его террористический характер. Будто ничего и не было. Он вывез имущество Яшина, чтобы все подумали, что тот сбежал. А Касъеру велел спрятать труп и помалкивать. Дядя Янек — его давний осведомитель. Больше чем осведомитель, — почти приятель! Мне Витольд ничего не сообщил.

— Почему?

— Неужели непонятно? Я жмуд, а не поляк.

— Чушь, полная чушь! Произошло убийство должностного лица. Зверское убийство! Помощник начальника сыскной полиции знает, кто это сделал. Знает и молчит! В итоге два новых трупа! Ваш Нарбутт сам преступник. Если бы он был жив, место ему в тюрьме!

— А я понимаю Витольда! — сверкнул глазами Гриневецкий. — Можете и меня в тюрьму! У вас, русских, это в два счета. Сами страна рабов и других взаперти держите! Так, что ли?

— А ты как хотел?! — взорвался Лыков. — Убийца чуть не полгода гуляет на свободе, а его никто не ловит! При том что главный сыщик в курсе дела. И после второго трупа не ловят, и после третьего. А если бы я не приехал? Сколько еще крови пролил бы пан Млына с ведома пана Нарбутта?

— Ты несправедлив. Витольд стал искать его сразу же. А он замечательно умеет это делать. Я ему в… куда там не гожусь?

— В подметки.

— Вот! В подметки. Но даже он не смог. Млына как дъябел! Половина отделения, возможно, знала, кроме евреев и меня с Ивановым. Мы же не поляки!

— При чем здесь поляки — не поляки?

— Ты так и не понял. Сейчас польское общество не настроено на вооруженную борьбу. Принят курс на мирное развитие производительных сил, на постепенные умеренные требования… Я же тебе рассказывал! А тут вдруг террорист. Непримиримый. Он решил встряхнуть поляков. Консервативные реформаторы испугались. Ежи Пехур отбросит все общество на двадцать лет назад! Озлобит правительство, обрушит на Польшу новые репрессии. То-то военные обрадуются! Скажут, что много воли дали панам… Нужно, мол, держать их в узде вечно. Тогда все труды напрасно. И Млыну решено было убрать по тихой.

— Не верю. Если Млына-Пехур — идейный террорист, кто смог бы заткнуть ему рот? Все курьерки давно бы напечатали его обращение к польскому народу!

— Да, — согласился Гриневецкий, — это было трудно. Вот и Витольд пишет: особенно ломались издатели курьерок. Млына слал им свои воззвания. Те, кто тайно руководит общест вом, сдерживали газетчиков из последних сил.

— И кто эти секретные руководители?

— Не знаю. Говорю же: я не поляк, мне никто не скажет. Поскольку я преклоняюсь перед Польшей и хочу приблизить ее государственность, меня… как это? — числят в приличных людях. Принимают в лучших домах, помогают по службе; я женат на польке. Дружественный элемент, союзник. Но в важные дела таких, как я, не посвящают. Я могу лишь догадываться.

— И о чем ты догадываешься?

— Ну, что сыскной полицией в Варшаве на самом деле руководит Нарбутт, знали все. Кроме русских, конечно. Что обер-полицмейстер Толстой целиком под влиянием поляков и говорит их словами, ты сам догадался. Подобное и в магистрате, и в губернском правлении. Даже у жандармов! Не удалось перевербовать лишь военных. И конечно, Гурко неприступен. Тихой сапой идет полонизация органов власти. Торговля, промышленность показывают бурный рост. Посмотри, что делается в Лодзи! Петербург радуется и потихоньку ослабляет хватку. Через десять лет производительные мощности Польши станут такими, что вся Россия попадет в зависимость от них. То длинный путь, но он реален. И он уже принят как общенациональный план возрождения. Тыся чи влиятельных людей, каждый на своем месте, согласованно работают по этому плану. И вдруг приходит человек и говорит: вы все трусы и демагоги! Свобода добывается не со счетами в руках, а оружием в борьбе! Не торговля возродит Польшу, а беспощадный террор. И это не только слова. Новый борец начинает истреблять самых одиозных из русской администрации. Вожди, конечно, переполошились. Ведь этот Млына уведет у них молодежь! Та любит простые решения. Юные головы желают подвигов. А крови им не жалко, ни своей, ни чужой. Вот в чем главная опасность Млыны. Польская молодежь как порох — хватит одной искры. И когда старые вожди это поняли, было принято решение убить неудобного человека. Как Ежи Пехура, как уголовного преступника. Руками варшавской сыскной полиции.

— И ты все это вычитал в листке? А сам и не догадывался?

— Догадывался, конечно. Но не мог понять до конца. Знаешь, если все твои подчиненные сговорятся тебя обмануть, они обязательно тебя обманут. Тем более если у них есть настоящий начальник, а не формальный.

— Тогда расскажи мне все, что знаешь. Быстро и исчерпывающе. И пойдем к людям. Пора делом заниматься…

— Следующее убийство — пристава Емельянова — скрыть было уже невозможно. На

трупе опять была записка от «легиона смерти». Она тоже здесь, в конверте. В ней сказано, что русский сатрап нарочно убит в Благовещение, что это благая весть для поляков: борьба продолжается… Нарбутт спрятал и эту бумагу. Еще забрал с тела ротмистра ценности, чтобы подумали на ограбление… Именно тогда у него появились часы Емельянова. Потом он использовал их, чтобы создать ложный след. Когда погиб штабс-капитан Сергеев, Нарбутт решил увязать это с убийством пристава. И «раскрыть» оба преступления разом. У него почти получилось… Но ты не поверил и остался в Варшаве. Витольд понял, что земля под ним горит, что ты скоро найдешь труп Яшина и тогда ему конец. Одна была надежда — успеть поймать Млыну раньше. Вчера Витольд каким-то образом отыскал его убежище. Взял с собой Слепковского и отправился убивать террориста. Но вышло наоборот.

— Кто и где обнаружил трупы?

— Хозяин номеров на Железной Браме. Выстрелов не было, Ежи Пехур обошелся голыми руками. Что же он за сатана? Витольда убить непросто, да и Слепковскому опыта не занимать. А тут…

— Значит, нам известны его приметы.

— Да. Высокий, крепкого сложения. Очки в золотой оправе. Короткие черные волосы с небольшой проседью на висках, густые усы с офицерскими подусниками. Припадает на левую ногу.

— Припадает на ногу… Это можно выкинуть. Уж больно выпирающая особенность, как наклеенная на щеку бородавка. Да и очки могут быть с простыми стеклами, для маскировки.

— Думаешь?

— Допускаю. Надо срочно литографировать описание и раздать по всем участкам. На вокзалы людей послать. Поздно, конечно, но хоть для очистки совести.

Лыков начал отходить от той злости, что охватила его четверть часа назад. Да, Нарбутт изменил служебному долгу. Но пошел сам на опасный захват и поплатился жизнью. Надо примириться: с мертвого не спросишь.

— Как Нарбутт смог так быстро подставить нам Гришку? Штабс-капитана убили ночью, неожиданно. А на другой день уже все было готово: показания Эйсымонта и Папрочи-Дужи, Ян Касъер со своим притоном…

— На теле Сергеева тоже была записка про казнь… Эйсымонт нашел труп, обшарил его и забрал бумагу. Подумал-подумал и отнес ее дяде. Также вручил ему ценности, что насобирал с покойника. Старуха ни при чем, ее втянули для правдоподобия. Касъер сообразил и побежал к Нарбутту. Ты прав, надо было действовать быстро, чтобы к утру иметь легенду. И она появилась за полночи. Витольд был выдающийся человек. Все варшавские преступники считались с ним. Когда вожди решили списать Млыну, именно Нарбутта послали договариваться с «Иванами». Велки Эугениуш отнесся к просьбе с пониманием. Теперь Нарбутт опять направился прямо к нему. И угадал. Для каких-то своих целей Строба держал в городе четырех русских громил.

— Их было не жалко, — съязвил Алексей.

— Да. Этих было не жалко, и они подвернулись весьма кстати. Гришку с товарищами придумали подсунуть тебе. Дальше все пошло как по маслу. Особенно повезло, что ты застрелил главаря! О таком подарке никто и не мечтал.

— Тогда уже ты все это знал?

— Догадывался. Впервые заподозрил, когда допрашивали Эйсымонта Новца.

— Слишком легко тот согласился написать записку дяде?

— Да. Но потом было убедительно, и я успокоился. Однако когда мы с Витольдом остались один на один, я спросил его. Ну, дал понять, что подозреваю… Он резко меня оборвал, и я догадался.

— О чем?

— Что некие силы хотят, чтобы ты скорее покинул Варшаву. Например, в лаврах героя, который за два дня все распутал и научил нас, дураков, уму-разуму… Да не жалко! Поэтому я отодвинулся и не стал мешать. Но ты не уехал. А потом нашел труп Яшина. С этого момента скрывать обман было уже невозможно. Витольд отправился на Железную Браму — и его там задушили… Эхе-хе… Все! Ты прав: надо идти к людям.

Начальник отделения и его единственный теперь помощник вышли в общую комнату. Агенты уже разошлись и занимались каждый своим делом. Полицейский врач завершал осмотр тел.

— Что можете сказать, пан Мыщинский?

Доктор задумчиво протер салфеткой пенсне.

— М-да… Кем бы он ни был, но это чрезвычайно ловкий человек. Чрезвычайно! Пан Степковский однажды в одиночку задержал двух опасных уголовных. Да и пан Нарбутт никого не боялся. А этот Пехур разделался с ними за минуту. Причем висок старшему агенту проломил кулаком! Представляете, какой силы и точности был удар!

— Витольд Зенонович казался мне очень крепким, — осторожно вставил Лыков. — И опытным. Задушить такого человека крайне трудно. Нужно быть сильнее в разы.

— Не просто трудно, а почти невозможно, — подхватил доктор. — Пан Нарбутт ударил бы противника в пах или в горло. Или надавил бы на глазные яблоки. После такого душить сразу прекращают… Единственное, это если Пехур мгновенно пережал ему сонную артерию. Но тут нужна сверхъестественная ловкость!

Трехдневные, без сна и отдыха, поиски преступника результатов не принесли. Он или уехал из Варшавы, или лег на дно. Но в руки сыщиков стали приходить сведения о личности Млыны, и это давало надежду на успех розыска.

Первые данные Лыков получил из родного департамента. Он послал туда запрос, и быстро выяснились важные вещи.

Аркадиуш Млына происходил из чиншевой шляхты. Так называли мелких землевладельцев, проживавших в имениях магнатов и уплачивавших им чинш (оброк), всегда небольшой и неизменный. После аграрной реформы Николая Милютина чиншевики стали невыгодны магнатам. Начался массовый сгон людей с арендуемых чуть ли не веками участков. Это привело к разорению целых семейств. Большинство чиншевиков не сумели доказать свое дворянское происхождение и были записаны в крестьянство или мещанство. Тысячи униженных, лишенных куска хлеба людей пополнили в Январское восстание ряды мятежников.

Аркадиуш Млына попал в плен 9 января 1864 года. Тогда в Опатовском уезде Радомской губернии была разбита шайка известного Рембайло (кличка Карла Калиты). Хотя шестнадцатилетний подросток был захвачен с оружием в руках, его возраст вызвал сочувствие даже у русских офицеров. Мятеж к тому времени был уже на излете, и рядовых повстанцев часто просто отпускали по домам. Наказание вплоть до виселицы грозило лишь главарям. Мальчишку чуть было не освободили, как вдруг пленные дали на него страшные показания. За четыре дня до разгрома их шайка столкнулась на лесной дороге с отрядом

русской пехоты. В коротком бою головной дозор наших был перебит, остальным пришлось отступить. Двое солдат, раненые, оказались в руках у повстанцев. И юный Аркадиуш лично убил их, причем с особенной жестокостью.

Изувера отделили от других пленных и под конвоем отправили в Варшаву. Каким-то образом ему удалось обмануть стражу и бежать. Парень исчез бесследно. Остались лишь протоколы его допросов и показания повстанцев. Тогда многие брали себе конспиративные имена. Кличка Млыны была Ежи Пехур.

В присланных бумагах оказались приметы беглеца. Рост два аршина десять вершков,[53] волосы русые прямые, глаза карие, не по годам крепкого сложения, держится очень уверенно. Скрытный, упорный, с сильной волей. Умеет подчинять окружающих себе. Командовал пехотным взводом, причем жовнеши[54] много старше его по возрасту боялись юнца и слушались его беспрекословно. Потом именно они в плену и свели с ним счеты…

Где был и что делал Млына с начала 1864-го и по конец 1886 года, оставалось неизвестным. Ясно только, что за это время из звереныша вырос зверь.

Алексей решил узнать, нет ли чего у жандармов. Он пошел не к губернским жандармам, а сразу в управление Варшавского жандармского округа, отвечающего за весь Привислинский край. Начальник, генерал-лейтенант Брок, не нашел времени на скромного коллежского асессора. Лыко ва принял старший адъютант ротмистр Маркграфский. Молодой, но уже непомерно важный, он строго осведомился о цели визита. Алексей стал рассказывать об идейном террористе, убившем трех офицеров, но жандарм быстро перебил его:

— По нашим сведениям, никаких террористов в Варшаве не существует. Это вымыслы.

— Чьи вымыслы? — не понял Лыков.

— Вероятно, ваши, — ответил Маркграфский, очень довольный своим сарказмом. И добавил, ухмыляясь: — Орденок за наш счет решили сорвать? Жандармы прошляпили, а вы нашли заговор? Не выйдет!

— Послушайте, ротмистр, — сдерживая раздражение, сказал коллежский асессор. — Террористы в городе уже имеются. Они существуют независимо от того, что вы пишете в отчетах. Но я не хочу сейчас об этом спорить. Варшавскую сыскную полицию интересует, есть ли у вас материалы на Аркадиуша Млыну, известного также как Ежи Пехур. Вот официальное отношение обер-полицмейстера на имя вашего начальника.

Ротмистр брезгливо отодвинул бумагу, даже не заглянув в нее, и кликнул ближайшего писаря:

— Подготовь ответ… этим, — кивок в сторону Алексея, — что ничем не располагаем. За подписью его превосходительства. Ишь чего придумали! Террористов надутых…

Лыков ушел от жандармов разочарованный и с пустыми руками. Было ясно, что здесь до последнего будут бороться за радужную картинку в отчетах.

Поразмыслив, сыщик решил навестить военных. Вдруг у них обнаружится что-то на Ежи Пехура?

Громадное здание штаба Варшавского военного округа располагалось на Саксонской площади. Два симметричных корпуса, украшенных монотонными пилястрами, соединялись крытой арочной колоннадой. Алексей прошел в отчетное отделение. Он знал, что там командует его давний знакомый капитан Сенаторов. Бывший сослуживец барона Таубе получил новый чин и ответственное назначение. Теперь он руководил окружной разведкой, имея противниками Германию и Австро-Венгрию.

Сенаторов встретил старого приятеля сдержанно — вид у него был озабоченный.

— Здравствуй, Алексей Николаевич. Зачем ты здесь?

— Здравствуй, Владимир Сергеевич. Мне нужна справка. Капитан поморщился. Хотел, видимо, предложить пойти за справкой в другое место, но передумал. Сел напротив, подпер голову руками и сказал коротко и серьезно:

— Слушаю.

— Тебе говорит о чем-то имя Аркадиуш Млына?

— Нет.

— А Ежи Пехур?

Сенаторов вскочил как ужаленный:

— Что ты о нем знаешь? Он в Варшаве?

— Извини, сначала ответь на мой вопрос.

— Мы безуспешно ловим этого негодяя уже полгода. Он австрийский шпион и очень ловкий человек. А ты с какого бока на него вышел?

— Я командирован в варшавскую сыскную полицию приказом министра. Кто-то стал убивать наших офицеров. Здешние силы не справлялись.

— Понятно. И что?

— То, что их убивает именно Ежи Пехур, он же Аркадиуш Млына.

Сенаторов тут же записал имя на бумажке и попросил:

— Расскажи, пожалуйста, все как можно подробнее.

Лыков детально изложил ему историю своих розысков.

Потом добавил:

— Теперь давай свою часть.

— Хм… Она будет короче твоей. А за сведения спасибо! Так вот. Мы, разведка, узнали об этом Пехуре в конце прошлого года. Он появился под фамилией Крыгер в качестве подрядчика. Вел землеустроительные работы в Сливицком форте.

— Сливицкий форт — это где?

— Правобережный тед-де-пон Александровской цитадели. Он защищает крепость от обхода с тыла. Важная задача. Кроме того, в нем хранился военно-окружной архив.

— Так Крыгер залез в ваш архив?

— Да.

— А зачем ему старые бумажки? Камин разжигать?

Сенаторов смутился:

— Место казалось абсолютно надежным. И мобилизационный отдел перенес туда свою канцелярию: здесь тесно.

— Ну и ну! Что ему досталось?

— Это секрет, извини.

— Вовчик! Для австрияков уже не секрет, а для своих — тайна? Вас тут что, беленой кормят?

— Ну… Крыгер утащил мобилизационное расписание номер двенадцать, план развертывания и всю исходящую переписку.

— Хорошо отоварился! А как он это сумел?

— Да никому и в голову не пришло! Почтенный пан, работы всегда сдает в срок. Крыгеру даже выделили комнату в казарме форта, чтобы хранил там свои чертежи. Та комната была по соседству с мобилизационным отделом…

— Понимаю. Вы приходите в понедельник, а стена разобрана…

— Увы, да. Бумаги похитили, а пан Крыгер исчез. Правда, мы сумели перехватить его курьера. В Галиции. Тот переходил границу и налетел на наш секрет. Тогда нашли половину похищенного, вторую половину ищут до сих пор. Письмо в австрийский штаб было подписано: Ежи Пехур.

— Это все?

— Все.

— Опиши мне наружность Крыгера.

— Крепкий статный мужчина лет сорока. Густые вьющиеся волосы, черные с проседью, и окладистая борода в немецком вкусе.

— Проседь на висках?

— Нет, равномерно по всей голове и в бороде тоже.

— И он не хромал?

— Нет. Для чего ты спрашиваешь?

— Ежи Пехур, что убил двух сыщиков в номерах на Железной Браме, имел черные волосы с проседью на висках. Носил золотые очки. И припадал на левую ногу. Притом что природные его волосы — русые.

— Грим?

— Разумеется. Наш Ежи — мастер перевоплощения. Сядет завтра напротив тебя в кавярне, и ты его не узнаешь.

— Получается, шпион никуда не сбежал, а все эти месяцы спокойно жил в Варшаве?

— Да. И не просто жил, а расширил свою преступную деятельность. Решил встряхнуть польское общество. Поднять его на антирусский террор. Ох, пора его кассировать!

Сыщик и разведчик договорились, что будут обмениваться сведениями. Немногочисленная агентура отчетного отделения работала в поте лица, но пока без толку. Теперь к ней присоединялись возможности сыскной полиции. Шансы поймать вождя боевцев повышались.

— Слушай, а как у тебя с жандармами? — уже уходя, спросил Алексей.

— Никак, — ответил Сенаторов. — По закону, именно они у нас главные контрразведчики. Но работать не хотят. Уверяют Петербург, что здесь все благополучно, Варшава — сонное царство. Пока их самих не взорвут, они будут на этом настаивать! А по моим сведениям, польские социалисты создали некий «легион смерти» с целью террора. Против нас, ра зумеется. Возможно, Ежи Пехур как раз и есть руководитель этого легиона.

— Не возможно, а так и есть. На всех трех убитых офицерах были записки от его имени.

Вечером Лыкова вызвал к себе обер-полицмейстер.

— Как вы оцениваете действия титулярного советника Нарбутта? — поинтересовался он, стоя посреди кабинета.

— Как преступные.

Толстой поморщился:

— Обоснуйте!

— В феврале в Варшаве был убит подпоручик Яшин. Вы в нашу первую встречу, помнится, отвергали этот факт… Нарбутт с самого начала знал о нем, но скрыл преступление. Он решил вести розыск самостоятельно. В тайну был посвящен ряд его подчиненных, поляков по национальности. Кто именно, выяснить невозможно — в отделении круговая порука, все отговариваются незнанием. Известно лишь, что среди них

был покойный Степковский.

Самодеятельные усилия Нарбутта успехом не увенчались. Между тем убийца — теперь мы знаем, что это Аркадиуш Млына, он же Ежи Пехур, — совершил новые злодеяния. В марте он зарезал пристава Емельянова, известного строгим отношением к местному населению…

Толстой перебил:

— А ведь я многократно просил его быть человечнее! И вот результат.

— …Нарбутт и его сообщники снова промолчали, — продолжил Лыков.

— Но они же хотели как лучше! — взорвался обер-полицмейстер. — Неужели вы этого не понимаете?

— Не понимаю, ваше превосходительство. Убивают русских офицеров, а сыскная полиция знает, но молчит. Не понимаю!

— Вы же сами общались с третьей жертвой, этим несносным штабс-капитаном Сергеевым. Я ведь приезжал в ресторан, беседовал с кельнерами. Отвратительное поведение, недостойное офицера!

— Значит, за это кишки наружу? — чуть не выкрикнул Лыков. — В ресторан вы приехали. А в морг не нашли времени спуститься? Не видели, что Млына сделал со штабс-капитаном?

Лицо генерала налилось кровью, но он промолчал.

— После казни Сергеева титулярный советник Нарбутт совершил очередной служебный подлог, — продолжил Алексей. — Он навел полицию на шайку русских громил. Которых по его просьбе предоставил некий Строба, он же Велки Эугениуш. Этот человек — уголовный «король» всей левобережной Варшавы. С ним у пана Нарбутта, оказывается, были такие вот доверительные отношения… Неслучайно Велки Эугениуш счастливо избежал тюрьмы за все годы своей преступной деятельности. Можно лишь догадываться, какие еще сделки имели место между ними!

— Это бездоказательно, — возразил обер-полицмейстер почти спокойным голосом. — Но я хочу поговорить не об этом. Да, Витольд Зенонович ошибался. Хотел как лучше для русско-польских отношений… И решил лично истребить злодея и положить конец насилиям. За свои ошибки он заплатил жизнью. А теперь после вашего рапорта его пожилая мать не получит пенсии.

Коллежский асессор смешался. Вопрос пенсий всегда очень болезненный. Люди служат десятилетиями, а потом по капризу начальства их оставляют ни с чем. А тем более старухи матери… Прав генерал. Убитых офицеров уже не вернуть, да и нет среди них чистеньких…

— Я понял вас, ваше превосходительство. Постараюсь сформулировать свой рапорт так, чтобы мать титулярного советника Нарбутта не лишилась пособия.

Толстой обрадовался, долго благодарил, даже перекрестил напоследок. А у Лыкова осталось впечатление, что его снова надули. Под вывеской добрых побуждений…

На исходе следующего дня состоялась еще одна встреча. Лыков возвращался из следственной тюрьмы, как вдруг его обступили трое корпусных мужчин. Алексей сразу узнал старшего, с фигурой циркового атлета. Это был Збышняк, то ли управляющий, то ли вышибала Велки Эугениуша. Он вежливо приподнял котелок, обнаружив шишку на темени.

— Здравствуйте, пан Лыков. Вы желали встретиться с паном Стробой?

— Здравствуйте, пан Збышняк. Я вижу, глаз уже поджывает? А разве я вам тогда и голову разбил?

— И не только мне, пан Лыков. Мы получили хороший урок.

— Прошу меня простить, погорячился. Так что насчет встречи?

— Если удобно, то можно прямо сейчас. Вот бавария,[55] вас ждут в дальнем зале.

В полутемной пивной сидел в одиночестве представительный мужчина. Увидев сыщика, он поднялся.

— Благодарю, пан Лыков. Я имею до вас надобность.

«Иван» оказался высоким, крупным в кости, с обвислыми помещичьими усами. Улыбка добродушная, но взгляд хищника…

— Какое пиво изволите?

— Светлое.

Велки Эугениуш кивнул, и кельнер бегом устремился к стойке.

— Вы круты на расправу, пан Лыков! Никому в Варшаве еще не удавалось побить Збышняка. У вас сильные руки!

— А у вас быстрые ноги, пан Строба. Я так и не смог вас тогда догнать.

Собеседники весело рассмеялись, и лед первого знакомства тут же растаял.

— Я сразу быка за рога, — начал уголовный. — Не хочу, чтобы в Департаменте полиции накопились до меня счеты. Перед властями я чистый. Делаю маленькую коммерцию в Варшаве, и только. Офицеров не убиваю.

— Я извещен. Но вы пытались обмануть следствие…

— Да, — согласился «иван». — По просьбе Нарбутта. А пан Витольд, упокой Господи его душу, был такой человек. Редко чего просил, и не для себя, для Польши. Но если уж скажет, что надо, — ему не отказывали. Мы в Варшаве привыкли договариваться с выделом следячи.[56]

— Понятно, — нахмурился Лыков.

— Пожалуй, что не до конца вам понятно. Вы подумали о пане Витольде плохое. Что мы его купили, так? Нет. Он был порждендный… порядочный. Мзды не брал и ловил нас честно. Однако иногда обе стороны — и кто ловит, и кто прячется — должны договариваться. В прошлом году мы выдали пану Витольду одного из наших, Медарда Ломжинского. Тот был звежэнт джике… дикий зверь. Убил маленького ребенка! Такому не место в Варшаве.

— Ну хорошо, — согласился коллежский асессор. — Вы общались для пользы дела. О чем еще вас просил Нарбутт?

— Вот для того я и позвал вас, — серьезно ответил уголовный. — То правильный вопрос. Пан Витольд просил меня найти Ежи Пехура. И объяснил, почему я должен ему помочь. Ежи Пехур — поляк, его плохо отдавать русским. Нужно поймать и наказать его самим, за ущерб Польше. Убийства офицеров — во вред Польше. Правительство очень обрадуется, если дело примет политический оборот! И страну запрут на большой замок, такой, что много лет не удастся отпереть. А Млына не понимает этого.

— И вы согласились помогать?

— Да. Вам я не стал бы отдавать поляка, а пану Нарбутту — другое дело. Но моя помощь оказалась не к добру. Именно мои люди нашли квартиру на Железной Браме. Я подсказал следячим адресок, а они там погибли… Теперь Млына и мой враг. Найду — убью. Знайте, мы по-прежнему его ищем. Но сейчас, после смерти пана Витольда, я отдал бы вам того скурвы сына. Нех мне дъябел порви, отдал бы! А вы пусть сделаете с ним то, что сделали с Гришкой.

— Самому хочется, — неожиданно для себя признался Лыков.

— Так и не отказывайте себе! Я что хочу пояснить? Да, мы преступники. На мне много грехов, если смотреть в законы. Но совесть у меня есть. И бывает, что нужен человек с той, с вашей стороны. У которого тоже есть совесть. Мы с паном Витольдом так и делали, мы не допускали крайностей. Нельзя убивать детей, и Медард Ломжинский за это заплатил. Но нельзя и пользоваться властью во зло. Варшава легче дышала. А теперь мне не с кем договариваться.

— Но есть Гриневецкий.

— Фуй! Он не поляк, а жмуд. Тоже, конечно, человек, но… Я говорил бы и с ним, если бы он был как пан Витольд. Но ему далеко до него. Мне кажется, я мог бы говорить с вами.

И Строба просительно заглянул сыщику в глаза, словно не был всесильным «иваном».

— Но ведь я закончу свое дело и уеду отсюда.

— Я знаю. Но сначала его надо сделать.

— Тогда помогите, дайте подсказку.

— И дам! Для того и трачу ваше время. Слушайте. Ежи Пехур стал собирать молодежь. И дурит их юные головы. То очень плохо. От его имени вербовкой занимается Рышард Студэнт. Поймайте его, и получите Ежи.

— Рышард Студент. Очень хорошо, пан Строба! А где он бывает?

— Он ходит в «Дырку» на Медовой.

— Это та «Дырка», которую любил Шопен?

Велки Эугениуш встал и протянул Алексею руку:

— Шкода![57] Жаль, что вы уедете.

Глава 10

Еще Полска нэ сгинжла!

Они сидели втроем: Гриневецкий, Лыков и Егор Иванов. В последние дни положение парня укрепилось. Пришла бумага о присвоении ему чина коллежского регистратора — необыкновенно быстро против обычного движения дел. Другие агенты перестали скрывать от русского сведения, учили и натаскивали. Смерть Нарбутта потрясла отделение. Люди лишились командира и наставника, за которым были как за каменной стеной. Эрнест Феликсович просто осиротел. Ему все труднее стало изображать начальника; по вечерам он начал выпивать.

Спокойная уверенность и методичная настойчивость Лыко ва помогли всем не рассыпаться. Командированный почти не ел, почти не спал и совершенно не собирался раскисать. Это подтянуло людей. Поляки впервые объединились с русскими. Пусть для единичной задачи: поймать Ежи Пехура. Но это заработало и стало давать результат.

Итак, сыщики сидели в кабинете и мозговали. Гриневецкий разлил по оловянным рюмкам яжембек.[58] Лыков дал ему это сделать, после чего забрал бутылку и поставил на пол возле себя. Сказал примирительным тоном:

— По одной.

— По одной, — охотно согласился надворный советник.

— Итак, студент, которого зовут Рышард, — начал Алексей. — Уже кое-что. Надо обойти все варшавские высшие учебные заведения.

Егор усмехнулся:

— Навряд ли это поможет.

— Их здесь так много?

— Нет, я о другом. Ваш Рышард, скорее всего, никакой не студент.

— Почему? — удивился Лыков.

— Это местная особенность. Поляки — вежливые люди. Настолько вежливые, что всегда готовы сделать приятное соседу. Здесь в обычае завышать статус окружающих. Рядового писца называют радцей, то есть советником. Учителя гимназии — профессором. Журналиста — писателем. Студенту уже сейчас присвоят его будущую профессию инженера или адвоката.

— Чудеса! А кого же тогда назовут студентом?

— Гимназиста старших классов.

— А таких в Варшаве тысячи, — скривился Эрнест Феликсович. — Но что это мы опять о делах? Как говорят в «суконной гвардии»: совершим единоточие!

«Суконной гвардией» пренебрежительно называли полки 3-й гвардейской дивизии, расквартированной в Варшаве. Даже здесь паны усматривали для себя обиду: кавалергардов или лейб-гусар им не присылали!

Сыщики выпили, и Егор продолжил:

— Гимназистов тысячи, а «Дырка» одна. Я сяду там и стану наблюдать.

— И получите клинок между ребер, — сразу оборвал его Гриневецкий. — Слышал я о

боевцах. Это не налетчики. Им убить шпицеля[59] — раз плюнуть.

— А как они догадаются, что я шпицель? Там много молодежи кофей пьет!

— Эрнест Феликсович прав, тебе туда нельзя, — вмешался Лыков. — Только спугнешь. И никому из агентов нельзя. Они все примелькались в вашей деревеньке. А тут единственная ниточка. Новое лицо лишь испортит.

— Одному агенту туда можно, — благодушно изрек Гриневецкий. — Ему вообще везде можно.

— Кому? — вскричали русские.

— Догадайтесь! Он совсем не похож на шпицеля. Нисколько!

— Шмуль Сахер! — хлопнул себя по ляжке Алексей.

— Точно! — обрадовался Иванов. — Привести его сюда?

— Веди.

Громко топая ногами, явился Шмуль — рыжий, ражий и разбитной. Глядя на него, начальство непроизвольно заулыбалось.

— Скажи, ты бывал в кавярне «Дырка»? — начал Гриневецкий.

— Которая на Медовой? Бывал сто разов.

— А там знают, что ты агент?

— Откуда, пан надворный советник?! В Старе Мясте знают лишь моя фамилия. А в остальной Варшаве, спросите вы? А в остальной Варшаве, скажу я вам, все думают, что Шмуль Сахер — это махер,[60] ха-ха! Я же веду обороты с Лодзью… маленькие такие обороты, панове начальники, тольки для прикрытия!

— Молодец, веди и дальше. Прикрытие — вещь важная. Теперь о «Дырке». Нам надо проследить там сообщника Ежи Пехура.

Шмуль сразу посерьезнел.

— По нашим данным, Пехур сколачивает из молодежи шайку боевцев. От него в кавярню ходит некто Рышард Студэнт. Слышал о таком?

— Нет. Какой он наружности?

— Мы не знаем. Мы ничего не знаем, кроме того, что он ходит в «Дырку» и водится там с молодежью. Хозяин заведения — бывший повстанец, у него не спросишь. Тебе поручается заглядывать туда. Так часто, насколько это возможно, не возбуждая подозрений. Перенеси в «Дырку» свои торговые операции, стань завсегдатаем. И смотри в оба глаза. Начни прямо сейчас. Выполняй!

Сахер ушел, задумчивый. А когда вскоре Алексей вышел на подъезд ратуши, агент его там поджидал.

— Ваше высокоблагородие, — сказал Шмуль без своих обычных гримас, — тут один старый еврей очень хочет до вас обратиться.

— Что за еврей? Пусть приходит, я с ним встречусь.

— То мой папаша, Гершель Сахер. Пшепрашэм, но не может ли ваше высокоблагородие уважить папашу и прийти к нам домой? Так будет лучше. Он имеет что сказать до правительства.

— Ну, если до правительства, то поехали прямо сейчас. Оказалось, что агент уже и фурмана арендовал. Сыщики сели в пролетку и отправились в Старе Място. Шмуль велел поднять верх экипажа, а сам сел так, чтобы поменьше высовываться. Лыков, наоборот, вертел головой. Служба не оставляла ему времени для прогулок по Варшаве, и он не успел налюбоваться прекрасным городом.

Пролетка выехала на Замковую площадь. Мелькнул знаменитый «дом под бляхой», затем последовали колонна Сигизмунда и сам королевский замок. Очень скоро экипаж оказался на узкой Свентоянской улице. Как интересно вокруг! Алексей любовался и жалел, что не зашел сюда раньше. Самые старые здания Варшавы здесь! Винный подвал Фукера, знаменитый на всю Европу, где-то за углом! Сахер показывал начальнику именные дома: «под кораблем», «под негром», «под Святым Марком». Вот и рыночная площадь. Коллежский асессор помнил из путеводителя, что она крохотная — всего 45 на 35 саженей. [61] Но когда увидел своими глазами, поразился: такая теснота! Экипаж не смог ехать дальше и вынужден был остановиться.

— Уже близко, — ободрил начальство Шмуль. — Мы живем вон за тем углом, возле Гнойной гуры.

— Гнойная гора? — удивился Лыков. — Что за странное название?

— Раньше то была свалка. Давно, тыщу лет назад. Может, пятьсот… А вот и Каменные Сходки, я тут вырос.

— Каменные Ступени? Любимая улица Наполеона?

— То так, — с гордостью подтвердил агент.

Улочка оказалась узкой лестницей, по сторонам которой уместились лишь четыре дома. Все они были средневековой постройки и принадлежали, судя по характерным признакам, иудейскому племени. Сахер открыл незапертую дверь и завел гостя в ближайший из домов. В нос Лыкову ударили запахи небогатого еврейского быта. Пожилая, очень полная женщина, увидев вошедших, тут же молча исчезла в комнатах.

— То моя матка, — пояснил Шмуль. — Стесняется. Зато папаша ничего не стесняется, раз вытребовал в гости самого господина коллежского асессора! Невозможно описать, ваше высокоблагородие, как я вам признателен. Вы такой негордый, посетили простого еврея. Ни один поляк никогда так не сделает. А вы! Это станет событием для папаши!

Они вошли в маленькую комнату окнами на улицу, и Шмуль сразу же сердито закричал:

— Фатер, я ведь просил вас убрать эту бебеху! Вы позорите меня перед паном начальником! И опять надели рваные пантофли? Ай-яй!

И бросился вынимать старую перину, которой от сквозняка было заткнуто окно. В комнате тут же сделалось светлее.

Сахер-старший, смущаясь, засунул ноги в дырявых тапочках под козетку.

— Шмуль, но в них еще много можно ходить…

— Ах, папаша! Посмотрите на него, пан Лыков. Это человек числится в шэдэмсэт тыщенц капитала! Он выдает пожички, половина Варшавы у него в вежичелах.[62] А сидит в обносках и затыкает окно бебехой.

— Ваш отец имеет семьсот тысяч капитала, а вы пошли служить в сыскную полицию? — поразился Алексей.

— Знакомства в полиции будут полезны, когда я заведу свое дело… Но вот знакомьтесь, ваше высокоблагородие, — то мой папаша.

Гершель Сахер оказался совсем не похож на сына. Пожилой и очень болезненный на вид, в домашнем халате, с грязными пейсами, он был колоритен и при этом карикатурен. Но умный встревоженный взгляд… Старик смотрел на гостя внимательно, одновременно и с надеждой, и с недоверием.

— Благодарю вас, ваше высокое благородие, что не пожалели драгоценное время посетить старого еврея, — начал он трескучим голосом.

Коллежский асессор вежливо поклонился и ответил:

— Ваш сын на хорошем счету, и поэтому я никак не мог отказать.

— Мой сын… — Старик на секунду прикрыл бесцветные глаза. — Речь именно о нем. Он привык полагаться на мой совет. А сейчас я впервые не знаю, что сказать ему. Возможно, это пустяк. Возможно, нет, и для правительства это очень нужно знать. И еще возможно, что он подвергнет себя опасности. Если сообщит вам то, что нечаянно узнал.

Агент, только что стыдивший отца, сидел теперь молча. На лице его была сыновья почтительность.

— Если Шмуль выяснил что-то, касающееся службы, ему лучше сообщить начальнику отделения, — осторожно сказал Лыков.

Сахер-старший вздохнул, потом спросил:

— Скажите, пожалуйста, кто сейчас начальник в выделе следячи?

— Надворный советник Гриневецкий.

— Да, так написано и в календаре. Но если он захочет, то сможет уволить вас от службы?

— Нет. Я подчиняюсь Петербургу, а здесь на временных основаниях.

— А вы, если захотите, сможете отставить пана Гриневецкого?

— Если сочту, что это необходимо, то да, смогу.

Отец покосился на сына и сказал:

— Хорошо, что ты привел его.

Тот лишь склонил голову.

— Пан Лыков! — торжественно начал Сахер-старший. — У меня только один сын. У вас есть дети?

— Да, двое.

— Тогда, наверное, вы меня поймете. Ведь и двоих любишь как одного… Шмуль столкнулся с необъяснимым. Повторю: возможно, это пустяк. И вы посмеетесь над двумя глупыми евреями, молодым и старым, что отняли ваше время. Мы сами не можем понять. И боимся сказать вам.

Лыков начал терять терпение:

— Если вы будете ходить вокруг да около, я не смогу ответить на ваш вопрос.

— Понимаю. Но боюсь. За него, за моего сына. Он для меня, пшепрашэм, дороже любого правительства. В отделении все решают поляки, а Шмуль еврей. Им не будет его жалко в случае чего… Пообещайте, что сохраните наш разговор в тайне. Ото всех. И от пана Гриневецкого, и от вашего русского помощника.

— Обещаю.

— А еще что не подвергнете моего сына опасности.

— Сам род его службы предполагает иногда опасность.

— Знаю и ежедневно прошу за него у нашего бога. Я имею в виду другую опасность. Сверх той, которой он и без того уже подвергается.

— Другая опасность?

— Да. Он расскажет вам, вы — кому-то еще, и потом честность Шмуля ударит по нему же. Вдруг сыну лучше молчать?

— Никто не знает это заранее. Если скажу, что он ничем не рискует, значит, солгу вам. А врать не хочется. Могу обещать лишь, что стану оберегать вашего сына от излишних угроз.

Гершель Сахер повернулся к сыну.

— Это честный ответ. Пан Лыков говорит: сделаю, что смогу. Не обещает того, чего не может. Это честный ответ. Расскажи ему все.

И Шмуль тут же стал говорить:

— Это случилось вчера утром, пан Лыков. Я шел помимо Уяздовских бараков. У меня там склад мануфактуры, что я получаю из Лодзи… для прикрытия. Вдруг попереди себя замечаю нашего шпика Пржибытека…

— Агента?

— Ну, пусть-таки будет агента. Пржибытек стоял за киоском и кого-то наблюдал. Привычное дело. Мы знаем: в таких случаях надо сразу уйти, чтобы не навредить слежке. Непрошеный шпик — он может провалить! И я свернул на Нововенскую.

— Вы не успели понять, за кем следил ваш сослуживец?

— Даже и не пытался. Человек почувствует на себе лишнюю пару глаз — зачем это надо?

— Что же вас насторожило? Привычное дело, сами сказали.

— То так. Но вечером я на всякий случай заглянул в журнал рапортов, которые наши шпики ежедневно пишут пану Яроховскому. И не нашел там Уяздовских бараков!

— Ваш товарищ забыл их отразить?

— То исключено. Очень строго спрашивают! Даже где и когда шпик ходил в устэмп, он обязан написать. Вдруг в те минуты объект и скрылся от наблюдения? Нет, тут другое.

— Пржибытек вел несанкционированную слежку?

— Не… какую?

— Не дозволенную начальством.

— Скорее наоборот, пан Лыков. Этот жлоб — приближенный до пана Яроховского. Тот даже крестил ему цурку!

— Дочку крестил? Франц Фомич?

— То так. И жалованья Пржибытек получает больше в отделении. А его ойчьец помер в Сибири, в каторге.

Лыков задумался. То, что сначала выглядело незначительной деталью, теперь представлялось ему серьезным сообщением. Алексей знал, что агенты не могут вести самостоятельных розысков. Каждый вечер они сдают отчет своему непосредственному начальнику. В деталях и подробностях. И так во всех сыскных отделениях империи! Речи быть не может, чтобы опытный сыщик что-то забыл занести в рапорт, а тем более слежку.

— Вы полагаете, Пржибытек выполнял секретное поручение своего начальника?

— Да. Секретное ото всех и от вас тоже. Не знаю насчет Гриневецкого, тот жмуд. А поляки… Мало они уже вас обманывали?

— Да уж. Мне казалось, что со смертью Нарбутта все переменилось.

— Мне тоже так казалось. До вчерашнего вечера.

— Я все понял. — Лыков встал, одернул сюртук. — Господа! Я благодарю вас обоих от имени правительства за важное сообщение.

Старик тоже встал, но смотрел тревожно. Лыков сказал, обращаясь к нему:

— Обещаю, что правдивость вашего сына не навлечет на него дополнительных опасностей. Честь имею!

Шмуль вышел проводить начальство до порога. Пояснил:

— Вам дальше одному, ваше высокоблагородие. Нельзя, чтобы нас видели вместе. Евреи очень любопытны!

Сыщик решил пройтись до полицейского управления пешком. Когда он еще окажется в Старувке![63] Алексей спустился в подвал «У Фукера», которому уже двести лет, и купил там бутылку старого токая. Измерил шагами Васки Дунай — самую узкую улочку Варшавы. Зашел в собор Святого Яна, где могилы польских королей. Выпил пива на Пивной улице. Однако долго пропадать он не имел права и, нагулявшись, почти бегом отправился на службу.

Неожиданно на углу Подвальной и Капитулины его остановили трое парней.

— Пан Лыков? До вас опять есть разговор у пана Стробы. Он прознал новое и желает рассказать.

— Где пан Эугениуш?

— А вон ресурс, он ждет там.

Лыков замешкался. Во-первых, он не знал, что значит у поляков ресурс. Во-вторых, молодые люди отличались от тех солидных панов во главе со Збышняком, что тогда проводили его к «ивану». Скорее, они смахивали на «беков»[64] Ежи Пехура.

Увидев сомнение, старший из парней добавил:

— Пан Эугениуш отыскал, кого обещал.

Сердце Лыкова учащенно забилось. Ловушка? А вдруг нет? Просто у Стробы имеются в подчинении разные люди? Покажешь настороженность — поляки посмеются… Но лучше быть смешным, чем мертвым!

Так ничего и не решив, сыщик направился к указанной двери. При этом незаметно перехватил бутылку, которую нес в бумажном пакете, за горлышко. На всякий случай — так удобнее бить. Тут в голове мелькнула неуместная мысль: пятьдесят шесть рублей отдал! Жалко!

Они напали на него в коридоре. Шедший впереди крепыш вдруг встал как вкопанный. Алексей с ходу налетел на него. Выручило лишь то, что он был наготове. Сыщик сбил парня с ног, шагнул на его место и одновременно развернулся в замахе. Боевик, шедший сзади, ударил Лыкова в спину ножом — и проткнул воздух. Лицо у него сделалось недоумевающее… Как не попал? Тут по дуге прилетела бутылка и ударила террориста в темечко. Бац! По лбу полилось красное — то ли вино, то ли кровь, и поляк рухнул на пол. Третий боевец уже целил в сыщика из револьвера, и тот не раздумывая ринулся вперед. Он делал короткие и быстрые зигзаги, как в свое время учил его Таубе. Грохнули три выстрела — мимо! Не сбавляя темпа, коллежский асессор забежал в ресурс.

— Где второй выход?

Через десять минут, все еще возбужденный, Лыков рассказывал свое приключение Гриневецкому с Ивановым. Страх выходил из него через самоиронию. Сыщик в карикатурном виде описал свое бегство с поля боя и заячьи увертки в тесном коридоре. Под конец выдохся и спросил:

— Эрнест Феликсович, у тебя осталось что-нибудь в комоде?

Гриневецкий засопел удовлетворенно и вынул бутылку мышливки.[65] Налил Алексею целый стакан, а себе с Егором по рюмке.

— За твою ловкость! Так?

— Ага, — согласился ловкач и вмиг опростал посуду. Зубы его звякнули о стекло. — Вот теперь мне страшно… Ребята, а что такое ресурс?

— Это клуб по профессиональным интересам, — пояснил Егор. — Но там и пиво с водкой наливают, и буфет обычно хороший.

— Последняя бутылка урожая 1812 года! — вдруг воскликнул Лыков. — Пятьдесят шесть целковых! И разбил об чью-то дурную башку… Где я еще возьму подобный токай? Вот собаки! Ну, они мне ответят! — Затем попросил жалобно: — Эрнест, налей еще пендюрочку!

Но тот со словами «а помнишь, как ты меня лишал?» спрятал бутылку в комод. Алексей немного покручинился, а потом сообразил:

— Эти люди откуда-то знали, что я встречался с Большим Евгением. И пытались подражать его охране. Ну?

— Что «ну?» — не понял Егор.

— Кому вы двое пересказывали мое сообщение?

— Я — никому, — тут же заявил коллежский регистратор.

— А ты? — Алексей перевел взгляд на начальника отделения. — Например, Яроховскому?

Эрнест Феликсович смутился:

— Вчера вечером… как-то само с языка слетело. Но ведь он один из нас!

— Да, один из нас, — сразу согласился Алексей.

— И потом, я думаю выдвинуть его на освободившуюся должность… моего помощника. Франц Фомич — достойный человек и настоящий поляк. Пусть начинает входить в дела.

— Да, конечно. Из всех служащих отделения он самый подготовленный.

Гриневецкий подозрительно покосился на Лыкова:

— А чего это ты во всем со мной соглашаешься? Мину закладываешь?

— Зачем ты так? Я скоро уеду. А ловить польских жуликов должны поляки, это я уже понял.

И разговор на этом прекратился. Лыков, чтобы окончательно выгнать из себя страх, пошел прогуляться. Совсем, мол, вас не боюсь! Разумеется, никто на него не напал. Вооб ще, день у коллежского асессора получился туристический. Сначала он облазил Старе Място, а сейчас заглянул в Саксонский сад. Варшавские парки нравились столичному гостю. Жалко, не добрался он пока до Лазенок — говорят, там лучше всего. Но и в Саксонском было чудо как хорошо! Неожиданно посреди парка он заметил что-то необычное. Несколько чисто одетых юношей и барышень подошли к обелиску. Плюнули на него шумно, не скрываясь, и удалились. Заинтригованный Лыков решил посмотреть. Оказалось, молодежь плевала на памятник польским генералам, не поддержавшим Ноябрьского восстания 1830 года. Доска с надписью «Полякам, верным своему монарху» вся была захаркана. Ох уж эти варшавские штучки… Скорей бы домой, где никто не считает тебя захватчиком. И скорей бы уж отпустили несчастную Польшу — всем от этого станет лучше.

День закончился без приключений. Алексей поужинал в одиночестве в кухмистерской при доме и поднялся к себе в пустую квартиру. Пан Влодзимеж, как всегда величественный, вручил ему у конторки письмо. Писала Варенька. Сыщик положил конверт на стол и долго не распечатывал. Малгожата! Красивая и свободная. Совсем недавно она лежала на этой вот постели нагая и манила его пальчиком… И он, Лыков, до сих пор жалел, что Егорка прибежал так некстати! Но пришла весточка из дому, и теперь Алексея ел стыд. Он же венчаный! Как грех замаливать? А как Варваре в глаза посмотреть? Вдруг к его стыду добавился еще и страх. Что, если он подхватил от Малгожатки дурную болезнь? Запросто! Хоть и не гулящая, но явно охоча до мужского пола. Черт знает, с кем эта дурная баба спит! Ужас! Если это случилось, от жены не утаишь. Тогда конец семейному счастью — Варвара не простит…

Лыков с трудом заснул.

Приключения возобновились к обеду следующего дня. Прибежал агент Стжеминский и принес записку от Сахера: «Приходите в „Дырку“ срочно». Лыков засунул сзади за ремень «Веблей», кликнул Егора, и они поспешили на Медовую.

Когда до кавярни оставалось пятьдесят саженей, из нее вышел паренек в синей конфедератке. Самый обычный на вид, ничем не выделяющийся из толпы. Но именно за ним потопал появившийся через минуту Шмуль. Сыщики укрылись за тумбой, а затем сели

на хвост своему филеру. Дальше передвигались уже вчетвером. Лыков держал дистанцию в тридцать шагов и боялся ее сокращать. Так и шли, словно связанные незримой нитью. Боевик направлялся в Ново Мяс то. По Долгой он добрался до Феты и устремился по ней быстрым шагом. Сыщики тоже поднажали. Рышард был неутомим, и грузный Сахер начал отставать. Вдруг, когда поляк подходил к костелу Святого Франциска, случилось неожиданное. Из подворотни вынырнул мужчина, одетый мастеровым, и пристроился за спину филеру. Шмуль его не замечал и продолжал слежку. А «мастеровой» порылся в кармане и достал нож.

Все произошло стремительно. Если бы Лыков стал размышлять, Сахера бы зарезали. Но у коллежского асессора сработали рефлексы. Не отдавая себе отчет, что он делает, Алексей выхватил револьвер и выстрелил в спину «мастеровому». Тот уже занес руку для удара… Вспоминая потом случившееся, Лыков удивлялся себе. Пуля могла задеть Сахе ра или кого-нибудь из прохожих. Стрелять в толпе было категорически нельзя! Но он выстрелил не думая.

До боевца было двадцать шагов. Пуля попала ему в поясницу и сбила на колени. Нож со звоном полетел по мостовой. Тут только Сахер догадался обернуться. Увидел позади себя раненого человека, клинок под ногами и Лыкова с дымящимся «Веблеем» в руках. Агент переменился в лице. Но коллежский асессор со своим помощником уже мчались мимо него — Рышард ударился в бега.

— Останься с раненым! — на ходу приказал Алексей филеру. Упитанный Шмуль не годился для погони. И потом, он сейчас в шоке, а уж когда окончательно все поймет…

Между тем вербовщик стремительно убегал по Костельной. Русские, как могли быстро, неслись за ним.

— Куда выходит улица? — задыхаясь, спросил Лыков у Егора.

— Прямо к Висле. Там смотровая площадка у башни, а затем спуск — деться ему некуда!

Егор бежал легко и ровно, порываясь обогнать тяжелого Лыкова. И тот одернул парня:

— Цыц поперек батьки!

Прямо напротив очередного костела[66] из-за пояса у боевика вылетел револьвер. Он замер на секунду, оглянулся, понял, что не успеет поднять, и снова побежал. Но эта остановка была роковой — сыщики почти догнали его. Кроме того, Лыков вынул свисток и стал в него наяривать. Тут же снизу, от реки, и слева, от фортов, ответили постовые городовые. «Бек» оказался в ловушке.

Парень долетел до башни, что возле смотровой площадки, и остановился. К нему бежали с трех сторон. Боевик затравленно осмотрелся — и шагнул в башню. Каблуки его застучали по лестнице. Лыков с Ивановым бросились следом. Через четыре глухих пролета сыщики выскочили на верхний этаж. Рышард стоял у окна спиной к ним и смотрел на Вислу.

— Сдавайся! — крикнул Алексей. «Бек» даже не обернулся. Лыков сделал к нему шаг, второй, третий… Тут Рышард глянул через плечо. В глазах его стояли слезы, лицо было чистое, одухотворенное. Потом поляк снова перевел взгляд на медленные волны реки и прагские кварталы на том берегу. На пароходе толпились пассажиры. По железнодорожному мосту катил поезд. По крышам домов деловито шлялись голу би. Вокруг была жизнь…

— Сдавайся, — неуверенно повторил Алексей. Он уже понял, что сейчас произойдет. Действительно, Рышард одним прыжком вскочил на подоконник. Крикнул:

— Еще Полска нэ сгинжла!

И кинулся головой вниз.

Лыков сидел в общей комнате и с отвращением пил кофе. Ему очень хотелось уйти наверх, в свой маленький кабинетик. Но агенты сновали вокруг и всем видом показывали, что не считают его виноватым. Виноватым в том, что юноша, почти подросток, лежит в полицейском морге с разбитой головой.

Потом Алексею стало легче. Явилось начальство, и завертелся привычный маховик. Генерал Толстой что-то долго бубнил, а от него пахло дорогим о-де-колоном. Лыков молча смотрел обер-полицмейстеру в переносицу, не понимая ни слова, и изредка согласно кивал. Затем приехал Черенков и заставил сыщика в чем-то расписаться. Тут Лыков сбросил с себя

оцепенение и внимательно прочел протоколы. Там все было правильно, и он подписал бумаги. Позже всех явился с важным видом надворный советник Петц. Заведующий военно-полицейским отделением стал мучить Алексея странными вопросами. Тот честно рассказал, как все произошло, но Петц не унимался. Вдруг Лыков понял, чего он добивается. Петц выяснял, не сам ли Лыков столкнул поляка с башни. Надворный советник увидел, как переменился в лице сыщик, и быстро удалился.

Когда все утихло, Алексей забрался в кабинет Гриневецкого и в отсутствие хозяина обыскал его. Но бутылки, что он нашел, были уже пустыми. Тут на пороге возник Эрнест Феликсович:

— Мне что, дверь запирать? Эдак мы с тобой совсем сопьемся!

Вывел Лыкова из сумеречного состояния Шмуль Сахер. Он подловил начальство в коридоре и подобострастно затараторил:

— Ваше высокоблагородие шановны пан Лыков! Вы обещали насчет меня папаше и таки удержали слово. Спасли мою жизню.

— Сам не знаю, как вышло, — начал оправдываться сыщик. — Ведь чуть в тебя не угодил!

Шмуль лукаво усмехнулся, как человек, который понимает недосказанное.

— Я видал, как пан уложил налетчика Гришку. Я видал, как пан гасил свечку. Если пан захочет застрелить летящую муху, таки он ее застрелит! Спасибо вам и от папаши, и от всей нашей фамилии!

Лыков отмахнулся, но после этого разговора повеселел и снова взялся за розыски Ежи Пехура.

Еще сутки прошли в большом напряжении. Утром следующего дня Алексей обнаружил перед своей дверью пожилого поляка. Тот сказал вежливо:

— Мне до пана Иванова. Бо до пана Лыкова.

— Я Лыков.

— Джень добры! Я Войцэх, кэлнэр из рэстуарацьи «У Ванды».

— А! Это вы в тот вечер обслуживали пани с офицером?

— То так.

— Вы снова ее встретили?

— Не. Я встретил фурмана. Фтшорай.[67]

— Фурмана? Который поджидал пани?

— То так. Пан Иванов сказал: как что вспомню, не ходить в постарунэк,[68] но в выдел следячи, до пана Иванова бо до пана Лыкова…

Тут на счастье Алексея появился Егор. Он заговорил с кельнером по-польски и что-то долго у него выяснял. При этом старик чертил у себя на груди странные знаки. Сыщик решил, что у дедушки не в порядке с головой, но его помощник очень оживился. Выяснив все и с поклонами проводив кельнера к выходу, он объявил начальнику:

— Хорошая новость!

— У деда на груди красивые татуировки?

— Нет. Он вспомнил примету того фурмана. Увидел его вчера на улице и вспомнил.

— И что там?

— Наш извозчик одет в черкеску с газырями! Представляете? В Варшаве — газыри! Такого джигита мы быстро сыщем…

Тут Егор заметил, что собеседник смотрит на него вытаращив глаза.

— Что случилось?

А до Лыкова все дошло. Разом, в одну секунду. Он вспомнил четырех парней в парадном, так напугавших пана Влодзимежа. И себя, собравшегося уже идти в ванную комнату, оставив Малгожату без присмотра. Так бы его потом и нашли, с вывалившимися кишками и совсем без мундира…

— Что с вами? — деликатно потряс его за рукав Егор.

— Да так… Этот фурман — его зовут Марек — меня однажды уже катал.

— Когда?

— А помнишь, ты прибежал ко мне вечером домой с запиской Касъера? А я был не один.

— Да, — оживился коллежский регистратор. — У вас гостила очень красивая пани! Шатенка. А какая фигура! Вы еще были сердиты на меня. И хотели, чтобы я часик погулял, хе-хе…

— Вот если бы ты тогда послушался, сейчас бы гроб с моим телом уже в Петербург отсылал.

— ??

— Эта шатенка на самом деле брюнетка. Та, что увезла из ресторации штабс-капитана Сергеева-третьего. И оказывается, я видел Ежи Пехура! Живьем.

Лыков рассказал своему помощнику все, что произошло у него на квартире. Закончил так:

— Спасибо! Вот мы и квиты.

Новости от старого кельнера ставили все на свои места. План сложился сам собой: ловить «беков» на живца.

Лыков поехал в ресторан «У Владека», что на углу Марienштата. Там его хорошо помнили и очень хотели услужить. Сыщик выяснил, что пани Малгожата наведывается сюда каждый вечер. И осведомляется, нет ли ей записки «от того русского богатыря». Кельнеры одобрили вкус Алексея:

— Пан знает толк в женщинах! Такая паненка — и ждет ваше го письма! Надо ее поощрить…

Лыков сочинил для нее записку, в которой блеснул лапидарностью: «Жду — не могу, приезжай сегодня!» Наживка была брошена, осталось подготовить засаду. Силы противника были известны: четыре-пять боевцев. Привлекать сыскных агентов было опасно — среди них есть предатели. Под прямым подозрением находились Яроховский и Пржибытек, но только ли они служат террористам? Коллежский асессор решил обойтись людьми Бурундукова, а начальство известить потом, после операции.

Так и сделали. Пока Егор внизу отвлекал пана Влодзимежа, пристав с пятью городовыми проникли на квартиру Лыко ва через черный ход. Еще трое затаились в угольном сарае, куда их спрятал дворник из пехотных запасных. Мыше ловка была взведена. В роли сыра состоял Лыков. Одетый в длинный плюшевый халат с глубокими карманами, он сидел в гостиной и ждал, стараясь не волноваться.

Малгожата позвонила в дверь ровно в десять. Алексей отодвинул засов и впустил ее. Полька была мертвенно-бледной, с алыми подкрашенными губами и напоминала ведьму. Время тянуть она опять не стала: отослала Лыкова за шампанским, а сама впустила с площадки «беков».

Услышав шум, Алексей вернулся из столовой и изобразил испуг. Убивать его пришли четверо. Крепкие парни с ножами и артиллерийскими тесаками в руках… Особенно

выделялся один: гренадерского роста, со зловещей физиономией недоумка.

— Малгожата, кто эти люди? Как они здесь оказались?

Красавица закинула голову и расхохоталась. Ну прямо нечистая сила!

— Дупек! То мои други, боевцы Ежи Пехура. Тебе от него привет. Ты сейчас умрешь.

— Но… наши чувства… я полагал…

— Какие чувства, идиёт? Какие чувства может питать насто ящая полька к русскому?

— Но я в Варшаве временно! Я скоро уеду!

— Уедешь, — зловеще пообещала ему Малгожата. — В запаянном гробу. Хлопцы тебе помогут. Знакомься: Вилк, Ожэв, Тыгрис и Свонь. По-вашему будет Волк, Орел, Тигр и Слон. Они из «легиона смерти», созданного Ежи Пехуром. То палачи, очищающие польскую землю от русских шьвинев. Сегодня твой черед!

Тут Малгожата вынула из сумочки какой-то сверток и начала медленно его разворачивать, словно растягивала удовольствие. Внутри оказалась самая настоящая финка! В последние годы удобный и надежный нож стал очень популярен у уголовных. Было дико видеть его в изящных дамских пальчиках.

— Хлопцы будут тебя держать, а я — резать, — доверительно, как о чем-то хорошем, сообщила полька. — Так уже было с тем юным полицьянтом, а потом с отвратительным штабс-капитаном.

— А пристава Емельянова не ты убила? — деловито осведомился Лыков.

— Не я, — с сожалением призналась Малгожата. — Ежи сам его казнил. Емельянов был осторожен, никого к себе не подпускал. А вы… вы все дураки. Ляжешь с вами в постель — потом делай что хочешь.

— Неужели ты способна взрезать человеку живот?

— Не человеку, нет. Русскому. Раньше не могла, не понимала. Я же закончила Варшавский Александро-Мариинский институт благородных девиц! Замуж вышла, вышивала крестиком… Потом родился мертвый ребенок, и я тоже хотела умереть. Как-то жила… Муж сбежал, а мне было все равно. Одеревенела. И тогда появился Ежи. Он раскрыл мне глаза. Зачем я тебе это говорю? Сама не знаю. Потому, может, что ты самый приличный из всех, кого мы убили. Ежи даже хотел тебя пощадить! Он тебя уважает. Говорит: надо оставить Лыко ва русским на развод, тогда они будут порядочная нация… Кое-как разрешил тебя казнить. Ну, довольно слов. Хлопцы! Держите его крепче, он очень сильный!

Тут Алексей вынул руки из карманов халата и нацелил на боевцев два револьвера. В комнате сразу стало тихо.

— Смотри, слоник, — обратился сыщик к главному верзиле. — Это «Веблей», или, по-другому, «бульдог». Если я выстрелю из него тебе в ляжку, ногу придется отнять. Если успеют! Но, скорее, не добегут — истечешь кровью. А вам, волки с шакалами, хватит и «Смит-Вессона». Как я стреляю, спросите у Гришки Худого Рта. Кто дернется — убью. Руки в гору, дурни! Тесаки на пол!

«Беки» замерли, пораженные. Ситуация переменилась так, как они вовсе не ожидали. Было ясно, что русский с трех шагов промаха не даст. Малгожата лишь шевельнулась — и тут же оказалась на прицеле.

— А тебя я пристрелю с особенным удовольствием!

Террористы смешались. Тут из ванной и кабинета полезли городовые во главе с Бурундуковым, и о сопротивлении не стало и речи. Неожиданно Малгожата бросилась к входной двери, распахнула ее и крикнула:

— Беги, коханый! Беги!

Лыков одним прыжком догнал польку, оттолкнул ее и выскочил на лестницу. Внизу что-то происходило. Он стремительно сбежал вниз. Поперек вестибюля лежал пан Влодзимеж с ножом в сердце. Черт! Где же крепкие дядьки, что прятались в угольном сарае? Ответ на этот вопрос Лыков получил тут же: с улицы слышались крики. Он выскочил на подъезд. Двое городовых обступили пролетку и держали Марека на мушке. Третий схватил коня под уздцы и не давал ему тронуться. Боевик размахивал кинжалом (действительно, был он у стервеца!) и кричал:

— Не подходи!

— Стреляйте, чего вы медлите! — приказал сыщик. Старший городовой повернул к нему потное от напряжения лицо.

— Да! Я его завалю, а обер-полицмейстер меня за то со службы вытурит! Вы уж сами, ваше высокоблагородие…

Алексей тоже замешкался. Убить поляка? Вид у «фурмана» был решительный. Не лезть же с голыми руками на кинжал. И убивать нельзя — потом не отмоешься. Ранить в ногу? Тут он вспомнил, что паны сделали с Сергеевым, и рассвирепел. Чего нянчиться с убийцами? Навел револьвер Мареку прямо в лоб и сказал вполголоса, с трудом сдерживая ярость:

— Живо бросил.

«Бек» сразу же швырнул кинжал на землю.

Закончив с возницей, Алексей кинулся во дворы на поиски Ежи Пехура. Но было уже поздно: главарь скрылся.

Когда «легион смерти» доставили в городское полицейское управление, Толстого чуть удар не хватил. Оказалось, что он ходил в салон пани Малгожаты по четвергам! Известие, что она лично резала русских офицеров, вызвало у генерала издевательский смех. Но экзальтированная полька сама призналась в этом. Бурундуков и его люди, стоя под дверью, слушали внимательно и подтвердили слова Алексея. Боевку отвезли в «Сербию»[69] и посадили в одиночку.

Неожиданно появился жандармский ротмистр Маркграфский. Он молча осмотрел пленных и уединился с обер-полицмейстером. Лыков ждал его, чтобы рассказать о новых открытиях по делу Ежи Пехура, но тот все не выходил. Алексей спустился к себе, попросив передать ротмистру, чтобы тот заглянул. Однако Маркграфский так и не удостоил его своим посещением. Не счел нужным. Лыков сначала рассердился, но у него было слишком много дел. В карманах «легионеров» обнаружились интересные бумаги. Общим счетом было отыскано девять рукописных схем. Хорошо знающий Варшаву Егор быстро расшифровал эти каракули. Нарисованными оказались разные места в городе: Замковая площадь, здания Госбанка и штаба жандармского округа, Разнообразный театр, угол Иерусалимской аллеи и Маршалковской, Брестский вокзал… Точками были обозначены посты городовых. Зачем боевцам эти примитивные кроки? Не собирались же они штурмовать жандармов или грабить банк! Но пленные молчали — все как один отказались давать показания.

Гриневецкий обиделся на своего помощника, что тот не сказал ему о засаде. И перестал с ним разговаривать. Лыков пытался объясниться. Спросил: ты хоть понимаешь, что у тебя в отделении предатели? Это лишь испортило отношения окончательно…

Неприятности продолжились. Обер-полицмейстер издал приказ о временном

отстранении Лыкова от должности. И назначил расследование обстоятельств смерти Рышарда Грабовского при аресте. У сыщика отобрали его заверенную карточку и обязали подпиской о невыезде. Егора сослали в Прагский участок младшим околоточным. Розыск Ежи Пеху ра возглавил губернский секретарь Яроховский…

Лыков не стал кручиниться, а пошел к военным. Когда он пересказал капитану Сенаторову новости, тот думал недолго:

— Айда к Паренсову!

— Это кто?

— Генерального штаба генерал-майор и комендант Варшавы.

— Уж не тот ли, кого перед турецкой войной сопровождал в разведках Виктор?

— Тот самый. Петр Дмитриевич тогда семь месяцев провел в Румынии и Болгарии, собирал сведения о турецких укреплениях. Успешной переправой через Дунай наша армия обязана именно ему. Барон Таубе все это время состоял при Паренсове телохранителем.

— И очень его хвалил! Пойдем.

Паренсов оказался седобородым и болезненного вида (последствия двух контузий, как объяснил потом Сенаторов). Два Владимира с мечами и золотое оружие свидетельствовали о том, что это боевой генерал. Он выслушал Лыкова и с особым вниманием изучил принесенные им схемы.

— Да ведь они готовят погром варшавской полиции! — заявил Петр Дмитриевич.

— Как это? — не понял Алексей.

— Натуральный погром. Везде указаны посты городовых. Вот они и есть цель нападения, а не банк или штаб.

— А для чего? — спросил Сенаторов.

— Как для чего? Поднять поляков. Показать им, что время мирно трудиться закончилось, пора снова воевать.

— Если у шестерых «беков» девять мишеней, а людей у Ежи Пехура несколько десятков, — стал рассуждать Алексей, — то они могут жахнуть разом по всем постам в центре. В один час, чтобы нанести неготовой полиции максимальный урон. И тогда будет большой резонанс… Млына сразу станет для многих поляков национальным героем.

— Надо его остановить. И ребятишек тоже. Иначе кровью захлебнемся, — констатировал генерал. — Вы вот что, Алексей Николаевич. Поедемте со мной к Гурке.

Вечером во дворце наместника в Лазенках состоялось секретное совещание. Были только военные и Лыков. Полицию и жандармов генерал-губернатор звать не стал. Решили, что люди из служительской команды штаба округа возьмут Яроховского под негласное наблюдение.

— А как быть с Пржибытеком? — спросил Алексей. — Он станет страховать начальника сзади.

— Мы его телегой переедем, — успокоил приятеля Сенаторов.

— Какой телегой?

— С сеном. Чтобы сильно не калечить.

Так и вышло. Утром следующего дня Яроховский взял извозчика возле ратуши и поехал в Помологический сад. Не спеша прошел его насквозь, держа путь к Иерусалимским баракам. В ста шагах от него следовал Пржибытек. Перейдя Кошиковую, Франц Фомич услышал позади себя крики и ругань. Оказалось, что русский солдат, раззява, наехал телегой на филера и отдавил ему ногу. Поляк бранился, но идти не мог, сильно хромал. И виновный

повез пострадавшего в лаза рет.

Франц Фомич пожал плечами и двинулся дальше. Он навестил неприметный двухэтажный особняк на Сухой улице и пробыл там полтора часа. А когда он удалился, в доме стала собираться молодежь. Наблюдатели из служительской коман ды насчитали более тридцати человек! Это была сходка боевиков, и Ежи Пехур почти наверняка находился внутри.

По команде Паренсова полурота 2-й стрелковой бригады окружила всю Сухую улицу. Лыков в мундирном сюртуке со старшими орденами подъехал прямо к особняку. От оцепления к нему присоединился Сенаторов. Коллежский асессор был нервически весел, но держался уверенно.

— Вовчик! А помнишь Упраздненный переулок? Это ведь тебе там ухо срубили?

— Мне. Его потом пришили, но шрамы остались. А что?

Капитан косился на окна окруженного дома. Его пальцы машинально бегали вверх-вниз по галунной портупее.

— С тех пор на такие дела ходил?

— Нет.

— Что, свербит в одном месте?

— Ага… — сознался капитан. — Мы тут с тобой как две ростовые мишени…

— Так надо. Чтобы поменьше крови было. Не бойсь! Сразу стрелять они не начнут. А когда я им опишу диспозицию — вообще передумают. Разве только какой дурак найдется… Тогда караул!

Они поднялись на крыльцо, и Лыков деликатно постучал в дверь. Из окон на русских смотрели десятки напряженных глаз.

— Господа террористы! — громко объявил Алексей. — Вы окружены военными стрелками. Выходим по одному. Оружие с порога бросаем мне под ноги. Не торопимся! Учтите: если среди вас отыщется такой дурак, что выстрелит, — всем конец. Генерал-адъютант Гурко велел тогда живых не брать. Стрелкам приказано отвечать пачками.[70] Сто двадцать ружей! Потом матери ваши будут вас из морга забирать… Надо вам это? Мне не надо. Ну? Кто первый?

Внутри забегали, закричали, но никто не выходил. Вдруг раздался выстрел. Сенаторов схватился за кобуру, но Алексей остановил его:

— Погоди. Это в себя…

Во втором этаже распахнулось окно, и кто-то крикнул:

— Жовнешы, не надо пачками! Мы сдаемся!

И сразу из дверей начали выходить поляки с поднятыми руками. Они бросали к ногам сыщика револьверы, ножи и кастеты и накидали их целую кучу. Стрелки обыскивали «беков» и строили в колонну. Через четверть часа на улице стояло двадцать восемь арестованных. Еще двое застрелились, причем один неудачно. Солдаты отправили его на санитарной фуре в гарнизонный госпиталь, но вечером поляк скончался.

Ежи Пехура в доме не обнаружили. Ни один из арестованных не дал показаний.

Глава 11

Конец истории

Варшавский генерал-губернатор вызвал к себе в Бельведер[71] двух человек. Одним был обер-полицмейстер Толстой, вторым — начальник жандармского округа генерал-лейтенант Брок.

Оба были взволнованы и разговаривали вполголоса, стараясь угадать причину внезапного вызова. От таких встреч хорошего ждать не приходилось. Гурко-Ромейко любили и боготворили только солдаты. А представители высших сословий боялись и ненавидели… Все помнили, как на турецкой войне он публично отчитал великих князей, вздумавших ему не подчиниться. И съели как миленькие! Теперь вот Гурко конфликтует с самим военным министром Ванновским, любимцем государя, — и хоть бы что. Все потому, что округ пограничный: тут немцы, а там австрияки. Случись что, именно Варшавский округ примет на себя первый удар. Из этих соображений здесь самые обученные войска, самые новые крепости и самая мощная артиллерия. Всё — в образцовом состоянии, чего умеет добиваться один лишь Гурко-Ромейко. Лучший полководец русской армии, а может, и не только русской. С таким не поспоришь…

Генералов вызвали в кабинет. Гурко сидел за столом, подняться не соизволил и сесть гостям не предложил. По левую руку от командующего устроился Лыков — в почтительной позе, но на стуле. Он был в малом галунном мундире камергера со всеми наградами.

— Кто отстранил коллежского асессора Лыкова от розыска убийц офицеров? — спросил генерал-адъютант.

— Я, — после короткого замешательства ответил Толстой.

— Почему?

— Обстоятельства гибели некоего Рышарда Грабовского при попытке его задержания были столь сомнительны… И вызвали нежелательное раздражение у варшавского населения.

— А у меня столь же нежелательное раздражение вызывают смерти офицеров! — чуть повысил голос Гурко. — Нежелательное для вас, генерал. И для варшавского населения тоже. Горе ему, если окажется, что общество покрывало преступников! Вас чье раздражение больше пугает, господин обер-полицмейстер? Мое или этих полячишек?

Толстой покраснел, но попытался возразить:

— Есть основания подозревать, что Лыков столкнул этого Грабовского вниз. Я должен был разобраться! Назначено расследование.

— Вы подозреваете русского чиновника в умышленном убийстве? Это серьезное обвинение. На чем оно основано?

— Идет расследование, ваше высокопревосходительство. По его итогам я буду готов ответить на этот вопрос, а пока, простите, нет.

— Я лично уже провел это расследование. Оно заняло у меня полчаса. Есть два свидетеля происшедшего, так ведь? Городовые, что сбежались на свистки Лыкова. Оба в один голос рассказали, как все вышло. Там на башне большие окна. И Грабовский сиганул в

одно из них сам, никто его не подталкивал. Снизу все хорошо было видно. Никаких сомнений в том, что имело место самоубийство, у городовых нет. Вы их опрашивали?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство. Расследование возглавляет надворный советник Петц из губернского правления. Я с ним еще не встречался.

— Петц? Ну, этот нарасследует… Так я вам скажу: никто городовых не опросил. До сих пор. Я сделал это первым. А Петц выискивает каких-то свидетелей, которых и близко не было к месту, но которые зато настроены против русских. И подпишут любое вранье.

— Но наши городовые не очень развиты… Это обычно отстав ные унтер-офицеры и даже ефрейторы…

Гурко изменился в лице.

— Ефрейтор русской армии подчас умнее иного обер-полиц мейстера!

Толстой смешался, а генерал-адъютант продолжал:

— Вы верите полякам и не верите собственным подчиненным? Одну из этих сторон, значит, надо заменить. Или подчиненных, или вас. Проще вас. И для дела будет полезнее. Так и напишу министру.

Обер-полицмейстер стоял красный как рак и молчал. Бросил было злобный взгляд на сидящего безмятежно Лыкова, но тут же отвел его. Гурко между тем продолжил:

— Коллежский асессор Лыков командирован сюда из Петер бурга. Города не знает, агентуры своей не имеет. Но именно он, практически в одиночку, обнаружил убийц трех офицеров. Подчиненная вам полиция не смогла, а Лыков смог! Вы отрицали, что подпоручик Яшин тоже стал жертвой террористов. А он против вашей воли начал розыск и нашел труп Яшина. Еще Лыков выявил предательство в сыскной полиции. И узнал имя главаря боевиков! Некий Аркадиуш Млына по кличке Ежи Пехур пытается поднять в крае вооруженную борьбу. Вам это известно?

— Но жандармы ничего мне не сообщали об этом!

— К жандармам мы скоро перейдем, — скривился Гурко. — У вас под носом замышлялся настоящий погром полиции. Арестованные на Сухой улице боевики оказались все вот с такими бумажками, — он передвинул на своем необъятном столе стопку листов. — Это схемы расположения постов городовых по Варшаве. Восемьдесят два поста! Нападение должно было состояться в один час. Террористы замышляли перебить сколько удастся чинов полиции и тем заявить о себе как о серьезной силе. Представляете, какой вышел бы эффект? После двадцати четырех лет тишины!

Генерал-губернатор перевел дух, не сводя с Толстого неприязненного взгляда.

— Необыкновенная, выдающаяся расторопность Лыкова спасла город. Она и еще помощь военного командования. Погром варшавской полиции не состоялся. Люди Ежи Пехура почти все арестованы. Но сам он уцелел и скоро наверbует новых боевиков! И что же вы, господин обер-полицмейстер, сделали, чтобы остановить этого опаснейшего негодяя? Отстра нили от розыска Лыкова! Который один сделал больше, чем все ваше управление.

Приказываю: полномочия коллежскому асессору Лыкову вернуть. Розыск Млыны возглавляет он и никто другой! Расследование случая с самоубийством террориста… как там его? прекратить. Чем их меньше, тем лучше… Вам я объявляю о служебном проступке, о чем мною будет доложено министру внутренних дел.

Лицо Толстого сделалось совсем свекольным; казалось, его сейчас хватит удар. Лыкову даже стало жалко обер-полицмейстера. Гурко смотрел на подчиненного с презрением, ждал какого-то ответа, но не дождался и обратился к жандарму:

— Генерал Брок! Почему ваше управление ничего не сообщало мне о создании в Варшаве боевой организации националистов?

— Виноват, ваше высокопревосходительство!

— В чем именно виноваты?

— Я не располагаю никакими сведениями об этом.

— Лыков пытался заручиться вашим содействием, сообщить эти самые сведения. Но наткнулся на некоего Маркграфского. Кто он такой?

— Ротмистр Маркграфский — старший адъютант окружного управления. Очень способный розыскник! Он докладывал мне о приходе чиновника, командированного из Петербурга в здешнюю сыскную полицию…

— И что?

— Командированные обычно приезжают сюда за легким успехом, с целью получить отличие. У ротмистра сложилось впечатление, что чиновник хочет выпросить орден… за поим ку выдуманных террористов…

— Орден? — Гурко покосился на Лыкова. — Их у коллежского асессора и так много. Больше, чем у некоторых генералов. Передайте ротмистру Маркграфскому, что он идиот.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

— Якобы придуманные террористы казнили трех офицеров и чуть было не устроили погром в Варшаве. Вон, одних револьверов отобрано более тридцати… А по вашим отчетам, в Царстве Польском тишь да гладь! Все поляки до единого заняты мирным трудом! Это вы называете честной службой? Вы за что содержание получаете, господин генерал-лейтенант?

Брок, в отличие от Толстого, не покраснел, а побледнел. Но не решился возражать и стоял, держа руки по швам.

— Вам я объявить ничего не могу, но войду отношением к шефу Корпуса жандармов. Где откровенно выскажусь об вашей службе.

Гурко замолчал, теребя седые бакенбарды в стиле покойного государя. Потом сказал с непередаваемым презрением:

— Свободны оба.

Генералы, толкаясь, как школьники, выбегающие на перемену, ринулись прочь из кабинета. Когда они ушли, Гурко поднялся из-за стола и протянул коллежскому асессору малень кую крепкую руку.

— Благодарю за службу! Кстати спросить: не желаете перевестись сюда? Сами видите, что здесь творится с кадрами. Надо их укреплять.

— Генерал Толстой мне не обрадуется.

— Плевал я на его радости! Мне… да и всей России нужны в Польше достойные люди. Иначе упустим этот край. А сюда, наоборот, едут всё больше те, кто служить не хочет или не может.

— Спасибо за предложение, ваше высокопревосходительство. Вынужден отказаться.

Гурко смотрел на него несколько секунд, понял, что решение твердое, и не стал уговаривать.

— Жаль. Какого вы мнения о надворном советнике Гриневецком?

— Я считаю, он на своем месте.

— Вам скоро уезжать, а Млына-Пехур все еще на свободе. Гриневецкий сумеет поймать его без вас?

— В конце концов справится. Может, не сразу… Потом, я еще никуда не уезжаю. Поручение я, правда, выполнил, преступников установил. Большая их часть арестована. Но пока нет приказа из министерства, буду помогать сыскной полиции.

— Ну, авось и успеете до отъезда! Я вам больше доверяю, чем здешним. И кстати, личная от меня признательность за поимку убийц ротмистра Емельянова. Я знал этого офицера. Порядок в его эскадроне был образцовый! Когда ротмистр перешел в полицию, то и там завел те же строгости. Держал панов в кулаке. Так и должно поступать с ними! Поляки должны чувствовать суровость русской власти, иначе совсем перестанут подчиняться. А обер-полицмейстер пляшет под их дудку…

На этом аудиенция закончилась. Лыков не решился доказывать генерал-губернатору, что командовать эскадроном и полицейским участком — разные вещи. И то, что проходит с солдатами, не всегда годится для свободных людей… Не стал он сообщать и о том, что помогать полиции ловить Пехура будут варшавские уголовные.

Когда коллежский асессор вернулся в управление, первым ему попался сияющий Егор. Ссылка у парня закончилась, и он вновь стал лыковским помощником. Более того, с перепугу Толстой отослал в Петербург представление на него к следующему чину! К вечеру появился и Гриневецкий, тоже повеселевший. Он уже знал откуда-то, что висел на волоске. А Лыков дал ему у Гурко хорошую аттестацию… В итоге жмуд и двое русских завалились вечером в кафе-концерт на Кролевской и обильно угостились там на счет Эрнес та Феликсовича. Говорили о чем угодно, только не о том, как поймать Ежи Пехура. Но тот сам напомнил о себе. Пока сыщики отдыхали, «беки» подожгли квартиру Алексея на Гусьей улице. Он лишился всего имущества, уцелели только награды, которые Лыков не успел снять после возвращения из Лазенок.

В итоге коллежский асессор переселился в здание ратуши, под охрану городовых. Обер-полицмейстер уплотнил прислугу в своей казенной квартире на четвертом этаже. Коман дированному досталась маленькая комната без удобств, окнами во двор. В уборную ему теперь приходилось наведываться через генеральские покои, пугая своим появлением пятерых детей Толстого.

Но это было еще полбеды. Коллежский асессор из охотника превратился вдруг в добычу. Он ловил Ежи Пехура, а террорист в это же время ловил его самого… Когда Лыков на другой день выходил из Белянского участка, в него выстрелили из проезжающей пролетки. Пуля легко оконтузила голову. Через сутки на сыщика напали, когда он обедал в ресторации. Лыков был настороже и дал «бекам» отпор. Одного положил прямо в зале, а второго, раненого, загнал в подворотню. Где его и захватили городовые… Казалось бы, после такого можно ходить гоголем, но нервы у Лыкова вдруг начали сдавать. Легко ли жить, ежесекундно ожидая пули? А надо нести службу, общаться с людьми, передвигаться по городу. Низкий чин сыщика не давал ему права на охрану. Агенты, встречаясь с ним теперь на улице, торопились свернуть разговор и быстро удалялись, озираясь. Будто прокаженный!

Только верный Иванов не бросил начальника в беде. Выйдя раз на Сенаторскую, коллежский асессор через десять шагов развернулся и схватил какого-то прохожего за плечи. Это оказался Егор, неумело загримированный, с криво приклеенной бородой. Лыков тут же отвез парня на извозчике к нему на квартиру. И заставил побожиться матери на образах, что не будет больше рисковать, прикрывая шефа…

Психоз Лыкова нарастал. Он плохо спал, сделался раздражительным. В каждом прохожем ему мерещился боевик. Раз, перекусывая в огородке,[72] он вдруг с ужасом увидел прямо перед собой Млыну, переодетого под немца, в рыжем парике. Он недобро в упор смотрел на сыщика. Прикидывал, гад, как удобнее его пристрелить. А из угла косились двое подручных Пехура. Лыков осторожно полез за спину, нащупал рукоятку «Веблея», молниеносно вытянул его и одновременно взвел. Млына заметил это и тоже схватился за карман. Кто кого? Увидев дуло револьвера, отчаянный террорист вдруг закричал «Майн готт!» и полез под стол… В огородке поднялась суматоха, люди начали выбегать на улицу, причем первыми смылись «подручные».

Поняв, что обмишурился и напугал мирных обывателей, Алексей поспешил уйти. Вечером он рассказал эту историю Гриневецкому. Тот даже не улыбнулся.

— Алексей Николаевич, езжай-ка до дома! Свое дело ты сделал, а Пехура мы без тебя изловим. Так?

— Приказа еще нет.

— А ты так езжай, без приказа. Пока совсем не свихнулся…

— Не уеду! — упрямо сказал Лыков, хотя ему очень хотелось сбежать из Варшавы. — Получится, будто я боюсь этого Пехура!

— Ну и что? Я тоже его боюсь. И все боятся. Млына шутить не станет.

— Вот вы все и бойтесь, а я не хочу! — грозно заявил Алексей, но в душе его уже поселился липкий, противный и неотвязный страх. Вечером в комнате он попробовал сломать рубль — и не сумел. Дальше ехать некуда…

Но Гриневецкий не унялся. Утром он собрал у себя в кабинете Лыкова, Егора и капитана Бурундукова. И заявил:

— Алексей Николаевич! Я понимаю, что ты подкован и по-летнему, и на шипы. Вся грудь в орденах! Но выдали патент на твой отстрел. Предлагаю всем сейчас поразмыслить, в каком образе станет подбираться к тебе Ежи Пехур. Чтобы знать, кого опасаться.

— Я уже думал об этом, — заявил Бурундуков. — И вот что пришло мне на ум. В Варшаве пруд пруди наших офицеров. Для Алексея Николаевича человек в мундире — свой. Он не станет такого опасаться. На месте этого Млыны я бы переоделся офицером.

— Разумно, — согласился Эрнест Феликсович. — Очень даже разумно. Но еще больше в Варшаве евреев. Каждый третий! Их Лыков тоже не боится и легко подпустит на удар ножа.

— Вы оба полагаете, что Алексей Николаевич подсознательно обращает внимание только на поляков, — вступил в разговор Иванов. — Так?

— Они, пожалуй, правы, — ответил за приятелей Лыков. — Я сейчас порылся в своей башке и соглашусь. Да, я инстинктивно отслеживаю и оцениваю встречных панов. И всегда настороже, когда они проходят мимо. А офицера или еврея могу подпустить.

— Есть и поляки, которые кажутся вам безобидными.

— Это кто же? — удивился сыщик.

— Вспомните-ка. Уж неделя, как в город съезжаются окрестные помещики. Весенние работы закончились, теперь они лезут в Варшаву в больших количествах.

— Ах, эти!

Алексей действительно заметил, что город наводнили новые забавные персонажи. Они передвигались группами. Впереди солидный пан со шляхетскими усами, упитанный, в синей конфедератке и непременно в сапогах. За ним жена и выводок детей. Приезжие ходили из магазина в магазин, делали многочисленные покупки, а также заполонили все гостиницы и кавярни.

— Да, — кивнул Лыков, — такого пана с животом и обвислыми усами я тоже подпущу близко.

— И зонт в его руках выглядит не столь странно, как у офицера или жида.

— При чем тут зонт? — удивились остальные.

— К «легиону смерти» в камеру подсадили наушника. Поля ка. Ребята там неопытные, потому болтают обо всем.

— И что разболтали? — насторожился Лыков.

— Вчера Слон рассказал остальным, как убивали пристава Емельянова.

— Ну-ка, ну-ка! — вскричал Бурундуков. — Это Слон, что ли, зарезал Валерьяна? Я ему хобот узлом завяжу!

— Нет, он шел сзади, на подстраховке, — пояснил Егор. — А лицом к лицу был Ежи Пехур собственной персоной. Боевики побаивались пристава, и главарь решил сам… Он держал под мышкой парасоль.[73] И когда до Емельянова осталось два шага, выхватил спрятанный в парасоли стилет. Млына нанес всего один удар, но точно в сердце. Слон сказал, он учился этому в Неаполе, в каморре, у итальянских наемных убийц.

Все замолчали. Потом Эрнест Феликсович прокашлялся и подытожил:

— Ну, стало быть, так… Господину коллежскому асессору нужно быть особенно внимательным к офицерам, евреям и полякам с зонтами в руках. Никого не забыли?

— Да, — вздохнул Лыков. — Так и впрямь можно свихнуться.

Прошло еще два дня. Алексей руководил розыском. Он ездил по полицейским участкам, наведывался в тюрьму, встречался со следователем Черенковым и капитаном Сенаторовым. Заглянул и в жандармское управление, где его сразу же проводили к генералу… Каждое передвижение по Варшаве, каждая чашка кофе в кавярне могли стать для него последними… От постоянного напряжения Лыков одеревенел. Внутри поселился страх и не уходил. Раньше такого никогда не было. Конечно, он боялся и прежде: на войне, или в дагестанских горах, или когда его живьем засыпало в пещере… Но те страхи были недолгими и прошли без следа. А тут! Ужас внутри него все нарастал, он подавлял волю, не позволял ни о чем думать. Неужели надо уехать? Бежать с поля боя? Но вдруг после этого мужество уже не вернется? Люди всегда чувствовали в Алексее сильного человека. За ним любили прятаться нервические натуры, а он воспринимал это как свой долг перед обществом. И никогда не боялся зла, всегда смело атаковал его и всегда побеждал.

Что произошло? Каждый раз, когда коллежский асессор шел на штурм, его противники разлетались, как чурки. И не только от кулаков — они пасовали перед волей, перед спокойной, без тени рисовки, храбростью. А как Лыков пойдет на очередное задержание после бегства из Варшавы? Дезертир! Ведь от людей, что стоят за твоей спиной, ничего не скроешь. Соберутся они перед роковой дверью, а у главного прежде храбреца руки дрожат… Стыд-то какой! По ночам сыщик вспоминал Вареньку и детей, и сердце его разрывалось на части. Чтобы уцелеть и увидеть их, надо драпать. А чтобы остаться человеком, требуется исполнять свой долг. Даже перед лицом смерти.

Нечеловеческим усилием воли, почти опустошившим его, Алексей продолжал добросовестно служить. Застывшее лицо выдавало его состояние лишь ближнему кругу: Гриневецкому и Егору Иванову. Дикое напряжение счастливо разрешилось происшествием.

Некий Убыш, налетчик из Маримонта, ограбил закладную контору в Праге. Владельцу ее он проломил голову и унес ликвидационных листков[74] на сорок тысяч рублей. Среди варшавских уголовных Убыш слыл «отчаянным». Сыщики сработали четко, и уже к вечеру Гриневецкий знал укрытие налетчика. В свой предыдущий арест «отчаянный» ранил околоточного, и полицейские осторожничали. Алексею такие привычные головорезы были нипочем — это же не Ежи Пехур! Он спокойно вышиб дверь и шагнул внутрь. В душе надеясь, что Убыш окажет сопротивление и будет тогда на ком выместить накопившуюся злость. Так и вышло. Дуралей бросился на Лыкова с ножом… И вместо «Павяка» попал в больницу с переломанными ребрами и уехавшей вбок челюстью.

Отлупив «отчаянного», Алексей словно вернулся в себя прежнего. Он перестал напрягаться при виде офицеров и евреев и с аппетитом отужинал. А наутро случилось…

Лыков вышел из Иерусалимского участка, что на Твердой, и свернул на Марианскую. В участке он ориентировал околоточных и их помощников насчет Млыны. Приказ об аресте, с приметами, давно разослали по местам, но у полиции всегда столько дел! Зная это, коллежский асессор сам объезжал участки по очереди и разговаривал с людьми. Напоминал и о важности поимки Пехура, и об осторожности. Варшава разделена на двенадцать участков. Но три из них были сдвоенные, и это облегчало задачу. Сегодня был черед Иерусалимского. Лыков выступил перед чинами с сообщением. Рассказал о кровавых делах Млыны, об идейной злобе к русским. И дал приблизительное описание внешности: высокий, осанистый, с внушительным голосом. Может прикинуться, к примеру, седовласым паном в дорогом сюртуке. Слушатели все это записали и разошлись по участку, доводить сведения до городовых. Лыков же выпил чаю у пристава и отправился покупать для семьи паментки — сувениры. Заглянул в один склеп (так ужасно по-польски называют магазины), во второй, а у третьего в спину ему вдруг уткнулось дуло револьвера. Знакомый внушительный голос произнес:

— Ну, Лыков, что мне с тобой делать? Руки в гору, без глупых фокусов.

Сыщик замер, медленно поднял руки. Улица перед ним сразу опустела. Ствол упирался в лопатку прямо напротив сердца… Ежи Пехур вытащил у Лыкова из-за ремня «Веблей» и сильным толчком направил пленника в ближайшую подворотню. Там было безлюдно и тихо, как в могиле.

— Повернись!

Алексей повиновался и увидел террориста именно таким, как только что описывал в участке. Высокий, седовласый, в паре из модной че-сун-чи. Вот черти эти околоточные! Наверняка кто-то из них прошел сейчас мимо и не обратил внимания.

— Вставай на колени и молись.

— Разбежался! — с трудом заставил себя ухмыльнуться сыщик. — Ты не икона, чтобы Лыков тебе кланялся. Стреляй так!

Но Млына не спешил нажимать на курок. Он внимательно разглядывал Алексея, словно

пытался прочесть на нем какие-то надписи. Потом сказал с досадой:

— Почему я должен тебя убивать? Порядочных русских и так почти нет. А станет на одного меньше. Когда ты в ресторане вышвырнул пьяных быдлов, тебе было за них стыдно, я заметил. И вот так же, как ту шваль, казнить теперь приличного человека? Нет, не хочу.

Лыков застыл в ожидании выстрела, не вслушиваясь в слова врага. Он помнил, сколько тот уже погубил народа. Лишь бы не смалодушничать, не потерять лицо перед смертью! В глазах стояли Николка и Павлука, маленькие, притихшие. Вареньки почему-то не было, только дети…

— Ну, вот что, — тем же густым голосом объявил Пехур. — Довольно и того, что ты побыл у меня на мушке. Прощаю. Ты исполнял свой долг, как я — свой. Поляки умеют уважать достойного врага.

— Что? — не расслышал Лыков.

— А то, — рассердился Млына, — что иди прочь с глаз! Спепжай![75] Пошел вон из моей Варшавы! Попадешься второй раз — убью!

Развернулся и направился к калитке. Лыков не верил своим глазам. Вот Пехур исчез на улице. За забором ударили о мостовую подковы — экипаж подъехал и сразу рванул с места. Сыщик стоял в пустом дворе ни жив ни мертв и не смел шевельнуться. Не может быть! Сейчас войдут «беки» и добьют его. Но время шло, а никто не появлялся.

Усилием воли Алексей заставил себя оторваться от стены. Казалось, он упадет без подпорки. Ковыляя по-стариковски, сыщик выбрался на Марианскую. Светило солнце, шли беззаботные обыватели, громко кричал продавец курьерок. Боевцев нигде не было.

Алексей как-то сразу поверил, что амнистирован и Ежи Пехур отпускает его домой. Ему и самому уже стало невмоготу в Варшаве. Несколько последних дней дорого обошлись Лыкову. Это было необъяснимо. Он знал опасности смолоду, много раз рисковал жизнью. В восемьдесят третьем под видом уголовного прошел сибирские этапы, излазил все Забайкалье. Без какой-либо поддержки, один в окружении каторжников, сыщик мог быть опознан в любую секунду — а это неминуемая смерть. И ничего! Мужество и хладнокровие выручили. А тут… Старею, подумал Алексей. Надо поговорить с Павлом Афанасьевичем, он, как всегда, объяснит.

Как только стало понятно, что он уезжает, коллежский асессор повеселел. Безбоязненно отправился по магазинам, накупил подарков жене и детям. Снова спустился в подвал к Фукеру. Долго выбирал и ушел с еще более старой бутылкой, чем погибшая в драке. Съездил в Лазенки и осмотрел красивейший парк. Погулял по улицам, где еще не был. Заодно подивился странным их названиям. Помимо Золотой и Ясной сыщик обнаружил улицы Волчью, Жабью и Гнойную… Лыков чувствовал себя как висельник, которому уже надели на шею петлю, а потом вдруг объявили о помиловании. Было одновременно и радостно, и тяжело от пережитого напряжения.

Вечером Алексей пошел искать Гриневецкого. Надо было сообщить об отъезде, сдать дела, оговорить прощальный кутеж. Эрнест Феликсович нашелся во Втором Соборном участке, в атлетическом клубе. Одетый в борцовское трико, он поднимал штангу с двумя кожаными мешками, набитыми дробью. Опытным глазом Лыков определил, что дроби насыпано десять пудов.

Увидев помощника, надворный советник с грохотом бросил снаряд.

— Что случилось, Алексей Николаевич?

— Уезжаю домой.

— Когда?

— Завтра в ночь.

— Получил приказ из Департамента?

— Нет. Так поеду, как ты велел.

Гриневецкий несколько секунд смотрел на Лыкова, не решаясь задать вопрос. Потом сказал с видимым облегчением:

— Вот и правильно! Так?

— Так. Перед отъездом кутнем у Ванды?

— Хорошее место! Кто еще приглашен?

— Черенков с Бурундуковым и Егор. Ты не против Егора? Он, конечно, в маленьких чинах, но толковый.

— Против парня ничего не имею, но пристав и следователь меня недолюбливают…

— Ну и пусть. Я уеду, а вам дальше вместе служить. Пусть выстраивают с тобой отношения.

— Я-то готов. А ты уверен, что они захотят?

— Я уверен, что хочу видеть вас всех вместе перед отъездом.

— Хорошо, я буду. А ты не хочешь, раз пришел, поднять какой-нибудь страшный вес? Людям интересно! О тебе в варшавской полиции уже легенды рассказывают…

— Прикажи подвязать двадцать пять пудов.

— Сколько-сколько?!

— Двадцать пять.

— Эй, хлопцы! Тащите еще дроби! И побольше!

Со всего зала сбежались атлеты, чтобы увидеть необычное зрелище. Коллежский асессор лег под стойки, и служители начали навешивать к грифу мешки. В помещении стало тихо.

— Двадцать пять, — доложил Гриневецкому старший служитель.

Лыков сделал несколько глубоких вдохов, собрался — и трижды, страшным напряжением сил, выжал огромный груз. Все вокруг зааплодировали. Вид у атлетов был ошарашенный…

Выйдя из участка, Лыков отправился на квартиру к Иванову. Тот встретил его с испугом:

— Что-то стряслось?

— Стряслось. Я завтра уезжаю домой.

— А Ежи Пехур?

— Черт с ним! Без меня поймаете.

Егор тоже не решился спросить, почему вдруг упрямый храбрец передумал. Хозяин и гость посидели, попили чаю, разговор вели самый общий. Прощаясь, коллежский асессор пригласил своего помощника в ресторан. Сказал:

— Там будут и Гриневецкий, и Черенков. Пора определиться, с кем из них ты хочешь служить.

— Я останусь в сыскной полиции, — твердо заявил парень.

— Хорошо. Я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Вы и так уже столько сделали! Я был не имеющий чина, а теперь почти губернский секретарь. Эрнест Феликсович сообщил давеча, что к осени назначит меня помощником делопроизводителя. Представляете? А это уже девятый класс! Мне кажется, я Гриневецкого устраиваю. И он даст служить.

— Да, ему сейчас трудно. Нарбутта нет, спрятаться не за кого. Яроховский под следствием. Эрнесту Феликсовичу нужны люди, которых он сам выбрал и продвигает. Ты один из них. Ну, быть по сему! Еще скажи, как у тебя с Гоноратой?

Иванов покраснел, но не сильно.

— Вчера сходили в Большой театр.

— И что это значит?

— Ну, дело двигается… Со мной она не такая, как в семье. В смысле, не командует. Мягкая и все понимает…

— Теперь ясно. Не зевай! Куй железо, пока горячо! Кстати, когда идешь в гости на пирог?

— Послезавтра.

— Учти: отведав девичьего пирога, порядочный человек обязан жениться!

Последний день весь состоял из суеты. Лыков представился только обер-полицмейстеру (по случаю отбытия), а Петца и прочих игнорировал. Забежал еще к Сенаторову и узнал от него плохие новости. Генерал Енгалычев получил в командование дивизию. Новый правитель канцелярии Военно-Ученого комитета пришел со стороны, разведочного дела не знает. Он почему-то сразу невзлюбил подполковника Таубе и раздул вопрос о его жене, урожденной Атаманцевой. Что она была в ссылке, политически неблагонадежна и такой брак порочит честь офицера… Виктор надел все ордена и прочитал начальнику лекцию о чести. После этого ему пришлось перевестись в Казанский военный округ, где барон командует теперь резервным батальоном.

— Вот так нынче в Петербурге обращаются с заслуженными офицерами, — со вздохом констатировал Сенаторов.

Всю вторую половину дня Лыков прощался с Варшавой. Съездил в Вилянув, который называют польским Версалем. Еще раз прошагал Краковское Предместье и Новы Свят. Умылся в мутной Висле. А вечером отужинал в приличной компании. Когда пан Крухляковский увидел, с какими высокими чинами сидит за одним столом Егор, то опешил. И окончательно утвердился в мысли, что у цурки губа не дура…

Уже к полуночи бывший помощник отвез Лыкова на вокзал и посадил в поезд.

Ночью Алексей часто просыпался. Ему приснилось, что Ежи Пехур приехал в Петербург и охотится на него там. Очнул ся весь в поту… Выглянул в окно. Светало. Они стояли на полустанке. Виднелся пыльный большак, за ним — запущенный, неухоженный лес. Два мужика, несмотря на ранний час, уже пьяные, матерились у вагона. Хорошо…

На следующий после возвращения день Лыков навестил Благово. Тот держался неплохо, по квартире ходил сам, только не решался спуститься во двор. Алексей по-молодецки вынес учителя одной рукой — в другой было кресло — и усадил на солнышке. Сам устроился рядом и рассказал историю розыска Млыны-Пехура. Вплоть до их последней встречи. Больше он никогда и никому, за всю свою жизнь, не говорил об этом… Павел Афанасьевич выслушал и спросил:

— Ты как будто стыдишься такого окончания?

— А что мне, гордиться, что ли? Весь от страха сдулся, как воздушный шарик. И попался по-глупому. Чуть не обделался там в подворотне… Еще «бульдога», подарка покойного Буффало, лишился. Это же поражение по всем статьям! Никогда со мной такого не случалось.

— Помнишь, как в народе говорят? Ловит волк, ловят и волка. Не бывает одних побед. Прими это, перевари — и выкинь из души. Самое главное, что ты вернулся оттуда живой. Живой, понимаешь! К Вареньке и детям. Ко мне, старику. Какое же тут поражение? Нет. Скорее, это урок. Ты мог заплатить страшную цену за такую науку, но Господь тебя снова уберег. И конечно, я благодарен Млыне. Он убийца, правда. Но у него есть понятие о чести.

— Что мне теперь делать?

— Крепись духом. Размышляй над уроком. Ишь, поражение ему не по вкусу! Даже если и поражение… Непобедимыми только дураки в сказках бывают! А обычных людей судьба всех кувыркает, без разбора. Живи и радуйся!

Через три недели Алексей получил частное письмо от Гриневецкого. Тот писал, что Аркадиуша Млыну нашли убитым в Саска-Кемпа. На теле насчитали восемь ножевых ран. Вождь боевиков отчаянно сопротивлялся: вся трава вокруг была в крови…

Еще через неделю Лыкову пришла из Варшавы посылка без обратного адреса. Внутри он обнаружил свой «Веблей». А вместе с ним — визитную карту на имя Эугениуша Стробы, мецената.[76] На обороте карты было написано: «Приезжайте в Варшаву, вам всегда здесь рады».

Эпилог

Обер-полицмейстер Варшавы С. И. Толстой в феврале 1888 года был уволен «по прошению» и назначен членом Совета министра внутренних дел. В 1893 году короткое время исправлял должность товарища министра в отсутствие В. К. фон Плеве. Лыков тогда был помощником начальника Московской сыскной полиции, и по службе они не пересекались.

И. В. Гурко-Ромейко покинул должность варшавского генерал-губернатора и командующего войсками округа в конце 1894 года. Получил чин генерал-фельдмаршала (предпоследний в истории империи) и синекуру в Государственном совете с колоссальным содержанием — 24 тысячи рублей в год. В памяти поляков он остался одним из самых страшных гонителей и сатрапов.

Э. Ф. Гриневецкий еще долго командовал варшавским сыскным отделением. Следы его теряются в начале XX века.

Погром полиции, задуманный в 1887 году Аркадиушем Млыной, позже осуществил другой необыкновенный поляк, Юзеф Пилсудский. 15 августа 1906 года в течение нескольких часов в Варшаве были убиты более 80 полицейских и жандармов. Улицы прекрасного города густо залила русская кровь…

За несколько дней до этого застрелили генерал-майора А. Н. Маркграфского, помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части.

Не только у Млыны были последователи, но и у Малгожаты. П. П. Заварзин, возглавлявший в 1906–1909 годах Варшавское охранное отделение, упоминает в мемуарах о женщинах-боевиках, отличавшихся особой жестокостью. Он называет сразу четырех таких убийц: Островская, Галя, Роте и Салецкая. Обладая садистскими наклонностями, они превосходили в своих зверствах многих мужчин-террористов.

Польша стала-таки независимой в 1918 году. Отношения между русскими и поляками до сих пор оставляют желать лучшего. Жаль. Шкода!

Примечания

1

П. И. Рачковский — руководитель Зарубежной агентуры Департамента полиции. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

2

П. Шевырев — руководитель неудачного покушения на Александра Третьего (террористы арестованы 1 марта 1887 года; 8 мая пятеро из них, включая Александра Ульянова, были казнены).

3

Имеется в виду министр внутренних дел граф *Д. А. Толстой. Н. К. Гирс* — министр иностранных дел.

4

«Кожаный» чай лучших сортов (в отличие от дешевого «кантонского») ввозили в Россию через Кяхту зашитым в кожаные мешки — отсюда и название.

5

История противоборства Благово с Римером описана в книге «Выстрел на Большой Морской».

6

В. К. фон Плеве занимал тогда должность товарища (заместителя) министра внутренних дел.

7

Отдельный корпус жандармов.

8

Прозвище посыльных курьерской службы в Санкт-Петербурге.

9

Эта история описана в книге «Дело Варнавинского маньяка».

10

Учигай — убийца *(молд.)*.

11

Гайменник — убийца, *дергач* — налетчик *(жарг.)*.

12

Стол приключений — структурное подразделение сыскной полиции, отвечающее за регистрацию происшествий.

13

Кавярня — кофейня *(польск.)*.

14

Горячая вода, холодная и слив.

15

Керовник — конторщик, управляющий *(польск.)*.

16

Гожалка — польская водка.

17

Четверть (четверть аршина, или 4 вершка) = 17,8 см.

18

То есть в форме буквы «П».

19

Шифровка на погонах указывала номер полка.

20

«Красные» — воры. *Блатер-каины* — скупщики краденого *(жарг.)*.

21

Саска-Кемпа — Саксонский полуостров, правобережный, тогда малонаселенный район Варшавы.

22

Так называли польских повстанцев, часто вооруженных лишь косами.

23

Военно-окружное управление — штаб военного округа.

24

Чекавы — интересная *(польск.)*.

25

Дупек — дурак *(польск.)*.

26

Пув годжины — полчаса *(польск.)*.

27

Цитадель (Александровская цитадель) — русская военная крепость на севе ре Варшавы. Использовалась в том числе как тюрьма. Десятый павильон предназначался для политических подследственных.

28

Ни к черту не годится! *(польск.)*.

29

Ощев — осел *(польск.)*.

30

«Мельница»-подпольный игорный дом *(жарг.)*.

31

Кжиж — крест, *ланьчушэк* — цепочка *(польск.)*.

32

Русский храбродей — водка (оборот речи того времени).

33

Реприманд — выговор.

34

Соловая — желтоватая, со светлыми хвостом и гривой.

35

Мводжежь — юноша, молодой человек *(польск.)*.

36

Джецко — ребенок *(польск.)*.

37

Жле — плохо *(польск.)*.

38

Эта история описана в книге «Между Амуром и Невой».

39

Заверенная карточка — фотографический портрет с указанием на обороте фамилии и должности, с приложением (заверением) печати.

40

Пийяльня — пивная *(польск.)*.

41

Освед — негласный осведомитель *(полиц. жаргон)*.

42

В Польше *кофеварка* — это женщина, которая хорошо варит кофе.

43

Офицерский сундук — типовой сундук особой конструкции для перевозки офицерских вещей.

44

Этот случай описан в книге «Хроники сыска» (рассказ «Смерть провизора»).

45

Десу — нижняя юбка.

46

Здзира — шлюха *(польск.)*.

47

Шьведне — прекрасно *(польск.)*.

48

У тебя с головой не в порядке! Прощай! Иди к дьяволу! *(польск.)*

49

Боевцы — так в Польше называли боевиков.

50

Годжины свань цухом — часы с цепочкой *(польск.)*.

51

«Лестница наказаний» — перечень наказаний, предусмотренных уголовным законодательством Российской империи.

52

Имеется в виду восстание 1863 года.

53

187 см.

54

Жовнеш — солдат *(польск.)*.

55

Бавария — пивная *(польск. простореч.)*.

56

Выдел следячи — сыскная полиция *(польск.)*.

57

Шкода! — Жаль! *(польск.)*.

58

Яжембек — рябиновая водка.

59

Шпицель — шпик *(польск. уголовный жаргон)*.

60

Махер — делец *(евр. жаргон)*.

61

Размеры Рыночной площади Старого Места — 90 на 73 метра.

62

Пожички — ссуды, *вежичел* — клиент *(польск.)*.

63

Старувка — Старе Място.

64

«Беки» — боевики *(польск. полиц. жаргон)*.

65

Мышливка — охотничья настойка.

66

Это был костел Явления Девы Марии.

67

Фтшорай — вчера *(польск.)*.

68

Постарунэк — полицейский участок *(польск.)*.

69

«Сербия» — женский корпус следственной тюрьмы «Павяк». Назван так потому, что во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в этом здании находился госпиталь для раненых.

70

Пачками — то есть залпами.

71

Бельведер — дворец в Лазенках, резиденция варшавских генерал-губернаторов.

72

Огродок — кафешантан *(польск.)*.

73

Парасоль — мужской зонт *(польск.)*.

74

Ликвидационные листки — польский аналог русских выкупных свидетельств. Имели доходность 4 % годовых и срок обращения 42 года, обращались наравне с ценными бумагами. Листки получали помещики за передачу их земель крестьянам по

«милютинской» аграрной реформе 1863 года.

75

Спепжай! — Проваливай! *(польск.)*

76

В Польше меценатами называли людей без определенного рода занятий.